

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2019. Т. 14

№2 (188)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2019. T. 14

№ 2 (188)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, первый проректор УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Уральского
гуманитарного института УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Я. В. Дидковская,
докт. социол. наук, доц.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Старшинова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ

- Мельник А. В., Шемонаев Т. И.* Дискурсивная картина мира: онтологический анализ 5

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Ахметшина Р. Р.* Стереотипы восприятия россиянами воспитанников детских домов 14
- Бирюков Е. С., Козлов В. Н., Романенкова Д. Ф., Салганова Е. И.* Образовательные потребности абитуриентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья как фактор их адаптации в трансформирующемся обществе 21
- Антонова Н. Л., Хафизова В. Р.* Студенты-журналисты: профессиональные намерения и ценностные ориентации в условиях медиатизации общества 39
- Якимова О. А., Меньшиков А. С.* Динамика отношения к иммигрантам в России в контексте ее сравнения с европейскими странами 46
- Грунт Е. В.* Стиль жизни русскоязычных эмигрантов в современной Греции: региональный аспект 62

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Абзалбеков Б. С.* Особенности ценностно-нормативных ориентаций современных политических партий России 74
- Сейдуманова А. С.* Особенности формирования этнополитических моделей на постсоветском пространстве 85

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Иванников Н. С.* Об институциональных решениях в рамках ликвидации препятствий по обеспечению продовольственной безопасности человека 94
- Керимов А. А., Баков А. А.* Международная активность регионов: основные направления и инструменты парадипломатической деятельности 102

- Бахтуридзе З. З., Васильева Н. А., Погодин С. Н.* Роль платформы сотрудничества «16+1» в стратегических взаимоотношениях ЕС и КНР 108

- Дронишинец Н. П.* Сотрудничество между ЕС и Японией в области глобальной и региональной безопасности 117

- Борисов Д. А.* Внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве: стратегия и практика 130

- Бахриев Б. Х.* Центральноеазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) 140

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Гайнуллина Л. Ф., Сафина А. М.* Троллинг как форма проявления иронии в интернет-пространстве: философский и культурно-антропологический аспекты 153
- Чеснокова Л. В.* Приватность, скука и гендерные отношения в эпоху модерна 164
- Устюгова Е. Н.* Русский авангард 1920-х гг.: два пути схождения жизни и искусства 177
- Смирнова Т. Н.* Экзистенциал тишины в творчестве В. Сильвестрова 185

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Шестовских Н. А.* Концепция «христианского социализма» в работах русских религиозных философов (конец XIX — начало XX в.) 193
- Шуталева А. В., Путилова Е. А.* Проблема абсурда в религиозной философии Льва Шестова 204

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Гуселетов Б. П.* Европейские выборы 2019: региональный аспект 211
- Авторы номера 214
- Summary 217

ОНТОЛОГИЯ

УДК 140.8 + 111.1 + 165.62

**А. В. Мельник
Т. И. Шемонаев**

ДИСКУРСИВНАЯ КАРТИНА МИРА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье в онтологическом аспекте концептуализируется феномен дискурсивной картины мира, а также исследуется ее соотнесенность с социальным порядком. Авторами используется феноменолого-герменевтический метод, который позволяет прояснить специфику бытия дискурсивной картины мира в отношении к языку и социальной реальности. Дискурс как высказывание существует в качестве актуального события. Дискурсивная картина мира есть открытая динамическая система понятий, которая, с одной стороны, формируется под влиянием дискурсивных практик, а с другой — влияет на их интенциональность. С онтологической точки зрения эта система находится между языком и реальностью, оказывая влияние как на язык, так и на реальность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс, дискурсивная картина мира, язык, сознание, реальность, коммуникация, дискурсивная практика, феноменология, герменевтика, событие, положение вещей, квантовая система.

В области современных гуманитарных исследований дискурсивная тематика приобрела междисциплинарный статус. Феномен дискурса, став первоначально предметом изучения в лингвистике, получил дальнейшую разработку в психологии, социологии, политологии, этнологии, философии и других науках. Философская репрезентация множественности различных типов дискурсов обеспечивается соответствующей картиной мира. Именно дискурсивная картина мира, представленная на концептуальном философском уровне, формирует целостное видение ее составляющих. Из этого совсем не следует необходимость утверждения дискурсивного эссенциализма. Скорее наоборот, речь идет об онтологической гетерогенности дискурсов, обладающих конструктивистской природой.

Осмысление дискурсивной проблематики в смежных с философией дисциплинах начинается с момента совершения в середине прошлого века «дискурсивного переворота». Накопленный опыт данного осмысления требует своего обобщения. На такой вызов в концептуальном плане способна ответить философия, которая

в качестве организующего начала для дискурсивного опыта выдвигает понятие «картина мира». Целью данного исследования являются определение в онтологическом аспекте понятия «дискурсивная картина мира» и выявление специфики ее соотношенности с социальным контекстом. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: установить концептуальную связь между дискурсом и картиной мира, провести различение понятий «языковая картина мира» и «дискурсивная картина мира», изучить природу последней, выявить включенность дискурсивной картины мира в социальную практику.

В настоящее время методологическая сторона дискурсивной проблематики представлена широким спектром различных подходов. Отечественный ученый О. Ф. Русакова отмечает шесть таких подходов, а именно: 1) лингвистический подход (К. Леви-Стросс [8]); 2) кратологическая трактовка дискурса, фокусирующая внимание на его властных характеристиках (М. Фуко [14]); 3) семиотическая трактовка дискурса, рассматривающая дискурс как знаково-символическое культурное образование, как культурный код (У. Эко [17]); 4) социокоммуникативная трактовка дискурса, акцентирующая внимание на его коммуникативных целях и социальных функциях (Ю. Хабермас [15]); 5) постмодернистское понимание дискурса, представляющее дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходят конструирование и переформатирование реальности (Ж. Деррида [3]); 6) критический дискурс-анализ, соединяющий лингвистические, кратологические, семиотические и социокоммуникативные трактовки дискурса (Тейн ван Дейк [2]) [12, 5]. Отмеченное многообразие подходов можно классифицировать по уровню их обобщения понятия дискурса — начиная от специализированного лингвистического подхода и завершая предельно широким критическим дискурс-анализом. Значительным эвристическим потенциалом, отвечающим цели исследования, обладает феноменолого-герменевтический метод, который предусматривает возможность рассмотрения чистого переживания какой-либо предметной реальности, но также позволяет осуществлять реконструкцию определенных смыслов, используя интерпретацию.

На парадигмальном уровне дискурсивная картина мира формируется в контексте «треугольника» понятий «сознание — язык — реальность». Сведение дискурса к языку означало бы его узкоспециальную лингвистическую интерпретацию, возведение же дискурса в разряд самостоятельной субстанции свидетельствовало бы о его радикальной онтологизации. Вместе с тем дискурс не есть сознание, но он имеет отношение к каждой из «вершин» данного «треугольника». Сложность изучения дискурса заключается в его промежуточном положении между языком и реальностью, а также определяется его связью с сознанием. Особенность данного положения отражает расхожая формула: «дискурс — это язык в жизни», или «текст, погруженный в жизнь». В этом плане дискурс снимает оппозицию языка как знаковой системы и реальности как явленного жизненного мира.

Открытость дискурса, обусловленная двусторонней связью с языком и реальностью, подчеркивает его процессуальный характер. Речь идет о том, что способом существования дискурса является акт. Поль Рикёр пишет: «Для дискурса способом присутствия является *акт*, инстанция (Бенвенист), которая как таковая

имеет природу события. Изречение есть актуальное событие, акт перехода, акт исчезновения; система, напротив, существует вне времени (*a-temporel*), поскольку она — просто виртуальна» [10, 145]. П. Рикёр, опираясь на исследования Э. Бенвениста, видит в качестве основания дискурса высказывание, которое имеет прагматическую интенцию на проговаривание с учетом измерения времени, в то время как языковая система не имеет намерений и существует вне времени, но благодаря инстанции дискурса обладает референцией.

Согласно П. Рикёру говорить — значит говорить что-то о чем-то [Там же]. Интенциональность дискурса порождает значения, которые укореняют языковые формы в реальности. В этом плане дискурс наполняет энергией чистые смыслы, эйдосы, которые обретают реальный (вещный — в кантовском смысле) онтологический статус. «Это движение смысла (идеального) к соотношенности (реальной) является сутью самого языка» [Там же, 146]. Процесс смыслообразования, в котором участвует дискурс, устанавливает связь последнего с картиной мира, репрезентирующую некоторую совокупность представлений о предметной реальности.

Целостное видение эйдетического мира воплощается в понятии «картина мира». Она становится актуальной, когда требуется прояснить фундаментальные основания явленного сущего. «Картинность» предполагает поставленность чего-либо на вид. При таком подходе исследователь становится в позицию наблюдателя, который, с одной стороны, отделен от изображаемого картиной, с другой — связан с нею по линии внимания. Крайняя степень вовлеченности наблюдателя в нарративный мир картины, даже его поглощенности картиной, происходит в том случае, когда внимание наблюдателя полностью захвачено самой картиной. Удержание состояния отстраненности от картины, при некоторой в нее вовлеченности, позволяет сохранить субъектность наблюдателя, что создает предпосылки для его вступления в отношения диалога с картиной мира.

Специфика картины мира обнаруживается в том, что она не есть отображение мира и не есть «окно» в мир, но выступает именно его интерпретацией. Иначе говоря, сама картина мира, имея отношение к области сознания, является познавательным конструктом. М. Хайдеггер, говоря о поиске и нахождении бытия сущего в представленности сущего, замечает, что «везде, где сущее не истолковывается в этом (представленности сущего. — А. М.) смысле, не может и мир войти в картину, не может быть картины мира» [11, 49]. В акте интерпретации происходит полагание того или иного смысла, который являет собой единство формальных языковых структур и личного опыта бытия сознания. Через язык бытие становится «делимым», а сознание приобретает опыт различения.

Возникающие в результате интерпретации смыслы в своей совокупности образуют картину миру. З. Д. Попова и И. А. Стернин [9] понимают под картиной мира «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [16, 4]. Онтологическое понимание картины мира демонстрирует М. Хайдеггер, в частности, он заявляет, что «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [Там же, 49]. При таком подходе картина мира есть целостный образ мира, высвечивающий его наиболее

существенные свойства. Процесс становления картины мира происходит двумя путями — прямым и опосредованным. В результате прямого, непосредственного восприятия мира складывается наивная картина мира, не имеющая понятийных посредников в сознании. Ее содержание составляют мифологические представления, не устанавливающие в конечном счете различия между картиной мира и самим миром. Такая картина мира возникает в результате пассивного отражения сознанием воспринятой предметности. Опосредованная картина мира фиксирует языковыми средствами понятийные структуры. Ее основанием является логос, выраженный в виде логического высказывания. Отечественный ученый Н. В. Суслов, указывая на собирательно-раскрывающий импульс логоса, замечает, что, «развертываясь доказательно-логически, он (импульс логоса. — А. М.) выступает в качестве дискурса-Разума» [13, 64]. В опосредованном отношении картина мира является системой рациональных концептов, обуславливающих способ восприятия мира. Изучение картины мира в преломлении к динамическому пониманию языка, создающему дискурс, порождает дискурсивную картину мира.

Следует принять во внимание, что существует некоторое множество частных картин мира, например, мифологическая, религиозная, научная, художественная, языковая, этническая и проч. Каждая из них высвечивает определенный аспект реальности. Коммуникативная интерпретация той или иной картины мира выявляет ее дискурсивную сторону, связанную с социально-коммуникативной онтологией. «Дискурсивная картина мира предстает не только как система концептов, объединяющая коммуникантов, но как тип коммуникации, вплетенной в типовые ситуации социальной деятельности» [3, 41–42]. Такая картина мира является открытой динамичной системой понятий, которая формируется в координатах адресант — адресат, имеющих интересы и ценности.

Интенциональный дискурс говорящего определяет смысловое наполнение дискурсивной картины мира, влияющей на социальные практики. Причем ситуативность, временность, эффективность и целесообразность самого дискурса находят отражение в соответствующей картине мира. Необходимо иметь в виду, что ее отличие от языковой картины мира не сводится к простой конкретизации возможностей языка на практике. «Между языковой и дискурсивной картиной мира существуют нелинейные отношения. Эта нелинейность отношений определяется “впаянностью” дискурсов в социальные процессы, что, в свою очередь, предопределяет принципиальную динамичность дискурсивных картин мира, непосредственное влияние на социальные практики участников дискурсов» [6, 39]. Именно повышенный динамизм и значительная погруженность дискурсивной картины мира в социальные процессы главным образом отличают ее от языковой картины мира. В связи с тем что дискурс совершается в настоящий момент с участием говорящего и слушающего, то возникает необходимость некоторого согласования их дискурсивных картин мира, установление которого способствует формированию у коммуникантов взаимопонимания. Негарантированность этого согласования свидетельствует о нелинейности дискурса.

Нелинейная природа дискурса объясняется неизбежностью герменевтической ситуации, в которой находятся участники дискурса. Любой дискурс — это

не просто обмен информацией, но прежде всего обмен смыслами, которые необходимо понять и истолковать. Момент интерпретации неизбежно придает дискурсу нелинейный характер, поскольку истолкование смысла — это небуквальное восприятие информации, и происходит в пространстве дискурсивной картины мира собеседника, в которую воспринятый смысл приходит извне. В момент дискурса каждый его участник, даже если он имеет дело с текстом как с собеседником, переживает встречу, событие. Поэтому дискурс, будучи нелинейным, имеет очевидную событийную природу, как это и отмечалось в «Конфликте интерпретаций» у П. Рикёра.

Согласно французскому феноменологу Клоду Романо событие — это то, что мы можем обнаружить между фактом и сущностью. Событие нельзя описать на языке сущностей, но и нельзя свести к вещам или положениям вещей, входящим в это событие, поскольку оно не есть, как сущность, и не наличествует, как положение вещей. Оно просто происходит, не проявляясь как факт, в смысле «Логико-философского трактата» Витгенштейна [1], или сущность, или как положение вещей. Более того, в феноменологии события Клода Романо смысл отдельного события является абсолютной сингулярностью, — он требует адекватного ему опыта различения, в котором он различён со смыслом других событий и положений вещей.

«Здесь следует подчеркнуть, что событие не наступает сначала, как обычный факт, чтобы только затем, в силу модификации своего смысла, получить статус события: в своем истоке событие *есть* сама революция смысла. Событие есть потрясение смысла мира, которое приходит как факт и вместе с этим фактом и в силу которого смысл такого факта изымается из смысла других фактов, отсекается от него и исключается из него» [11, 72]

Такая неизбежная герменевтическая ситуация дискурса как события либо делает его новым элементом дискурсивной картины мира, либо приводит к ее полному изменению или смене на другую. Причем такое промежуточное положение дискурса как события — между сущностью и фактом — подтверждает наше первоначальное положение о том, что дискурс занимает промежуточное положение между языком как открытой системой значений (т. е. идеальной предметности — сущностей) и реальностью (фактами и совокупностями фактов).

На данном этапе мы можем указать на событийную природу дискурсивной картины мира, проявляющуюся в дискурсивном акте, связывающем язык и реальность. Ее генезис прослеживается из конкретной герменевтической ситуации каждого участника дискурса как носителя своей дискурсивной картины мира, то есть из всего, что обуславливает возможности истолкования смысла события, происходящего с каждым участником в момент дискурса. Типология дискурсивных картин мира скорее всего обусловлена типами предметностей или, в терминах Гуссерля, «регионами онтологии», являющимися интенциональными в каждом отдельном дискурсивном событии. То есть это либо физическая предметность, либо идеальная, либо положения вещей или ход вещей (события), либо само сознание. Естественно, внутри каждого региона можно различать отдельные его виды.

Что же касается выявления включенности дискурсивной картины мира в социальную практику, то в данном случае можно проанализировать ситуацию необходимости смены целых парадигм дискурсивных картин мира. Наиболее очевидным образом это можно сделать на примере научной социальной практики — там, где тематизируется и проблематизируется смысл понятия «реальность». Это позволит нам прийти к очевидности возможных вариантов того, с чем же, то есть с какими реальностями, связан язык посредством дискурса. Одним из наиболее ярких примеров смены парадигм дискурсивных картин мира в науке является возникновение и восприятие теории квантовой механики в научном мире.

Речь идет о ситуации в истории физики, последствия которой продолжаются и в современных физических исследованиях, — о дискуссии, в которой проблематизируется статус понятия «реальность» в связи с открытиями основных принципов квантовой механики Копенгагенской школой. До этих открытий в научном дискурсе не было теорий, в которых подвергалась бы сомнению независимость физической реальности от ее наблюдателя, даже после открытий Эйнштейна относительного характера физических параметров, считавшихся абсолютными в классической ньютоновой механике. И специальная, и общая теории относительности Эйнштейна с точки зрения логики и методологии науки являются «полными» теориями относительно макромира, то есть такими, которые описывают и доказывают все события и явления, которых они касаются. В отличие же от них квантовая теория, согласно Эйнштейну, не была полной, поскольку включала в себя описания таких параметров частиц, которые имеют статистический характер: когда параметр известен только в момент наблюдения квантовой системы. Данный факт приводил к выводу о зависимости физической реальности, хотя бы на микроуровне, от эмпирического опыта относительно нее.

Чтобы «спасти» независимость физической реальности, сторонники позиции Эйнштейна, равно как и сторонники «копенгагенской интерпретации», вели исследования в двух основных направлениях: либо в направлении создания гипотез «скрытых параметров», то есть таких, которых мы не знаем, но которые дополняют неполный характер квантовой механики, либо в направлении признания факта мгновенного дальнего действия, что позволяет не использовать понятие «скрытые параметры». Таким образом, либо реальность, хоть и скрытая, существует, но независимо от наблюдателя и измерение выявляет элемент объективной реальности, либо нужно отбросить локальный характер вселенной на микроуровне и признать факт таинственного мгновенного дальнего действия — когда изменение параметров (например, спина) одной частицы в квантовой системе вызывает изменение параметров другой частицы независимо от расстояния, то есть признать факт нелокальности физической реальности хотя бы на ее микроуровне. Необходимость такого выбора стала очевидной после открытия нарушения так называемых «неравенств Белла». «Нарушение неравенств Белла требует, чтобы одна из этих предпосылок была отброшена. Принимая реализм, мы должны отбросить локальность, что имеет далекоидущие последствия» [7, 295].

Очевидно, что с точки зрения философского дискурса обе возможности «спасения» независимости реальности имеют явный метафизический характер,

который будет просто физическим, если признать свойства квантовой реальности зависимыми от наблюдения за ней. До настоящего времени существуют сторонники как последнего варианта, так и мгновенного дальнего действия. Однако и теория зависимости реальности имеет два возможных исхода. Первый заключается в том, что мы не учитываем факт наличия сознания наблюдателя и просто приравниваем его к детектору, в котором фиксируется эксперимент. Второй исход, что является уже достаточно общим местом в современной физике, состоит в том, чтобы признать факт влияния сознания наблюдателя на исход эксперимента с квантовой системой — на то, каким образом преобразуется волновая функция Шрёдингера, описывающая поведение частицы в квантовой системе, то есть то, в какой степени любая частица, имеющая массу покоя, а не только фотон, этой массы не имеющий, проявляет свойства, описанные в теории корпускулярно-волнового дуализма. Другими словами, это доказывает, что сознание наблюдателя обуславливает то, что частица, имеющая массу покоя, например электрон, ведет себя в момент наблюдения либо как частица, либо как волна.

Признание же факта мгновенного дальнего действия приводит нас к другой границе физики и метафизики. В этом случае мы не можем сказать ничего конкретного о пространстве и времени квантового мира. «Что происходит на самом деле в “запутанном”¹ квантовом мире, в каком пространстве и каком времени — неизвестно. По крайней мере все говорит об исчезновении *там* нашего обычного трехмерного пространства, а в силу мгновенности квантовых взаимодействий происходит также исчезновение *там* и нашего обычного разделения времени на прошлое, настоящее и будущее» [7, 297].

В этом случае перед нами научная очевидность реальности «вещей в себе» — вне пространства и времени, относительно чего Кант полагал невозможность создания какой-либо научной теории. «Мы видим, что происходит очередной онтологический поворот. И если предыдущий был реакцией на “гносеологическое засилье” вернувшихся к Канту, то теперь это реакция на ограниченность рационального мышления» [Там же, 307].

В результате очевидно, что событие открытия фундаментальных законов квантовой механики — очень значимого в физическом дискурсе — привело к ряду новых дискурсивных картин мира в связи с интерпретациями этого события. Новые научные картины мира требуют либо включения в себя не совсем научных метафизических принципов, либо принципа зависимости реальности от сознания, познающего эту реальность. Причем чем дальше, тем больше экспериментальных подтверждений, что законы квантовой механики распространяются на объекты, имеющие размеры уровня макромира. А это влечет за собой вывод о возможности влияния сознания на всю физическую реальность — как микро-, так и макроуровня. Впрочем, современный физический дискурс весьма неоднороден, и в нем достаточно сторонников объективного реализма. Однако в этом

¹ *Entanglement* (в переводе с англ. «спутанность», «сцепленность») — термин, введенный Шрёдингером в теории квантовой механики. Означает связь между частицами, благодаря которой у них синхронно меняются параметры в независимости от расстояния.

случае независимость физической реальности требует «жертвы» в виде принятия явно метафизических принципов.

В современном научном мире наблюдается довольно странное для философского дискурса, начиная с Нового времени, положение вещей: объективный реализм требует принятия метафизических принципов, которые не обязательны для субъективизма. При этом само утверждение влияния сознания на внешнюю реальность имеет явный метафизический статус, поскольку требует таких проясняющих эту связь аргументов, которые располагаются за пределами эмпирической или логической области науки.

Итак, мы рассмотрели пример включенности дискурсивных картин мира в такую форму социальной практики, как фундаментальная наука. При этом можно сделать вывод, что если дискурс связывает язык и реальность, то, согласно описанным выше физическим теориям, в одном случае это связь языка и в определенной, но очевидной степени метафизически возможных миров. В другом случае дискурс связывает язык и реальность, в той или иной степени обусловленную сознанием. А значит, в определенной мере опосредует связь языка и самого сознания, его же и порождающего. И здесь уже снова становится очевидным вопрос об онтологическом статусе языка. Однако ставится этот вопрос на основаниях, отличных от тех, что приводил Хайдеггер, который не признавал и даже отрицал необходимость тематизации понятия «сознание».

В данном случае можно говорить о том, что научный дискурс, порожденный европейской традицией, находится в ситуации, которую Франсуа Жюльен описывает как драму европейского мышления, попавшего в ловушку абстрактного понятия времени и разделившего тем самым бытие на мир существования и мир вечности (сущностей) [5]. В этом разделении Жюльен видит истоки европейской метафизики, равно как и всех ее проблем и противоречий, описанных Кантом. В описанном нами случае рецепции квантовой теории в научном дискурсе понятия присутствия и отсутствия, настолько значимые в описании объекта в эксперименте с квантовой системой, имеют то же значение, что и для всей традиции европейской метафизики. То есть классические традиции мысли в науке и философии, в случае понятий присутствия и отсутствия объекта, в данном случае не отличаются от таких неклассических теорий, как квантовая механика.

«С разделения “присутствия” и “отсутствия”, отступающих в противоположные стороны от рассеянного и разбросанного потока вещей, с разделения, которое само, по сути своей, отсылает к разделению “бытия” и “не-бытия”, с этого различения-расхождения, начался в самом начале — подъем нашей метафизики. <...> Если уж я заговорил о присутствии как об одном из великих фантазмов Запада, как об одном из тех фантазмов, которые создали “Запад” и тем самым придали смысл этому сомнительному наименованию, то потому, что, на мой взгляд, это фантазм не только теоретический, но и, так сказать, экзистенциальный. Доказательство этому — то, что мышление присутствия не только обнаруживается в основе онтологии, но и живет в сердце нашей теологии...» [4, 21–22].

Возможно, благодаря именно этим западным фантазмам в европейском философском и даже естественно-научном дискурсе приходится создавать такие

картины мира, которые обуславливают введение в науку и философию принципов метафизической либо субъективно обусловленной реальности.

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы (часть I). М., 1994.
2. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
3. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 407–427.
4. *Жюльен Ф.* Великий образ не имеет формы, или Через живопись к не-объекту: Опыт де-онтологии. М., 2014.
5. *Жюльен Ф.* О времени. Элементы философии «жить». М., 2000.
6. Картины русского мира: современный медиадискурс / З. И. Резанова, Л. И. Ермоленкина, Е. А. Костяшина и др. ; ред. З. И. Резанова. Томск, 2011.
7. *Карпенко А. С.* В поисках реальности: исчезновение // Карпенко А. С. Логика & метафизика. М. ; СПб., 2017.
8. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985.
9. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2007.
10. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 695.
11. *Романо К.* Авантюра времени: Три эссе по феноменологии события. М., 2017.
12. *Русакова О. Ф.* Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 5–34.
13. *Суслов Н. В.* Герменевтичность логоса // Эпистемы : материалы межвуз. семинара : альм. Вып. 3 / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник. Екатеринбург, 1998. С. 61–66.
14. *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996.
15. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 76.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. М., 1993.
17. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 432.

Рукопись поступила в редакцию 15 февраля 2019 г.

УДК 316.37-053.2 + 347.157 + 347.623-055.862

Р. Р. Ахметшина

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЯНАМИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

В статье рассматривается проблема восприятия россиянами воспитанников детских домов. Автор делает вывод о сложившихся негативных стереотипах в их восприятии в современной России. Население рассматривает детей-сирот в основном как одиноких, бедных, несчастных, грустных, невоспитанных, озлобленных и пр. Негативная коннотация связана с отсутствием информации у большей части населения о таких детях и негативной подачей информации о них в СМИ и Интернете. Негативные стереотипы восприятия детей-сирот становятся препятствием на пути их благополучной адаптации в обществе. Исследование также показало, что эффективное использование информационных каналов СМИ, активное включение общества в жизнь детского дома может создать более достоверное представление о детях-сиротах. Автор делает вывод: в современной России наметился новый тренд волонтерского движения среди населения — оказание помощи детям, проживающим в детских домах. Часть респондентов (30,0 %) также выразила готовность оказывать такую помощь.

Ключевые слова: дети-сироты, детский дом, негативный стереотип, россияне, СМИ, Интернет.

Введение в исследовательскую проблему. Неравномерность политических, социально-культурных, социально-экономических изменений, политические и экономические кризисы, кризис культуры и семьи привели к тому, что в современных условиях, когда государство отказывается от патернализма в социальной сфере, в российской культуре вновь появляется такой феномен, как сиротство. Он не является новым для отечественной культуры, однако сегодня возникает в условиях мирного времени. Таким образом, чрезвычайно важным и актуальным представляется как изучение проблемы детей-сирот, так и изучение стереотипов, сложившихся в России в отношении детей-сирот.

В течение жизни у людей формируются свои стереотипы, или своеобразные шаблоны восприятия «чужих» и «своих», а также появляются критерии их разделения. Сегодня в российском обществе сложились стереотипы в отношении

детей-сирот, как правило, имеющие негативный оттенок. Между тем мы согласны с мнением У. Липпмана о том, что стереотип является способом упрощения восприятия сложных процессов и явлений в мире [6]. Таким образом, стереотипы — необходимая часть функционирования общества. Однако нередко под их влиянием определенные группы людей подвержены негативному восприятию со стороны общества, что может препятствовать нормальному развитию личности, включенной в данную группу. Подобной группой являются воспитанники детских домов. Несмотря на имеющиеся проекты активного субсидирования молодых семей, которые нацелены на увеличение числа усыновленных детей, в России продолжает существовать такой социальный институт, как детский дом.

На данный момент особенности социализации детей из детских домов являются малоизученной областью социологического знания, в частности, это касается проблематики стереотипизации образа выпускника детского дома. Большая часть исследований посвящена проблемам, связанным с психологическим состоянием детей-сирот, условиями их проживания в детских домах, вопросами физического здоровья, устройства их в приемные семьи. Так, А. В. Соловьева в работе «Социальное сиротство: грани проблемы» выделяет основные вопросы, связанные с воспитанием и образованием детей в детских домах [9]. Схожую проблему затрагивают Г. Б. Сайфутдинова и А. В. Харитоновна в работе «Сиротство и альтернативы решения проблемы (на примере Республики Татарстан)» [8]. Данное исследование посвящено проблеме устройства детей-сирот в семьях.

Именно вопрос увеличения числа приемных семей является отдельным пластом научных исследований в отечественной науке. Ученые полагают, что приемные семьи — это основной способ решения проблемы уменьшения количества детских домов в современной России. Часть исследований рассматривают проблемы адаптации выпускников детских домов. Но большая их часть делает акцент на образовательных учреждениях — колледжах, университетах. Примером могут являться исследования последних лет: М. С. Леонтьева «Теоретические проблемы социализации и социальной адаптации детей-сирот» [5], З. Г. Данилова, А. А. Реан «Ресоциализация детей-сирот в условиях профессионального колледжа» [3] и др. Однако все эти работы во многом касаются проблем психолого-педагогического подхода к адаптации детей-сирот. Центральная проблема данных работ — анализ возможностей российского общества в сокращении числа детей-сирот в современной России. Приводятся ежегодные данные статистики увеличения числа приемных семей, сокращения числа детей-отказников. Эти данные во многом коррелируют с общей тенденцией снижения рождаемости в России.

Педагогические работы касаются рассмотрения профессиональной адаптации детей из детских домов: в них говорится о проблеме улучшения качества включения сирот в образовательный процесс и соответственно об их дальнейшей социализации в обществе после окончания образовательного учреждения. Как отмечают исследователи, сам детский дом как отдельный социальный институт представляет собой достаточно закрытую от внешнего мира сферу общественной жизни. В работах Т. С. Горновой [1] и Н. Г. Гулиной [2] описаны

основные характеристики детского дома, которые иллюстрируют степень исключения детей из реальной практики общения (примитивность контактов со взрослыми, ограничивающаяся задачами овладения бытовыми навыками, контролем за соблюдением формальных правил общежития и пр.). В меньшей степени изучена в социологии проблема социализации детей из детских домов через призму их восприятия социумом [4]. Практически не рассматривается проблематика восприятия таких детей обществом, которое при закрытой форме функционирования детского дома создает свои представления о них на основе различных источников информации — СМИ, Интернета, ближайшего окружения, образовательных учреждений. Все это дополняется личными домыслами людей, что формирует определенные стереотипы восприятия детей-сирот, основанные на субъективных оценках.

Между тем, несмотря на устойчивость стереотипа, различные обстоятельства жизнедеятельности общества и самой личности могут изменять его. Связано это с тем, что именно социум становится местом развития и функционирования личности, и то, как она принимается или не принимается им, влияет на полноценную социализацию индивида [7]. Общество, находящееся за границами подобных учреждений (детских домов), не имеет возможности составить полноценной картины об образе их воспитанников.

Методы исследования. Цель исследования — изучение стереотипов россиян в отношении детей-сирот. В исследовании использовались количественная и качественная стратегии. Был применен метод онлайн-опроса. Выборка — метод «снежного кома». На базе Google Форм нами была создана анкета. Опрашивались люди в возрасте от 20 до 60 лет (200 человек).

Второй метод исследования — метод глубинного интервью. В качестве информантов были выбраны сотрудники детских домов, волонтеры (вступавшие в непосредственный контакт с детьми из детских домов). Средняя длительность интервью составляла 15–20 мин.

Результаты исследования. Исследование показало, что многие стереотипы основаны на чувстве жалости, это подтверждают 57 % опрошенных; 73 % респондентов, видя таких детей, испытывают чувство грусти. При этом мнения разделись по показателям опасности, которую несут дети из детских домов: 48 % респондентов рассматривают их как «опасных для общества» (связывают с ними возникновение девиантного поведения, криминала и пр.).

К ярко выраженным негативным стереотипам восприятия детей-сирот относятся следующие: «озлобленные» (41,0 %), «замкнутые», «агрессивные» (36,0 %), «недружелюбные» (30,0 %)» (рис. 1). При этом внешний вид не играет важной роли в определении образа воспитанника интерната. Такие стереотипы укрепляются, обрастают новыми домыслами и активно транслируются через различные информационные каналы.

Вместе с тем большинство респондентов (около 60,0 %) не видят каких-либо характеристик, отличающих детей из детского дома от детей, воспитывающихся в семье. Данные онлайн-опроса подтвердили наши информанты: *«Это такие же дети, которым нужны внимание, любовь, общение. У меня нет такого четкого*

разделения: вот это детдомовские дети, а это не детдомовские» (информант 1); «Когда узнаешь их ближе, они такие же дети, они открытые, у них свои какие-то интересы» (информант 2).

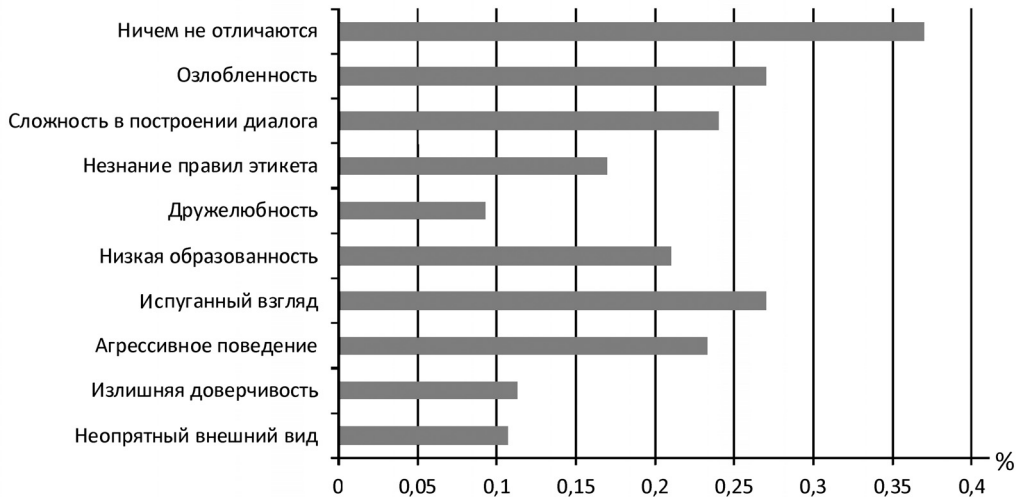

Рис. 1. Стереотипы восприятия респондентами воспитанников детских домов, % к числу опрошенных

В исследовании респондентам был предложен следующий тезис: «условия воспитания в детских домах ведут к снижению уровня их интеллектуального развития и воспитания». Исследование показало, что 61 % опрошенных отчасти согласились с этим мнением; 17 % полностью согласны; 17 % не видят разницы в особенностях воспитания в семье и в детском доме.

Данные стереотипы имеют свои источники возникновения. В ходе опроса выяснилось, что большая часть респондентов, участвовавших в опросе, не имели личного контакта с детьми из детских домов.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, кто формирует представления, стереотипы о воспитанниках детских домов в современной России (рис. 2).

Было показано, что основным источником информации являются СМИ (75,0 %). Вторым важным источником информации являются референтные группы (друзья, знакомые) (66,7 %); 53,0 % респондентов отметили Интернет как один из ключевых источников информации о детях-сиротах. Какую информацию чаще всего получают респонденты по данной теме? Наиболее популярна среди них информация о предложении усыновления, об истории из жизни детей-сирот, о неблагополучном усыновлении, репортажи о насилии в детских домах. Все эти источники информации, по мнению респондентов, формируют негативные стереотипы о детях-сиротах. Однако часть респондентов (30,0%) полагают, что эти стереотипы можно изменить (рис. 3).

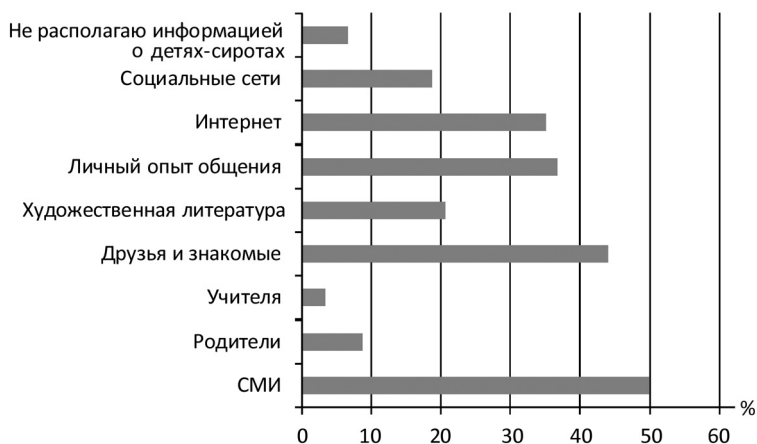

Рис. 2. Мнение респондентов об источниках получения информации о детях-сиротах, % к числу опрошенных

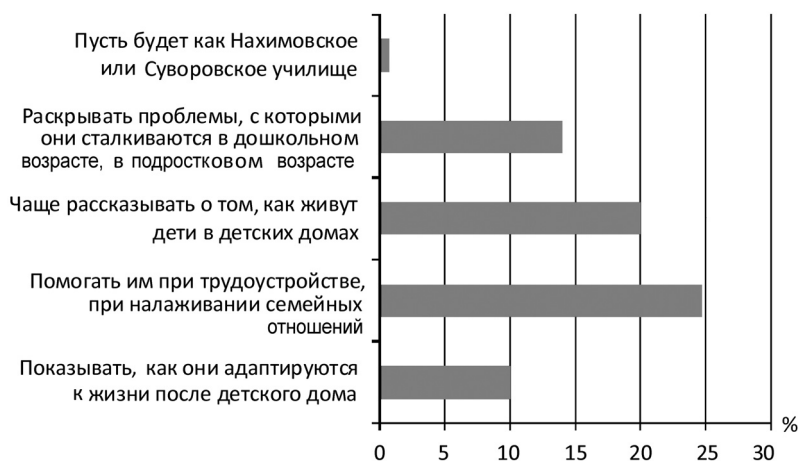

Рис. 3. Способы воздействия на существующие стереотипы восприятия детей-сирот, % к числу опрошенных

В качестве основного способа изменения стереотипа 25 % респондентов предлагали увеличить количество позитивной информации о том, как живут воспитанники в детских домах (20 %), как они адаптируются в обществе (10 %). При этом более 40 % готовы лично принять участие в оказании помощи детским домам не только материальной, но и в плане социальной адаптации детей. Этот факт, несомненно, является положительным и достоин внимания со стороны органов опеки. Однако исследование показало, что сам формат участия респондентов в жизни детских домов достаточно ограничен (рис. 4). Большая часть респондентов не участвуют в жизни детских домов. Только 14 % относят ненужные вещи в центры помощи детям-сиротам. Вместе с тем готовность 40,0 % опрошенных

участвовать в жизнедеятельности детских домов говорит о наметившемся тренде волонтерского движения в России — помощи детям-сиротам со стороны населения.

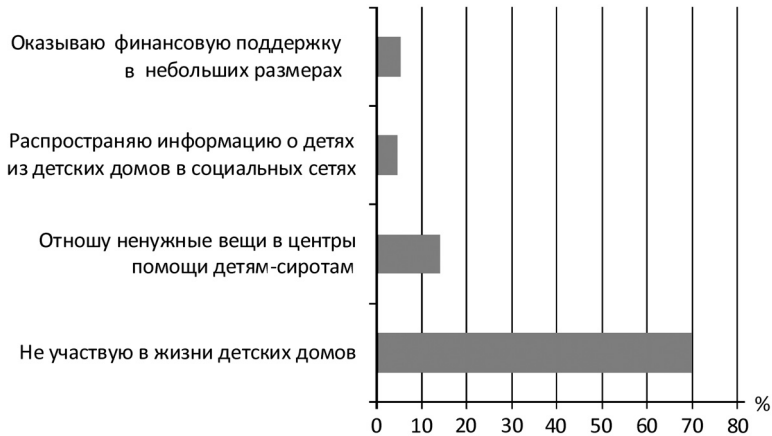

Рис. 4. Формы участия респондентов в жизни домов для детей-сирот, % к числу опрошенных

Информанты подтвердили мнение респондентов о необходимости изменения стереотипов населения посредством знакомства с детьми-сиротами и включения в их деятельность: *«Если люди будут включаться в проблемы, не привозя подарки, а действительно решая какие-либо проблемы, то, конечно, они изменяют как конкретного человека, так и мнение о нем»* (информант 1); *«Проблем у детей-сирот много. Их практически никто не решает. Общество должно быть более толерантно к таким детям. Многое зависит и от нас. Часто мы видим их проблемы, но проходим мимо. Если мы будем помогать детям-сиротам, то будет меняться наше отношение к ним, будут меняться и сами дети»* (информант 3).

Информанты указывали на следующие проблемы выпускников детских домов в реальной жизни: неумение в бытовом плане себя обеспечить, низкий уровень доверия к окружающим их людям, незнание своих целей и планов на дальнейшее развитие. Однако при этом они считают, что в будущем дети-сироты способны создать полноценную семью вне зависимости от отсутствия опыта в организации семейного быта. Также респонденты едины во мнении, что в плане успешности в дальнейшей жизни возможности выпускников детских домов и детей из семей равны и зависят в большей степени от индивидуальных характеристик личности.

* * *

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Стереотипы восприятия детей из детских домов в российском обществе носят негативный характер, в основе этого — чувство жалости со стороны населения. Ключевые лексические единицы, ассоциируемые респондентами с детьми из детских домов

(по убыванию): одинокий, бедный, несчастный, добрый, грустный, невоспитанный, озлобленный, самостоятельный, сильный, брошенный, замкнутый, беззащитный, недолюбленный, бездомный.

Данные стереотипы формируются на почве практически полного отсутствия у респондентов личного взаимодействия с детскими домами, что иллюстрирует закрытость данных учреждений и низкую мотивированность и заинтересованность населения в судьбе сирот. Отсутствие взаимодействия респондентов с детьми-сиротами влечет за собой более доверительное отношение к иным источникам информации. Ведущие среди них — СМИ, референтные группы (друзья и близкие), Интернет. Наиболее популярная информация о детях-сиротах: информация о предложении усыновления, истории из жизни детей-сирот, информация о неблагополучном усыновлении, репортажи о насилии в детских домах. Получаемая информация о детских домах на данный момент для респондентов является недостаточной.

Решение проблемы формирования положительных стереотипов и представлений о детях из детских домов респондентами видится в активном включении общественности в жизнь детского дома, но характер участия должен быть нацелен на решение конкретных проблем.

Вместе с тем исследование показало, что в современной России наметился новый тренд волонтерского движения среди населения — оказание помощи детям, проживающим в детских домах; 30,0 % респондентов высказали готовность оказывать такую помощь.

Данное исследование также наглядно показало, что сложившиеся в течение длительного времени стереотипы об институте сиротства действительно существуют. На сегодняшний день проблема стереотипизация ребенка из детского дома остается актуальной.

Негативные стереотипы россиян о детях-сиротах становятся препятствием на пути к благополучной адаптации последних в обществе. Но исследование также показало, что эффективное использование информационных каналов, активное включение общества в жизнь детского дома может создать более достоверное представление о детях-сиротах, а следовательно, и изменить неравенство в возможностях между людьми, воспитывавшимися в семье и в детском доме. В первую очередь выпускники данных учреждений подвержены влиянию стереотипов о себе, даже если они ими не осознаются, что негативно сказывается на социализации детей-сирот.

Таким образом, решение проблемы положительной стереотипизации позволит детям из детских домов включиться в общество, почувствовать свою идентичность с какой-либо группой и успешно выстроить свой жизненный путь.

1. Горновой Т. С. Подготовка детей-сирот к самостоятельной жизни // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2011. № 2.

2. Гулина Л. Д. Роль детских домов в социализации детей-сирот // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2010. № 5. С. 45–50.

3. Данилова З. Г., Реан А. А. Ресоциализация детей-сирот в условиях профессионального колледжа // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. : Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 6. С. 85–93.
4. Кузнецова Т. Ю. Социальные стереотипы восприятия выпускников детских домов // Социол. исслед. 2003. № 11.
5. Леонтьева М. С. Теоретические проблемы социализации и социальной адаптации детей-сирот // Изв. ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3-2. С. 149–160.
6. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
7. Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.
8. Сайфутдинова Г. Б., Харитонова А. В. Сиротство и альтернативы решения (на примере Республики Татарстан) // Учен. зап. Тамбов. отд-ния РоСМУ. 2014. № 2. С. 141–145
9. Соловьева А. В. Социальное сиротство: грани проблемы // СПЖ. 2009. № 34. С. 86–89.

Рукопись поступила в редакцию 18 февраля 2019 г.

УДК 316.35:364.694 + 371.279.1 + 37.013.8 + 314.4

Е. С. Бирюков
В. Н. Козлов
Д. Ф. Романенкова
Е. И. Салганова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ АБИТУРИЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ И ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ КАК ФАКТОР ИХ АДАПТАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Образовательные потребности обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья были проанализированы авторами с позиции функционального подхода, в рамках которого образовательные потребности, с одной стороны, отличаются многоуровневым функциональным разнообразием, с другой — выступают фактором адаптации в трансформирующемся обществе. Цель исследования — изучить потребности выпускников, выявить факторы выбора ими профессии, вуза, удобных форм и требований к условиям обучения. Эмпирическая база исследования — материалы социологического исследования, проведенного авторами в 2017–2018 гг. в общеобразовательных и специальных (коррекционных) школах Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегии. Исследование зафиксировало правомерность и общественную значимость инклюзивного образования — совместного обучения студентов без ограничений по здоровью, а также студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Определены факторы, которые оказывают влияние на формирование и развитие образовательных потребностей абитуриентов в регионе. Кроме того, выявлены проблемы и основные предпочтения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адаптация инвалидов, выбор профессии, доступность образования, инвалид, инклюзивное образование.

Введение в исследовательскую проблему. Приоритетным направлением современной государственной политики в Российской Федерации в сфере высшего образования является повышение его доступности и качества для различных категорий граждан, прежде всего инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ). Российским законодательством закреплены гарантии по обеспечению равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия их особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [13]. Эти положения находят отражение и в новых стандартах образования, которые нацелены на создание определенных условий для детей-инвалидов и детей с ОВЗ в условиях образовательного процесса. Активно внедряются новые педагогические технологии и учебники, учебно-методическая литература для реализации инклюзивного образования. Все это свидетельствует о трансформации традиционных подходов к образованию детей-инвалидов и детей с ОВЗ, ранее проходивших обучение только в условиях специализированных учебных заведений, и об ориентации современного образования на удовлетворение индивидуальных потребностей личности.

Анализ научной литературы показал, что изучением образовательных потребностей личности, в том числе обучающихся-инвалидов и лиц с ОВЗ, занимаются педагоги, психологи, социологи (Т. И. Горина [3], В. П. Гудонис [4, 186–197], Т. А. Добровольская [5, 3–8], Н. Н. Малофеев [7], Н. И. Скок [12, 124–127], А. Я. Чигрина [15], Е. Р. Ярская-Смирнова [16, 38–45], Е. А. Мартынова [1, 8] и др.).

В широком понимании образование — это не только способ развития личности, но и средство удовлетворения других ее потребностей.

По мнению Л. С. Гавриленко, «образовательная потребность способствует повышению культурного уровня человека и дает возможность реализовать его сущностные силы» [2].

В рамках социологического подхода образовательная потребность представляет собой обусловленное социокультурными детерминантами активно-деятельностное отношение социального субъекта к сфере знания, являющееся сущностной характеристикой его развития, самоопределения и самореализации [Там же].

С точки зрения данного подхода на личностном уровне выделяют следующие функции образовательных потребностей в процессе обучения:

- овладение индивидом новыми знаниями, необходимыми для различных видов деятельности;
- социализация;
- индивидуализация;
- самоопределение;
- самореализация;
- профессиональный и статусный рост;
- реализация непрерывного образования;
- изменение структуры личности, формирование ее образовательных интересов, целей, ценностных ориентаций, мотивов, установок на образовательную деятельность;
- формирование образа жизни личности;

– стимулирование трудовой активности личности, эффективности трудовой деятельности;

– адаптация личности к социальной среде посредством приобретения знаний, умений, навыков и др.

На групповом и социальном уровне образовательная потребность реализует функции социального развития групп, социальных общностей, всего общества; институционализации непрерывного образования; формирования субкультуры социальной группы, общности; трансляции культурного наследия и социального опыта поколений; формирования информационного пространства социума; формирования интеллектуальной культуры социальных групп и общества; самоидентификации социальных групп; воспроизводства социальных групп и института профессии; изменения характера общественного труда, повышения его эффективности; регуляции процессов социальной мобильности; адаптации социальных групп, общностей к изменениям социальных условий в обществе и др. [2].

Среди факторов, которые влияют на формирование и развитие образовательных потребностей обучающихся с инвалидностью и ОВЗ, ученые выделяют:

– общество как образовательную среду, из которой обучающийся получает информацию, необходимую для ориентации в окружающем мире. В этом смысле В. Б. Гавриленко отмечает, что «у личности могут появляться потребности, выходящие за рамки государственной системы образования» [Там же];

– место жительства (географический фактор);

– семью, семейные воспитание и традиции (социальный фактор);

– материальное положение (экономический фактор);

– референтные группы (друзья, знакомые);

– образование и др.

При получении образования у обучающихся, с одной стороны, происходит воспроизводство накопленных знаний, ценностей, опыта, а с другой – закладываются духовные основы общественной деятельности [11, 123].

Мировая и российская практика обучения лиц с инвалидностью и ОВЗ убеждает в целесообразности реализации безбарьерной образовательной среды и принципов инклюзивного образования.

Инклюзивное образование предполагает совместное обучение и воспитание детей с ОВЗ и детей, не имеющих таких ограничений. Причем образовательный процесс основывается не только на организации совместных учебных занятий, но и на совместном досуге, различных видах дополнительного образования (кружки, факультативы, образовательные клубы и др.).

М. А. Федорова, К. С. Нелепко, Д. А. Фандеева отмечают, что «внедрение инклюзивного образования представляет собой сложный процесс, так как затрагивает различные социальные группы: детей с ОВЗ, а также детей без нарушений в развитии, родителей, педагогов массовых и специальных школ, специалистов различного профиля» [14].

Таким образом, значимость формирования и развития образовательных потребностей в современном обществе велика и отличается сложным многоуровневым функциональным разнообразием. Как видим, образовательные потребности

индивида (их содержание, структурные и функциональные характеристики) тесно взаимосвязаны с потребностями социальной группы, общности, в которую включен индивид; системой социальных факторов института образования и всей образовательной сферы; социальными детерминантами других социальных институтов; социальными связями и отношениями в обществе в целом.

Методология и методика исследования. Инклюзивное образование выступает важным фактором адаптации обучающихся с инвалидностью к условиям совместного обучения с лицами с нормой здоровья в соответствии с общими требованиями к процессу, качеству и результату образования.

В целях формирования доступной среды и развития инклюзивного образования на базе Челябинского государственного университета по решению Минобрнауки России с 2017 г. действует Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ (далее — Центр). Территорией ответственности Центра определены Челябинская, Свердловская и Курганская области.

Центром в указанных областях с 2017 г. проводится мониторинг образовательных потребностей абитуриентов с инвалидностью.

В декабре 2017 г. по репрезентативным выборкам опрошены 84 учащихся с ОВЗ и инвалидностью, в том числе 48 учащихся 11-х и 12-х выпускных классов общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

В декабре 2018 г. по репрезентативным выборкам опрошены 80 учащихся с ОВЗ и инвалидностью, в том числе 56 учащихся 11-х и 12-х выпускных классов общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ указанных областей (далее — абитуриенты).

Объектом исследования выступили выпускники общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ, имеющие ограниченные возможности здоровья и инвалидность; предметом исследования — их образовательные потребности. Ставились задачи изучить потребности выпускников и выявить факторы выбора ими профессии, вуза, удобных форм и требований к условиям обучения, по основным показателям сравнить результаты исследований в 2017 и 2018 гг. [9, 10].

Результаты исследования. Анализ результатов мониторингового исследования показал, что большинство абитуриентов в целом определились с будущей профессией (в 2018 г. — 78,75 %, в 2017 г. — 86,91 %) (рис. 1). В то же время в декабре 2018 г. не знал, кем хочет стать, каждый четвертый абитуриент, в декабре 2017 г. — каждый седьмой.

В 2018 г. больше тех, кто определился с выбором будущей профессии, среди инвалидов I и III групп, лиц, имеющих ограничения здоровья по слуху, опорно-двигательному аппарату (табл. 1).

В 2018 г. абитуриенты чаще всего указывали на такие профессии, как *учитель, преподаватель, программист, медик, повар, кулинар*, а в 2017 г. еще и *психолог, юрист, социолог, экономист, архитектор, строитель, хореограф*.

В 1999 и 2000 гг. факультетом доступности высшего образования и кафедрой социологии ЧелГУ изучалась проблема доступности высшего образования для

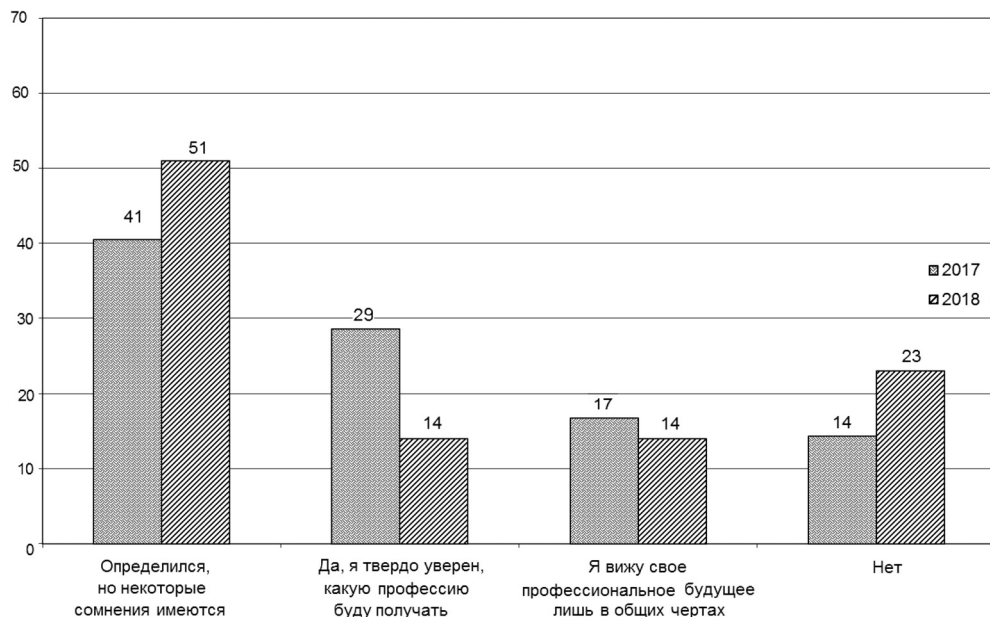

Рис. 1. Ответы абитуриентов на вопрос: «Определились ли вы со своей будущей профессией?», % к общему числу опрошенных по региону в 2017 и 2018 гг. (здесь и далее в рисунках и таблицах приводятся обработанные данные опросов в целых числах процентов с возможностью переноса этих данных с выборочных на генеральные совокупности)

обучающихся с ОВЗ. По областной репрезентативной выборке всего было опрошено 1077 молодых людей с ОВЗ. По результатам опросов самыми престижными у молодых инвалидов были специальности экономиста (бухгалтера), психолога, юриста, математика, медика, технические специальности [1, 55]. Как видим, через 18 лет представления о приоритетности специальностей и профессий у молодых людей с ОВЗ и инвалидностью меняются с изменением потребностей общества, спроса на специальности инвалидов, предложений вузов по подготовке специалистов.

В 2018 г. при выборе будущей профессии абитуриенты с ОВЗ и инвалидностью по региону в первую очередь учитывают ее соответствие своим увлечениям, хобби. На этот вариант ответа в 2018 г. указали 2/3 опрошенных, а в 2017 г. — половина.

Более значимым для абитуриентов стал доход. В 2018 г. его указали 52,5 % опрошенных, а в 2017 таких было 38,1 %. На третьем месте по-прежнему популярность, престиж профессии. Обучающихся больше стали волновать карьерные перспективы. На соответствие семейной традиции указала незначительная доля опрошенных (табл. 2). Среди других вариантов ответов респонденты указали *интерес к профессии, «соответствие здоровью», чтобы она была «без стресса».*

Группа инвалидности абитуриентов на аргументы при выборе профессии, согласно результатам опроса, влияет незначительно. Для респондентов всех групп инвалидности прежде всего важно соответствие профессии их увлечениям, хобби, а также доход, который профессия приносит. Однако инвалиды, которым менее

Таблица 1

Ответы абитуриентов на вопрос: «Определитесь ли вы со своей будущей профессией?»,
% к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности			
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Ребенок-инвалид до 18 лет
Определитесь ли вы со своей будущей профессией	51	56	60	32	63	51	38	0	67	17	50	62
	23	20	20	23	20	24	0	0	0	50	0	16
Нет	14	12	13	26	6	14	38	0	33	17	25	13
	14	12	7	19	10	12	25	100	0	17	25	9
Все опрошенные												

Определитесь, но некоторые сомнения имеются
Да, я твердо уверен, какую профессию буду получать
Я вижу свое профессиональное будущее лишь в общих чертах

Таблица 2

Учитываемые абитуриентами аргументы при выборе профессии, % к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности				
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Ребенок-инвалид до 18 лет	
												64	7
Все опрошенные	66	71	60	65	67	69	38	0	67	67	50	64	
	53	58	46	45	57	58	25	100	45	33	38	56	
	28	25	32	16	35	27	13	0	16	17	25	33	
Соответствие профессии моим увлечениям, хобби	23	25	20	6	33	24	13	0	6	0	13	31	
	16	17	27	10	20	20	0	0	10	17	0	18	
	4	0	7	0	6	3	0	0	0	0	0	7	
Доход, который она приносит	23	25	20	6	33	24	13	0	6	0	13	31	
	16	17	27	10	20	20	0	0	10	17	0	18	
	4	0	7	0	6	3	0	0	0	0	0	7	
Карьерные перспективы	23	25	20	6	33	24	13	0	6	0	13	31	
	16	17	27	10	20	20	0	0	10	17	0	18	
	4	0	7	0	6	3	0	0	0	0	0	7	
Популярность, престиж профессии	23	25	20	6	33	24	13	0	6	0	13	31	
	16	17	27	10	20	20	0	0	10	17	0	18	
	4	0	7	0	6	3	0	0	0	0	0	7	
Несложность получения профессии	23	25	20	6	33	24	13	0	6	0	13	31	
	16	17	27	10	20	20	0	0	10	17	0	18	
	4	0	7	0	6	3	0	0	0	0	0	7	
Соответствие семейной традиции	23	25	20	6	33	24	13	0	6	0	13	31	
	16	17	27	10	20	20	0	0	10	17	0	18	
	4	0	7	0	6	3	0	0	0	0	0	7	

18 лет, отмечают значимость для них при выборе профессии и ее популярности, престижа, карьерных перспектив.

Среди источников информации при выборе профессии на первом месте — родители, на втором — сайты учебных заведений, на третьем — социальные сети, блоги, паблики (табл. 3).

Родителей как источник информации чаще указывают обучающиеся 10-х, 12-х классов, девушки, абитуриенты с ограничениями здоровья по слуху.

На сайтах учебных заведений чаще получают информацию обучающиеся 10-х, 12-х классов, девушки, абитуриенты с ограничениями здоровья по зрению, опорно-двигательному аппарату, инвалиды I и III групп, дети-инвалиды до 18 лет.

На информацию в социальных сетях больше обращают внимание обучающиеся 10-х классов, абитуриенты с ограничениями здоровья по слуху, I и III групп инвалидности, дети-инвалиды до 18 лет.

На друзей как на источник информации чаще указывают обучающиеся 10-х классов, юноши, абитуриенты с ограничениями здоровья по зрению, инвалиды II группы. Информацию в справочниках и на справочных сайтах больше отмечают учащиеся 10-х классов, девушки, абитуриенты с ограничениями здоровья по опорно-двигательному аппарату, инвалиды II группы, дети-инвалиды до 18 лет. Инвалиды I группы, как правило, имеют ограничения в передвижении и относительно узкий круг общения, поэтому для них основным источником информации при выборе профессии выступают сайты учебных заведений, социальные сети и родители. Абитуриенты с инвалидностью II и III групп, а также дети-инвалиды ориентируются помимо этих источников на друзей.

В ходе опроса каждый четвертый абитуриент с ОВЗ и инвалидностью региона отметил, что он нуждается в помощи специалиста по профориентации, в 2017 г. каждый третий нуждался в этом. Определенно уже не нуждаются в помощи такого специалиста в 2018 г. более трети опрошенных, из которых каждый седьмой уже консультировался.

В 2018 г. больше нуждаются в помощи специалиста по профориентации обучающиеся 11-х классов, девушки, абитуриенты с ограничениями здоровья по зрению, опорно-двигательному аппарату, I, II, III групп инвалидности (табл. 4). Не нуждаются в такой помощи относительно больше обучающихся 11-х и 12-х классов, юноши, инвалиды I и II групп. Большинство абитуриентов с I группой инвалидности уверены, что им не нужна помощь специалиста по профессиональной ориентации, а абитуриенты с III группой, наоборот, считают, что подобная помощь им необходима. Это связано с тем, что тяжесть нарушений здоровья объективно ограничивает выбор профессий.

В 2018 г. смог указать название вуза для поступления только каждый третий. В основном это вузы в областях, где проводились опросы. Несколько абитуриентов намерены учиться в Санкт-Петербурге и Москве.

Анализ потребностей абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью при получении высшего образования показывает, что подавляющее большинство опрошенных (86,25 % в 2018 г.) выступают за очное и очно-заочное обучение в группах со студентами без ограничений по здоровью (в 2017 г. — 63,1 %) (рис. 2).

Таблица 3

Источники информации, которые ориентируют абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью при выборе профессии, % к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

Источник информации	Класс			Пол		Ограничения здоровья				Группа инвалидности					
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Резенко-инвалид до 18 лет			
Родители	55	63	49	60	48	59	53	75	0	33	50	50	56		
Информация на сайтах учебных заведений	46	67	32	53	32	55	51	13	100	67	33	50	51		
Информация в социальных сетях, блогах, пабликах и т. п.	33	46	27	27	29	35	31	63	0	67	17	38	38		
Друзья	24	33	22	13	29	20	27	25	0	0	33	25	20		
Информация в справочниках и на справочных сайтах	21	38	17	7	13	27	19	13	100	0	33	0	27		
Учителя	14	13	17	7	16	12	15	25	0	0	17	13	13		
Результаты тестирования по профессиональной ориентации	13	13	15	7	6	16	12	0	100	0	17	13	16		
Информация от работодателей	10	17	7	7	6	12	10	13	0	0	0	13	13		
Телевидение	5	4	2	13	3	6	7	0	0	0	0	0	9		

Таблица 4

Потребность абитуриентов с инвалидностью и ОВЗ при выборе профессии в помощи специалиста по профессиональной ориентации, % к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

	Все опрошенные	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности			
		10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Ребенок-инвалид до 18 лет
		Не знаю	46	37	20	26	43	37	38	0	0	0	33
Нет	33	27	60	48	22	31	25	0	0	67	33	0	36
Да	26	29	20	23	29	31	25	100	33	33	50	22	
Нет, так как я уже консультировался	5	7	0	3	6	2	13	0	0	0	13	7	

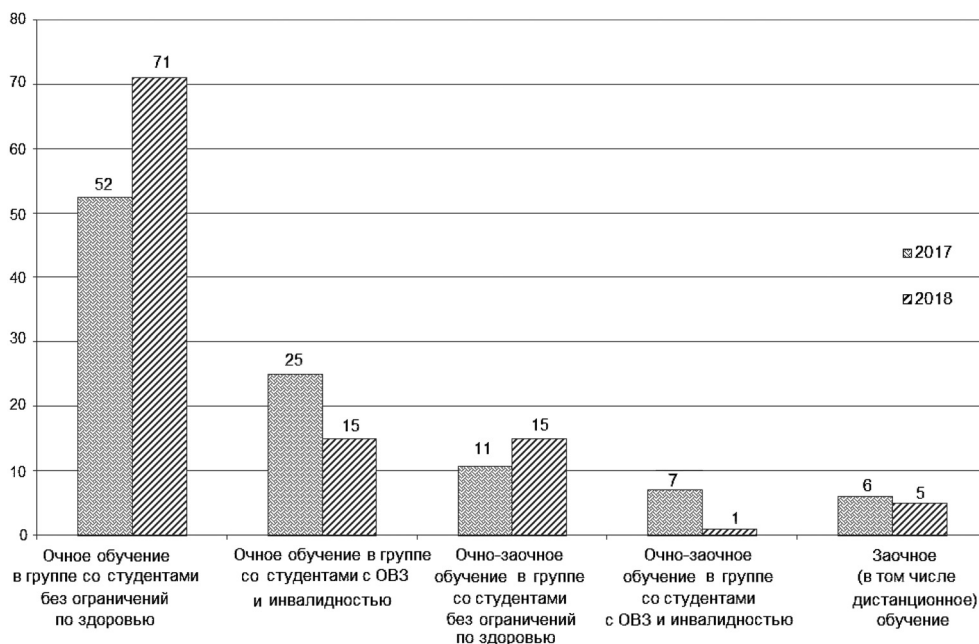

Рис. 2. Удобные для абитуриентов формы обучения для получения знаний и квалификации по выбранной профессии, % к общему числу опрошенных по региону

В опросах 1999 и 2000 гг. 41 % инвалидов считали наиболее подходящей для них формой обучения в вузе очную в общей группе [6, 28]. А в 2018 г. за очное обучение в группе со студентами без ограничений по здоровью выступают уже 71,25 % абитуриентов-инвалидов и лиц с ОВЗ. Примечательно, что в 2018 г. большинство абитуриентов, вне зависимости от имеющейся группы инвалидности, считают для себя наиболее удобным очное обучение в группе со студентами без ограничений по здоровью. Очевидно, что молодые люди с ОВЗ все больше склоняются к совместной учебе со студентами без ограничений по здоровью.

При этом в 2018 г. за очное обучение чаще выступают обучающиеся 12-х классов, несколько больше таких среди девушек, детей-инвалидов до 18 лет. Очно-заочное обучение в группе со студентами без ограничений по здоровью удобно для 15 % опрошенных по региону, в 2017 г. — для 10,71 %. Но в 2018 г. больше таких оказалось из 11-х классов, среди девушек, детей-инвалидов до 18 лет, абитуриентов с ограничениями здоровья по слуху (табл. 5).

Заочную (дистанционную) и очно-заочную формы обучения указала незначительная доля опрошенных среди абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью.

В 2018 г. среди образовательных потребностей абитуриентов на первом месте по-прежнему социально-психологическое сопровождение. На него указала пятая часть опрошенных. Причем в 2018 г. в нем больше нуждались обучающиеся 12-х классов, девушки, инвалиды III группы (табл. 6).

Таблица 5
Удобные для абитуриентов формы обучения для получения знаний и квалификации по выбранной профессии,
% к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

Форма обучения	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности				
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Ребенок-инвалид до 18 лет	
												67	50
Очное обучение в группе со студентами без ограничений по здоровью	71	68	80	65	76	71	38	0	67	67	50	76	0
Очное обучение в группе со студентами с ОВЗ и инвалидностью	15	12	27	16	14	17	0	100	33	33	13	16	0
Очно-заочное обучение в группе со студентами без ограничений по здоровью	15	22	7	3	22	12	25	0	0	0	0	22	0
Заочное (в том числе дистанционное) обучение	5	5	0	6	4	5	13	0	0	0	13	7	0
Очно-заочное обучение в группе со студентами с ОВЗ и инвалидностью	1	0	0	0	2	0	13	0	0	0	13	0	0

Таблица 6

Мнение абитуриентов о потребностях, которые могут возникнуть у них при получении высшего образования, % к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности			
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Ребенок-инвалид до 18 лет
Потребности при получении высшего образования	Все опрошенные											
В социально-психологическом сопровождении	25	29	20	33	13	33	25	0	0	17	50	29
В специальном обучении	19	21	15	20	16	20	22	0	100	0	0	18
В помощи ассистента-помощника	11	8	15	12	10	12	25	0	33	17	13	13
В разработке индивидуальной образовательной программы обучения	6	0	7	4	10	4	7	0	33	0	0	4
В специальном маршрутно-ориентированном обеспечении доступной среды (подъемники, пандусы, адаптированные лифты, другое дополнительное оборудование)	4	4	5	2	6	2	3	0	33	33	0	0

Больше нуждаются в специальном оборудовании инвалиды I группы (100%), в помощи ассистента-помощника — обучающиеся с ограничениями здоровья по слуху и с I группой инвалидности (каждый четвертый и каждый третий соответственно).

Более 2/3 абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью в регионе в 2018 г. не видят необходимости в техническом оборудовании и специальных услугах при обучении в учреждении высшего образования. В 2017 г. таких было несколько более половины.

Не видят в этом необходимости чаще обучающиеся 12-х классов, больше таких среди девушек, лиц с ограничениями здоровья по зрению, детей-инвалидов до 18 лет (табл. 7). Потребности абитуриентов при получении высшего образования коррелируют с группой инвалидности: так, для лиц с I группой наиболее важны специальное оборудование и доступная среда, а для лиц с III группой это не значимо, зато важно социально-психологическое сопровождение.

В 2018 г. 2/3 опрошенных по региону предлагают изменять и адаптировать программу обучения для лиц с инвалидностью и ОВЗ под их потребности (в 2017 г. — практически столько же). В 2018 г. за это выступают большинство учащихся 10-х классов, девушек, детей-инвалидов до 18 лет (табл. 8).

В 2018 г. считали, что программы обучения должны быть для всех одинаковыми, каждый четвертый опрошенный по региону, почти половина учащихся 12-х классов, каждый второй с ограничениями здоровья по слуху, со II и III группами инвалидности, 2/3 с I группой инвалидности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Мониторинг образовательных потребностей абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью подтверждает правомерность и общественную значимость инклюзивного образования — совместного обучения студентов с нормой здоровья и с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

По данным опросов абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью в школах Свердловской, Челябинской и Курганской областей, подавляющее большинство респондентов в декабре 2018 г. считали удобным для получения знаний и квалификации по выбранной профессии очное и очно-заочное обучение в группе со студентами без ограничений по здоровью. Доля тех, для кого удобны именно такие формы обучения, с декабря 2017 г. заметно возросла — на 23 %.

В нашем исследовании принцип доступности высшего образования в регионе в 1999 и 2000 гг. обосновывался как основной принцип организации педагогического процесса — интегрированное обучение инвалидов в общих потоках студентов по очной или заочной формам обучения. Ныне такой подход по сути проявляется в инклюзивном образовании и находит весомую поддержку молодых людей с ОВЗ и инвалидностью, о чем свидетельствуют данные мониторинга образовательных потребностей абитуриентов с инвалидностью.

Обращает на себя внимание и тот факт, что практически заметное большинство опрошенных с ОВЗ и инвалидностью к концу каждого календарного года уже определяют со своей будущей профессией. Тем самым подтверждается предложение, высказанное нами в исследовании доступности высшего образования

Таблица 7

Оценка абитуриентами необходимости в техническом оборудовании и специальных услугах при обучении в вузе, % к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности			
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Ребенок-инвалид до 18 лет
Потребность в техническом оборудовании и специальных услугах (перечень)	Все опрошенные											
	67	68	73	58	76	73	50	0	0	50	50	76
	13	15	20	19	12	17	13	0	100	0	13	18
	4	2	13	3	6	5	13	0	0	0	0	7
Не нуждаются Электронные лупы, сканирующие машины, синтезатор речи и т. д. Специализированные парты, стулья, автоматизированное рабочее место и т. д. Звукоусиливающее оборудование, услуги переводчика русского жестового языка и т. д.	Все опрошенные											
	4	0	0	3	4	2	25	0	0	0	38	0

Таблица 8

Мнение абитуриентов о необходимости изменения и адаптации программы обучения для лиц с инвалидностью и ОВЗ под их потребности, % к общему числу опрошенных в 2018 г. по региону, классам, полу, ограничениям здоровья, группам инвалидности

	Класс			Пол		Ограничения здоровья			Группа инвалидности					
	10	11	12	Мужской	Женский	По зрению	По слуху	Ограничения, связанные с опорно-двигательным аппаратом	I	II	III	Рёенок-инвалиды до 18 лет		
														66
Необходимы ли изменение и адаптация программ обучения	71	66	60	55	73	68	50	0	33	50	33	50	80	
Да, программы обучения должны быть адаптированы (индивидуальны) под потребности людей с ОВЗ и инвалидностью	66													
Нет, программы обучения должны быть для всех одинаковыми	26	24	40	29	24	25	50	0	67	50	50	18		

в регионе в 1999 и 2000 гг., о возможности рассматривать высшее образование как одно из ведущих средств социальной реабилитации инвалидов, как составную часть становления гуманного гражданского общества в России.

В качестве источника информации, которая ориентирует абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью при выборе профессии, большинство опрошенных отмечают родителей. Почти половина опрошенных указывают на информацию на сайтах учебных заведений. Причем доля тех, кто отмечает этот источник информации, за год выросла. Каждый четвертый абитуриент с ОВЗ и инвалидностью нуждается в помощи специалиста по профориентации.

Среди потребностей абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью при получении высшего образования на первом месте — социально-психологическое сопровождение. Большинство абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью не видят необходимости в техническом оборудовании и специальных услугах при обучении в учреждении высшего образования. Причем доля таких абитуриентов в 2018 г. увеличилась по сравнению с 2017 г. Но есть и те, кому нужны определенные виды технического оборудования и специальных услуг, особенно среди учащихся 12-х классов.

В 2018-м, как и в 2017 году, большинство абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью по региону считали, что программы обучения должны быть изменены и адаптированы под их потребности.

Вместе с тем мониторинг выявляет и некоторые проблемные моменты в осуществлении инклюзивного образования. Так, каждый шестой абитуриент с ОВЗ и инвалидностью в регионе считает удобной формой получения знаний и квалификации по выбранной специальности очное и очно-заочное обучение в группе со студентами с ОВЗ и инвалидностью, а из 12-х классов более чем каждый четвертый — за такое очное обучение. Полагаем, тому есть объективные и субъективные причины, и, возможно, они нуждаются в дополнительном изучении и выявлении. Скажем, кому-то не позволяют интегрироваться в общую студенческую среду особенности здоровья, физические, социальные, финансовые возможности.

Из источников информации, ориентирующих абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью при выборе профессии, менее значимыми оказываются телевидение, учителя и работодатели.

Анализ обнаруживает различия во мнениях о факторах выбора профессии, в оценках удобства форм обучения и потребностей при получении высшего образования в группах абитуриентов по классам, полу, ограничениям здоровья и инвалидности.

Есть смысл выявлять такие различия в учебных заведениях, группах с совместным обучением лиц без ограничений по здоровью и с ОВЗ и инвалидностью, при необходимости принимать меры по более эффективной реализации стратегии и тактики инклюзивного образования и профориентации абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью.

1. Высшее образование: проблема доступности в регионе / под общ. ред. В. Н. Козлова, Е. А. Мартыновой. Челябинск, 2000.

2. *Гавриленко Л. С., Чутина В. Б., Тарасова Т. И.* Образовательные потребности: теоретический анализ понятия [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25480.pdf> (дата обращения: 16.03.2019).

3. *Горина Т. И.* Социально-трудовая адаптация инвалидов в современном обществе [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/2/s%D0%BEci%D0%BE%D0%B0gorina-kefeli.pdf (дата обращения: 15.02.2019).

4. *Гудонис В. П.* Незрячий в обществе: социальные меридианы // Мир психологии. 2001. № 2. С. 186–197.

5. *Добровольская Т. А., Шабалина Н. Б.* Инвалид и общество: социально-психологическая интеграция [Электронный ресурс] // Социол. исслед. 1991. № 5. С. 3–8. URL: http://paralife.narod.ru/library/science/Dobrovolskaia_socis91.pdf (дата обращения: 15.02.2019).

6. *Козлов В. Н.* Проблема доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими и социальными возможностями (социологический анализ) // Материалы междунаро- д. конф. «Стратегии обучения студентов-инвалидов», Челябинск, 7–8 июня 2000 г. / под ред. В. Н. Севостьянова. Челябинск, 2001. С. 26–34.

7. *Малофеев Н. Н.* Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития [Электронный ресурс] // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. Вып. 1. 2000. URL: <https://alldf.ru/ru/articles/almanah-1/sovremennyj-etap-v-razvitii-sistemy> (дата обращения: 15.02.2019).

8. *Мартынова Е. А., Романенкова Д. Ф.* Принципы разработки и реализации адаптированных образовательных программ профессионального образования и обзорный анализ их внедрения в вузах и колледжах России // Специальное образование : науч.-метод. журн. Екатеринбург, 2016. № 2(42). С. 122–135.

9. Мониторинг образовательных потребностей абитуриентов с инвалидностью // Информационно-аналитический отчет и протоколы математической обработки информации с анкет по итогам мониторинга в 2018 году образовательных потребностей абитуриентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья по Свердловской, Челябинской и Курганской областям / Ресурс. учеб.-метод. центр по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск, 2018. Дек.

10. Образовательные потребности абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью // Информационно-аналитический отчет по итогам проведения мониторинга образовательных потребностей абитуриентов с инвалидностью и протоколы компьютерной обработки информации с анкет ОВЗ-17 по итогам опроса 84 абитуриентов с ОВЗ и инвалидностью по Челябинской, Свердловской и Курганской областям / Ресурс. учеб.-метод. центр по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск, 2017. Дек.

11. *Салганова Е. И., Козлов В. Н., Грунт Е. В.* Гражданская культура учащейся и студенческой молодежи Челябинской области: социологический анализ : моногр. Челябинск, 2009.

12. *Скок Н. И.* Биосоциальный потенциал лиц с ограниченными возможностями и социальные механизмы его регуляции [Электронный ресурс] // Социол. исслед. 2005. № 4. С. 124–127. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/688/119/1217/15Skok.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1:1> (дата обращения: 15.03.2019).

14. *Федорова М. А., Нелепко К. С., Фандеева Д. А.* Инклюзивное образование как социально-педагогический фактор модернизации высшего образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsutmb.ru/nauka/konferencii/2016/plps_16/1/fedorova.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

15. *Чигрина А. Я.* Инклюзивное образование детей-инвалидов с тяжелыми физическими нарушениями как фактор их социальной интеграции [Электронный ресурс] : автореф. дис. ...

канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2011. 23 с. URL: <http://www.unn.ru/pages/disser/785.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

16. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности [Электронный ресурс] // Социол. исслед. 1999. № 4. С 38–45. URL: http://paralife.narod.ru/library/science/Iarskaia-Smirnova_Sots-Issl-Inva_SR99.pdf (дата обращения: 15.02.2019).

Рукопись поступила в редакцию 20 марта 2019 г.

УДК 378.115.15:070.1 + 004.032.6:008

Н. Л. Антонова
В. Р. Хафизова

СТУДЕНТЫ-ЖУРНАЛИСТЫ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье проведен анализ профессиональных намерений и ценностных ориентаций студентов-журналистов в условиях становления единого коммуникативно-информационного пространства, связанного с медиатизацией общества. В 2018 г. нами был проведен анкетный опрос студентов факультета журналистики Уральского федерального университета ($n = 162$) и факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (Екатеринбург) ($n = 40$). Мы также провели интервью с руководителями факультетов ($n = 2$). Материалы исследования показали, что лидирующими мотивами выбора профессии журналиста являются интерес к журналистской деятельности и реализация литературных способностей. Журналист, в представлениях студентов, занят созданием уникального контента. Свою будущую профессиональную деятельность студенты связывают с конвергентной журналистикой, при этом ценностными ориентирами станут фактчекинг, точность и честность.

Ключевые слова: медиатизация, ценностные ориентации, профессиональные намерения, студенты, журналисты.

Профессиональная общность журналистов функционирует в условиях становления единого культурно-коммуникационного пространства, в котором наблюдаются процессы интеграции медиа во все сферы общественной жизни. По мнению Ф. Кротца, медиатизация является одним из основных процессов, формирующих современность [21]. Д. Элтхейд и Р. Сноу вводят в социологический дискурс понятие «медиаэтика» [17], которая становится силой, цементирующей и направляющей деятельность социальных институтов. Опираясь на концепцию американских социологов, А. И. Черных пишет: «...реально произошедшее событие в процессе медиатизации преобразовывается в соответствии с требованиями новостного... формата...» [16, 119]. Если в прошлом информационными каналами, повествующими об обществе, были семья и школа, то сегодня их роль снижается, а их место занимают медиа [20].

Коммуникационная революция меняет структуру социальных связей и отношений в информационной сфере. Развитие инновационных электронных средств массовой коммуникации упростило процесс изготовления и распространения информации. М. Дьюз полагает, что границы между журналистикой и другими сферами публичного взаимодействия стираются, «журналистика как таковая подходит к концу» [18, 141].

Мы полагаем, что журналистика как институциональное образование в современном мире трансформируется: расширяется спектр ее социальных задач и функций, воспроизводится и развивается профессиональная общность журналистов. Вслед за Е. Л. Варгановой мы считаем, что журналистику «нужно встраивать в широкий научный, общественный и медиаиндустриальный контекст» [4, 8].

Вместе с тем журналисты зачастую в новых условиях нарушают этические и моральные принципы профессиональной деятельности. Анализируя работы российских исследователей, В. В. Смеюха выделяет проблемные зоны в журналистской практике: «непрофессионализм сотрудников массмедиа, выражающийся в непреднамеренном искажении информации, публикации непроверенных фактов, излишней эмоционализации публикаций, ведущей к провокации аудитории на участие в псевдодискуссиях...» [12, 41]. Причины этих болевых точек автор связывает с некачественным профильным образованием. Но не только в системе высшего образования следует искать «корень зла». М. В. Богуславский с коллегами, рассматривая школьное образование, отмечают, что у первокурсников университетов «отсутствует системность суммируемых знаний и способность проводить необходимые логические рассуждения» [3, 6].

Многие редакторы и исследователи, по утверждению С. Д. Балмаевой, выражают тревогу о сохранении миссии журналистики. В ситуации, когда реализация этических принципов современной журналистики ставится под сомнение, по мнению автора, необходимо найти «баланс между яркой формой, удерживающей внимание читателя/зрителя, и достойным содержанием, отвечающим принципам настоящей журналистики» [2, 103].

В нашем исследовании мы предприняли попытку осуществить анализ профессиональных намерений и ценностей студентов, которые в ближайшее время пополнят ряды журналистов, работающих в условиях медиатизации общества.

В 2018 г. нами было проведено социологическое исследование, объектом которого стали студенты факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина ($n = 162$, квотный вид отбора) и факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (Екатеринбург) ($n = 40$, сплошной отбор). Для проведения опроса была разработана авторская анкета, состоявшая из 38 вопросов. Обработка данных была проведена с использованием программы обработки и анализа социологической информации «Vortex».

Распределение опрошенных по полу выглядит следующим образом: 77 % опрошенных — девушки, 23 % — юноши. Средний возраст опрошенных составил 20,5 года; 27 % респондентов — студенты 1 курса бакалавриата, 18 % — 2 курса, 20 % — 3 курса, 25 % — 4 курса. Кроме того, каждый десятый опрошенный получает

высшее образование в магистратуре Уральского федерального университета (УрФУ). Большая часть респондентов (76 %) имеет опыт работы в редакции СМИ, при этом каждый четвертый из них работал в составе редакционного коллектива более одного года. На момент опроса в СМИ работали 61 % опрошенных студентов.

Для глубинного понимания и социологического осмысления профессиональных устремлений студентов в будущей профессиональной деятельности мы также провели экспертные интервью. Путеводитель интервью включал 12 открытых вопросов. В качестве экспертов выступили руководители факультетов ($n = 2$).

Одним из главных вопросов, который стоит перед каждым студентом, выступает вопрос о будущей профессиональной деятельности. Выбор профессионального пути, определяющего дальнейшую жизненную траекторию, начинается с выбора специальности. В нашем исследовании мы обратились к мотивации выбора профессии журналиста. Результаты опроса показали, что лидирующие позиции занимают мотивы, связанные с возможностью заниматься журналистской деятельностью (57 %) и реализацией способностей (51 %), под которыми респонденты понимают прежде всего литературное дарование/создание текстов, в том числе и для электронных СМИ. По оценкам студентов, журналист — это прежде всего творчески мыслящий человек, новатор, способный создавать уникальный контент (50 %).

Каждый пятый опрошенный свой выбор обосновал стремлением к публичности и узнаваемости. Известность становится ресурсом, который открывает доступ к благам, это маркер, с помощью которого осуществляется сравнительный анализ статусных позиций и определяются конкурентные преимущества. Специалисты Сибирского федерального университета отмечают, что на практике «вместо славы, известности и путешествий студентам предлагают кропотливый, рутинный труд» [15]. В этом видится опасность, которая подстерегает будущих журналистов, а именно идеализация и романтизация журналистской профессии.

По оценкам руководства факультетов журналистики вузов, в которых был проведен опрос, в журналистику стремятся и «борцы за справедливость», и выпускники школ, желающие стать известными, и молодежь, для которой выбор профессии оказался случайным. Для каждого третьего студента выбор был обоснованным: *«мотивированные студенты, прошедшие подготовительные курсы “Воскресная школа”, участники конкурсов юных журналистов, слушатели разного рода курсов для начинающих журналистов, имеющие, как правило, публикации в СМИ»* (муж., руководитель факультета журналистики).

Материалы опроса свидетельствуют, что желание работать по специальности снижается к четвертому году обучения. Если на первом курсе каждый второй студент уверен в том, что будет работать в области журналистики, то на четвертом курсе возрастает доля «сомневающихся»: уверены в своей будущей журналистской деятельности лишь 16 % респондентов. В. Ф. Зыков отмечает, что «только 15–20 % выпускников факультетов журналистики работают после получения диплома по специальности» [6, 123].

Основным фактором, влияющим на профессиональные намерения студентов, выступает опыт работы в журналистике. Речь идет о том, что студенты,

включенные в будущую профессиональную деятельность, не только более четко обозначают свою позицию, но и уверены, что их дальнейшая жизнь будет связана с получаемой профессией. Так, каждый второй студент, имеющий опыт работы, будет стремиться после окончания вуза заниматься журналистикой. В этой сфере планирует остаться только каждый третий опрошенный без опыта журналистской практики.

Определяя свои профессиональные планы, студенты-журналисты высказали потребность работать прежде всего в федеральных СМИ (39 %), при этом наиболее востребованной является конвергентная журналистка (31 %). М. В. Симкачева отмечает, что «процесс медиаконвергенции дал мощный толчок мультимедиа-тизации — использованию различных платформ, их интеграции в одном СМИ, что существенно расширило границы контента и формы предоставления материалов» [11, 125]. Следуя современным трендам, студенты стремятся реализовать свои профессиональные интересы, работая в штате на постоянной основе в крупных частных структурах (55 %), охватывающих широкую аудиторию. Свои предпочтения студенты отдают информационно-развлекательным (44 %), культурно-просветительским (26 %) и информационно-аналитическим (16 %) СМИ.

Важным выступает анализ ценностей, связанных с созданием журналистских материалов, которые и становятся фундаментом будущей профессиональной деятельности (см. таблицу).

**Оценка студентами ценностей,
связанных с созданием журналистских материалов (max — 5 баллов)**

Ценности	Средняя оценка
Фактчекинг	4,6
Точность	4,5
Честность	4,5
Уважение к источнику информации	4,3
Оперативность	4,21
Объективность	4,17
Эксклюзивность	3,96
Большое количество лайков	3,41

Материалы исследования показывают, что для будущих журналистов проверка достоверности информации, ее точность являются профессиональными ориентирами. Подчеркнем, что реализация в журналистской деятельности этих ценностных ориентаций выступает фактором повышения доверия аудитории и к СМИ, и к самому журналисту. Доверие является ключевым компонентом социального капитала [22], маркером профессиональной/деловой репутации. Вместе с тем в информационном обществе, согласно М. Кастельсу, «генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками... власти» [7, 42]. Это означает, что журналист, по сути, становится активным субъектом политического управления, способным влиять на общественное мнение, формировать

социальную повестку дня, воздействовать на социальные действия и взаимодействия различных социальных групп. Отметим, что, по данным Д. В. Соколовой, основными факторами, затрудняющими процесс проверки информации, выступают дефицит времени (по оценкам журналистов) и отсутствие искомой информации (по оценкам редакторов) [13, 16].

Честность и уважение к источнику информации — базовые принципы журналистской этики. Еще в начале прошлого столетия выходят работы американских авторов (Нельсон Кроуфорд, Уильям Гиббонс, Леон Флинт), в которых утверждаются основы этического кодекса [19]. О. М. Култышева и А. Г. Каратеева считают, что «основная особенность журналистского дела... состоит в том, что эта профессия связана с вторжением в духовный мир и судьбу человека» [10, 275].

Эти моральные принципы журналиста, которые, как показало исследование, актуальны для современного студента, включены в Кодекс профессиональной этики российского журналиста [8]. В Кодексе указывается и на объективность представленной информации. Сегодня в поисках сенсации, эксклюзивности материала, повышения узнаваемости современные журналисты часто пренебрегают объективностью получаемой из разных источников информации. Г. В. Кручевская пишет: «В силу своих профессиональных и прикладных задач, экономической конкуренции журналисты стремятся привлечь аудиторию, которая должна выбрать именно данное СМИ, поэтому нередко журналисты ищут сенсационности» [9, 58]. Журналистские материалы могут стать даже выдумкой предприимчивых журналистов. Так, Клаас Релотиус, журналист известного немецкого еженедельника «Шпигель», на протяжении нескольких лет выдумывал репортажи и подделывал интервью [23].

Кроме того, в последние годы в мировом информационном пространстве получили распространение фейковые новости (*fake news*), основная цель которых — ввести в заблуждение/обмануть аудиторию/читателя. Подобные новости нацелены на увеличение прибыли компании, рост трафика, а также могут преследовать политические цели, отвлекая население от актуальных злободневных вопросов. А. П. Суходолов отмечает, что «неконтролируемое распространение фейковых новостей способно провоцировать своего рода “информационные теракты” огромной разрушительной силы» [14, 94].

Ценности играют ключевую роль в осмыслении социальной действительности и формировании образов реальности [5, 5]. Ценности будущих журналистов, как показало исследование, в целом определяются моральными/этическими нормами. Профессорско-преподавательский состав университетов, в которых был проведен опрос, как отмечают руководители/администрация факультетов журналистики, стремится к тому, чтобы студенты освоили и в будущей деятельности воспроизводили базовые ценности, к которым относятся первичный контакт журналиста с источником, проверка полученных сведений, грамотное владение языком, ответственность перед ньюсмейкерами и аудиторией.

Исследовательские материалы позволили нам прийти к следующим выводам. Во-первых, медиа являются неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности индивидов и групп, функционирования социальных институтов и практик.

От того, какой формат они задают, зависит и наше представление об обществе. Соответственно ценности будущих журналистов, их профессиональное мастерство станут основанием формирования повестки дня современного общества.

Во-вторых, результаты эмпирико-социологического исследования свидетельствуют о том, что интерес к профессии и реализация способностей выступают лидирующими мотивами поступления на факультеты журналистики уральских вузов. Образ журналиста связан с творческой инновационной деятельностью и созданием уникального контента. Опыт работы в журналистике во время обучения в вузе выступает фактором утверждения профессиональных намерений в этой сфере. Наиболее востребованной в студенческой среде является конвергентная журналистика. В структуре ценностей студентов, связанных с созданием журналистских материалов, лидирующие позиции занимают такие ценности, как фактчекинг, точность и честность. Отметим, что «преподаватели высшей школы стремятся адаптировать процесс обучения к новому поколению студентов, иногда называемых “цифровыми аборигенами”, родившихся в цифровую эпоху и находящихся под воздействием информационных технологий» [1, 238]. Об этом тренде свидетельствуют и материалы интервью с руководителями факультетов журналистики, в которых подчеркивается новый формат подготовки будущих журналистов в условиях медиатизации общественной жизни.

Представленное исследование выступает пилотным проектом, позволяющим в дальнейшем обратиться к изучению ценностей современных журналистов, включенных в новые коммуникативно-информационные связи в условиях медиатизации общества, а также проанализировать виды/формы современного медиапотребления.

1. Антонова Н. Л., Меренков А. В. Модель «перевернутого обучения» в системе высшей школы: проблемы и противоречия // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 2. С. 237–247. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.237-247

2. Балмаева С. Д. «Новые медиа»: как изменение медиапотребления изменяет журналистику // Судьба печатной прессы в эпоху Интернета : коллектив. моногр. / под ред. М. В. Загидуллиной, С. И. Симаковой. Челябинск, 2018. С. 99–105.

3. Богуславский М. В., Ладьянец Н. С., Неборский Е. В., Санникова О. В. Глобальные, национальные и региональные вызовы как условия развития транзитивного университета // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. Т 6, №4. С. 1–14.

4. Вартанова Е. Л. К вопросу об актуализации теории журналистики и теории СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 1. С. 5–13.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3–13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

6. Зыков В. Ф. Специальные компетенции журналистов цифровой эпохи: проблемы обучения // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : материалы всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2017. С. 122–125.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000.

8. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года, Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://presscouncil.ru/>

ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista (дата обращения: 10.01.2019).

9. Кручевская Г. В. Профессиональные ценности журналистики в сфере политической коммуникации // Журналист. ежегодник. 2014. № 3. С. 56–59.

10. Култышева О. М., Каратеева А. Г. К вопросу о профессиональной этике журналиста // Международ. журн. гуманитар. и естеств. наук. 2016. № 1. С. 273–277.

11. Симкачева М. В. Процесс конвергенции СМИ и его влияние на формирование современного медиаполя // Учен. зап. Казан. ун-та. 2015. № 4. С. 118–126.

12. Смеюха В. В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости БелГУ. Сер. : Гуманитарные науки. 2015. № 18(215). С. 38–42.

13. Соколова Д. В. Фактчекинг и верификация в российских СМИ: результаты опроса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2018. № 4. С. 3–25.

14. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. 2017. № 1. С. 87–106.

15. Устюжанина Д. Куда уходят студенты журфаков // Журналист. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://jrnlst.ru/graduate-run> (дата обращения: 04.01.2019).

16. Черных А. И. Медиаритуалы // Социол. журн. 2012. № 4. С. 106–129.

17. Altheide D., Snow R. Media logic. Beverly Hills, 1979.

18. Deuze M. Media Work. Cambridge, UK, 2007.

19. Christians C. G., Ferre J. P., Fackler P. M. Good news: Social ethics and the press. N. Y., 1993.

20. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. Nordicom Review. 2008. № 2. P. 105–134.

21. Krotz F. Mediatization: A concept with which to grasp media and societal change // Lundby K. (ed.) Mediatization: Concept, changes, consequences. N. Y., 2009. P. 21–40.19.

22. Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. N. Y., 1993.

23. The Relotius Case. Answers to the Most Important Questions // Spiegel Online [Electronic resource]. URL: <http://www.spiegel.de/international/the-relotius-case-answers-to-the-most-important-questions-a-1244653.html> (accessed: 04.01.2019).

Рукопись поступила в редакцию 16 января 2019 г.

УДК 325.2 + 331.55 + 314.7

О. А. Якимова
А. С. Меньшиков

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К ИММИГРАНТАМ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СРАВНЕНИЯ С ЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ

Цель статьи — получить объективное представление о динамике и тенденциях восприятия иностранных мигрантов жителями России. Эмпирической базой исследования послужили данные пяти волн проекта «Европейское социальное исследование» (ESS), в которых принимала участие Россия с 2006 по 2016 г. Рассчитываются и сравниваются индексы отношения к различным категориям иммигрантов (одноэтничные, иноэтничные, неквалифицированная рабочая сила) на протяжении последних десяти лет; динамика средних значений индикаторов их восприятия как экономической и культурной угрозы в России и пяти европейских странах: Германии, Швеции, Испании, Польше и Великобритании. На основе полученных результатов авторы делают вывод о том, что тренды отношения к иммиграции в России и европейских странах диаметрально противоположны. Если в России количество людей, негативно относящихся к мигрантам различных категорий, на протяжении десятилетия стабильно увеличивается, то в европейских странах оно, наоборот, уменьшается. С помощью корреляционного анализа делается вывод о различии доминант интолерантного отношения к иноэтничным мигрантам: в странах Европы — это их восприятие преимущественно как культурной угрозы, в России — и как культурной, и как серьезной экономической угрозы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: отношение к иммиграции, ксенофобия в России, ксенофобия в Европе, экономические факторы ксенофобии, культурные факторы ксенофобии, Европейское социальное исследование.

Актуальность исследования. Массовая трудовая миграция как социальное явление ставит перед государствами приема иностранной рабочей силы задачу выбора эффективной стратегии взаимодействия с приезжими: будет ли это инклюзивный подход, сфокусированный на адаптации мигрантов; следует ли сконцентрировать усилия на их интеграции или ассимиляции или предпочесть рестриктивную политику? Как отмечает Е. Арутюнова в статье о сравнении отношения к мигрантам в России и Европе, «какая бы модель ни была избрана властными структурами, в ней должен быть учтен важнейший ракурс проблемы: как реагирует на приток мигрантов принимающая сторона, какие установки имеют граждане страны по отношению к новым группам населения, с которыми им предстоит жить в едином пространстве, а значит — взаимодействовать во всех сферах жизни» [1].

Крупнейшие отечественные исследовательские организации ведут мониторинг отношения россиян к иммиграции и ее влиянию на жизнь страны, отмечая устойчивость в массовом сознании, во-первых, негативной стереотипизации мигрантов;

* Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Динамика ксенофобии по отношению к иностранным мигрантам: Россия в глобальной перспективе» и поддержана грантом № 19-011-00879 РФФИ.

во-вторых, мнения о том, что иммиграция имеет больше отрицательных, нежели положительных последствий для страны; в-третьих, нежелания видеть приезжих в большинстве сфер занятости (Левада-центр, 2014; Пипия, 2016; Пипия, 2017; Мухаметшина, 2018; ВЦИОМ, 2018) [2, 4, 7, 9, 10].

Тем не менее точки зрения экспертов ведущих аналитических центров страны на относительную динамику отношения граждан РФ к мигрантам из иностранных государств оказываются менее единодушными. Так, по мнению руководителя департамента исследований ВЦИОМ С. Львова (2018), «отношение к мигрантам за последние полтора десятка лет стало чуть более позитивным» [3], однако социолог Левада-центра К. Пипия (2019) констатирует, что «число противников миграции существенно не меняется последние десять лет» [8].

Существующие академические исследования интересующей нас проблематики, основанные на мониторинге данных, собираемых в рамках европейских проектов по анализу ценностей, установок и мнений людей (в частности, ESS), также не дают возможности проследить динамику отношения россиян к иммигрантам на протяжении длительного временного интервала в сравнении со странами Европы, поскольку, как правило, акцентируют свое внимание на сравнительном анализе в рамках отдельной волны ESS (Арутюнова, 2008 [1], Мاستикова, 2016 [5]) или в рамках конкретной социально-демографической группы населения (Мастикова, 2017 [6]).

Противоречивость артикулируемых экспертами оценок и недостаток исследований, сфокусированных на анализе динамики отношения россиян к иммиграции, обуславливают стремление к прояснению этой ситуации, а также к сравнению соответствующих показателей в России и других государствах, принимающих мигрантов, для того, чтобы получить объективное представление о тенденциях восприятия иммигрантов жителями нашей страны.

Объяснительные модели толерантного или интолерантного отношения к иммигрантам. Проблематика толерантности или интолерантности к мигрантам изучается с разных дисциплинарных перспектив, но сложившиеся объяснительные модели того или иного отношения к отличающимся по какому-либо признаку группам людей в основе своей соединяют как индивидуальные, так и коллективные, как психологические и субъективные, так и социальные и объективные черты. В имеющейся научной литературе можно выделить ряд моделей, которые мы приводим ниже. В нашем анализе мы опираемся на несколько обзорных и специальных статей, однако в большинстве случаев конкретные исследования также обсуждают и часто эмпирически тестируют ту или иную объяснительную модель.

Наиболее распространенной можно считать теорию группового конфликта [16], которая связывает антииммигрантскую позицию с защитной реакцией, возникающей в результате предполагаемой или ощущаемой членами одной группы угрозы своим интересам со стороны другой группы в их соперничестве за ограниченные ресурсы. Такая предполагаемая опасность выражается в поведении через проявления враждебности, неприязни или прямой дискриминации той группы, которая воспринимается как угрожающая благополучию или интересам

доминирующей группы. Таким образом, внешние условия, как, например, усиление конкуренции за ресурсы в ситуации экономических спадов или большего притока мигрантов, лишь активируют уже имеющиеся ксенофобские установки и дают им большую возможность распространиться. В согласии с этой моделью можно предположить, что в более обеспеченных и социально-экономически защищенных слоях населения ксенофобия менее выражена, поскольку иммигранты представляют для них гораздо меньшую угрозу на рынке труда, чем, например, для безработных или малообеспеченных.

Следующая модель акцентирует значимость культурно-символических факторов. Теория социально-культурной идентичности [14] связывает ксенофобию с ощущаемой угрозой утраты групповой идентичности — национальной или этнической прежде всего. Поэтому те, чья индивидуальная идентичность в большой степени сплетена с групповой идентичностью, предположительно более склонны к враждебному отношению к представителям иной группы. Таким образом, люди, более консервативные или идеологически ориентированные на авторитарно-радикальную политическую повестку, оказываются ядром такого типа ксенофобии, и едва ли их установки зависят от экономических условий. Вернее, такая враждебность будет зависеть не столько от экономических условий, сколько от ощущаемого объема миграции, от пропорции общего размера групп «коренного» и «приезжего» населения. В целом она выражается скорее в сегрегировании мест проживания, мест досуга, рабочих мест, чем в прямой дискриминации иммигрантов.

Наконец, интегрированная теория угрозы указывает на то, что в действительности довольно трудно разделить объективные (экономические и демографические) и субъективные (ощущение угрозы) факторы интолерантности, а потому необходимо оценивать каузальную связь между тем или иным типом факторов и интолерантностью по всему спектру потенциальных рисков. Так, можно выделить четыре типа факторов: реальные, символические, межгрупповая напряженность, негативные стереотипы. Реальные угрозы физическому или экономическому положению могут оцениваться по доходам и возможности трудоустройства, тогда как риски для социальной идентичности могут оцениваться по проявлениям культурного конфликта, противостояния ценностей, норм или убеждений, распространенных среди представителей разных групп. Впоследствии эта теория была доработана до теории межгрупповой угрозы [18], которая раскрывает влияние предшествующих ксенофобии факторов, поскольку угрозы (реальные, символические, межгрупповая напряженность) накладываются на уже имеющиеся установки и опыт (опыт негативного контакта, восприятие собственного социального положения и своей культурной идентичности, усвоенные негативные стереотипы). Таким образом, предшествующие факторы в той или иной степени задают восприятие угроз и реакцию на них.

Оборотная, и более политкорректная, версия этого объяснения — теория межгруппового контакта (Pettigrew T. F. et al., 2011 [15]) — предполагает, что активное взаимодействие между разными группами повлечет за собой их большее взаимопонимание и ослабит роль взаимных негативных предрассудков и стереотипов.

Однако очевидно, что именно качество этого контакта будет определять «рост взаимопонимания и отказ от предрассудков», поскольку негативный опыт общения может лишь укрепить враждебность.

Тем не менее утверждать, что какая-либо из этих моделей обладает большей объяснительной силой, чем другие, вряд ли возможно. Так, исследования, проведенные в Испании (D'Ancona A. C., 2018 [12]), показывают, что хотя именно в периоды тяжелой экономической рецессии рост ксенофобии был значительным, предполагаемая разница в уровне ксенофобии между обеспеченными и социально незащищенными слоями, напротив, оказалась минимальной. Более того, экономический кризис сблизил позиции консерваторов, которые предположительно должны реагировать на культурную угрозу (по второй модели), и либералов, которые должны принципиально предпочитать толерантность. Анализ результатов говорит в пользу теории группового конфликта, то есть выделения экономической угрозы как главного фактора ксенофобии. Восприятие же культурной угрозы во многом обусловлено медийной повесткой и при снижении градуса публичных обсуждений национальной идентичности идет на спад.

Исследование коллектива авторов (Chapman H. S. et al., 2018 [11]), проведенное на материале трех опросов (1996, 2004, 2012) в России, подчеркивает большую роль региональных факторов в динамике ксенофобии и подтверждает ее внутреннюю сложность. Так, на протяжении рассмотренного периода негативные установки по отношению к некоторым группам внешних мигрантов выросли по России в целом, а по отношению к некоторым группам внутренних мигрантов, наоборот, уменьшились. Главным исключением здесь оказались москвичи, которые становятся все менее толерантны ко всем (внешним и внутренним) группам.

Другое исследование, посвященное анализу ситуации с отношением к иммигрантам в России (Gorodzeisky A., 2018 [13]), также дает развернутый анализ и тестирует валидность разных объяснительных моделей ксенофобии. В исследовании подчеркивается, что факторы, влияющие на позиции этнического большинства и этнических меньшинств по отношению к иммиграции, существенно различаются. Так, в периоды социальных кризисов и трансформаций, связанных с переопределением национальной идентичности, национально-культурное большинство острее ощущает любую внешнюю угрозу и потому более враждебно в своих оценках иммиграции, тогда как для этнических меньшинств оценка иммиграции зависит преимущественно от индивидуального социально-экономического положения. В целом делается вывод, что исторический контекст и политическая повестка во многом влияют на динамику ксенофобии и объяснения последней не могут быть редуцированы лишь к изменениям в экономической сфере.

На основе описанных теоретических моделей объяснения факторов и спусковых механизмов толерантного и интолерантного отношения к мигрантам среди населения принимающих стран в своем исследовании мы выдвигаем две гипотезы.

Во-первых, принимая во внимание рост электоральной поддержки праворадикальных политических партий (теория социально-культурной идентичности) и миграционный кризис в Европе (теория группового конфликта), с одной стороны, и практику актуализации социальной проблематики миграции в ходе

политических кампаний в России (интегрированная теория угрозы) — с другой, мы выдвигаем гипотезу о том, что, несмотря на национальные различия, динамика отношения населения к иммигрантам в нашей и европейских странах одинаково негативна.

Во-вторых, учитывая, что экономическая ситуация в России значительно хуже, чем в странах Европы, мы выдвигаем гипотезу о том, что в нашей стране восприятие иммигрантов как экономической угрозы преобладает над их восприятием как угрозы культурной (теория группового конфликта), а в европейских странах, наоборот, более значимым оказывается опасение культурной угрозы, нежели экономической (теория социально-культурной идентичности).

Методология исследования. Наша статья основана на анализе данных проекта «Европейское социальное исследование» (European Social Survey — ESS), представляющего собой академическое сравнительное исследование, которое проводится методом опроса каждые два года, начиная с 2001 г. Исследование основано на репрезентативной вероятностной выборке населения в возрасте от 15 лет и старше и охватывает большинство европейских стран. Основной целью ESS является мониторинг социальных изменений, которые фиксируются через измерение мнений, представлений и установок населения; ESS проводится в соответствии с самыми современными методологическими принципами, тщательно придерживается строгих стандартов построения выборки, разработки опросника и сбора данных, что позволяет исследователям добиваться высокой точности сравнения между странами. Проект ESS следует принципу абсолютной открытости: его инструменты, описание процедур, а также данные находятся в свободном доступе.

Россия включилась в ESS начиная с третьей волны исследования (2006) и на сегодняшний день приняла участие в пяти волнах (2006, 2008, 2010, 2012, 2016). Поскольку нас интересует сравнение динамики отношения к иммигрантам в России и странах Европы, для нашего исследования мы отобрали еще пять стран — Германию, Испанию, Швецию, Польшу и Великобританию, руководствуясь следующими критериями. Во-первых, все эти страны вместе с Россией принимали участие в волнах ESS 2006, 2008, 2010, 2012 и 2016 гг. Во-вторых, они являются так называемыми «новыми иммигрантскими странами», т. е. на протяжении последних десятилетий имеют опыт приема большого числа иммигрантов. В-третьих, эти страны воспроизводят географическое деление Европы: Германия относится к западной Европе, Польша — к восточной, Испания — к южной, Швеция — к северной. Дополнительно мы включили в исследование Великобританию как страну, миграционный опыт которой привел к беспрецедентным для современной мировой политики и экономики последствиям — выходу из Европейского союза.

Возможность анализа динамики предоставляют базовые переменные, включенные во все волны ESS. В рамках тематики отношения к иммигрантам опросник ESS содержит шесть таких переменных, которые, в свою очередь, можно разделить на две смысловые группы: 1) отношение к различным группам иммигрантов в зависимости от страны их происхождения (в логике теорий

группового конфликта и социально-культурной идентичности) и 2) восприятие иммиграции как экономической или культурной угрозы (в логике интегральной теории угрозы).

Вопросы первой группы акцентируют возможные различия (либо их отсутствие) между иммигрантами и гражданами. Так, первая в этой группе переменная (1.1) «Разрешать въезд в страну большого/малого количества иммигрантов той же расовой/этнической группы, что и большинство населения» (*Allow many/few immigrants of same race/ethnic group as majority*) предполагает отсутствие видимых различий между группами коренного населения и мигрантов. Вторая переменная (1.2) «Разрешать въезд в страну большого/малого количества иммигрантов расовой/этнической группы, отличной от большинства населения» (*Allow many/few immigrants of different race/ethnic group from majority*) подразумевает наличие этнических, а значит, видимых различий между группами граждан и иммигрантов, что позволяет первым мгновенно идентифицировать приезжего как «другого», принадлежащего к культурно иной, аут-группе (*out-group*). Третья, последняя в этой группе переменная (1.3) «Разрешать въезд в страну большого/малого количества иммигрантов из бедных стран за пределами Европы» (*Allow many/few immigrants from poorer countries outside Europe*) акцентирует не только этническое, но и экономическое измерение различий граждан и иммигрантов, маркируя последних как группу неквалифицированных рабочих. Таким образом, первая группа переменных, измеряет толерантность/ксенофобию респондентов по отношению к этническим и экономическим различиям.

Все вопросы этой группы имеют четырехбалльную шкалу отношений, где 1 означает «разрешать большому числу мигрантов въезжать в страну и проживать в ней» (*allow many to come and live here*), 2 — «разрешать некоторому числу» (*allow some*), 3 — «разрешать малому числу» (*allow a few*), 4 — «не разрешать никому» (*allow none*). Первые две градации (1 и 2) этой шкалы позволяют идентифицировать в большей или меньшей степени разрешительное (позитивное) отношение к въезду иммигрантов в страну (либеральные установки), а последние две (3 и 4) — ограничительное (негативное) отношение (рестриктивные установки).

Для проверки первой гипотезы и сравнения динамики отношения к той или иной группе иммигрантов по странам мы решили использовать индекс, представляющий собой показатель разницы (дельту) позитивного и негативного отношения к их въезду, который для каждой конкретной группы — одноэтнических (невидимые мигранты), иноэтнических (видимые мигранты) и мигранты из бедных стран (неквалифицированная рабочая сила) — рассчитывается при помощи следующего уравнения:

$$\Delta Atg = \sum_s^m - \sum_n^f,$$

где ΔAtg — индекс отношения (*Attitude*) к той или иной группе иммигрантов (*group*); \sum_s^m — сумма относительных частот первых двух показателей шкалы отношения: $m = allow\ many$ (первая градация шкалы: «разрешать большому числу мигрантов въезжать в страну и проживать в ней») и $s = allow\ some$ (вторая градация шкалы: «разрешать некоторому числу»); \sum_n^f — сумма относительных частот

последних двух показателей шкалы отношения: $f = allow\ few$ (третья градация шкалы: «разрешать малому числу») и $n = allow\ none$ (четвертая градация шкалы: «не разрешать никому»).

Вторая группа вопросов измеряет отношение к иммиграции как к экономической угрозе: (2.1) «Иммиграция наносит вред/идет на пользу экономике страны» (*Immigration is bad or good for countries economy*) и культурной угрозе: (2.2) «Культура страны разрушается/обогащается благодаря иммиграции» (*Country's cultural life undermined or enriched by immigration*), а также включает вопрос об оценке влияния иммиграции на ход жизни в стране в целом: (2.3) «Иммиграция делает страну плохим/хорошим местом для жизни» (*Immigration make country worse or better place to live*).

Вопросы второй группы имеют десятибалльную шкалу отношений Ликерта, где «0» означает крайнюю негативную позицию (иммиграция — это плохо для экономики, она разрушает культуру страны и в целом делает страну плохим местом для жизни), а «10» соответственно — крайнюю позитивную позицию (иммиграция хорошо сказывается на экономике страны, она обогащает культуру и в целом делает страну хорошим местом для проживания). Сравнение стран по переменным второй группы мы осуществляли на основе расчета средних значений, а сравнение динамики отношения к иммиграции как экономической или культурной угрозе — на основе вычисления разницы (дельты) средних значений последней (2016) и первой (2006) из волн, взятых нами для исследования, что математически можно представить в виде следующего уравнения:

$$\Delta At_{th} = \mu_l - \mu_f,$$

где ΔAt_{th} — индекс динамики восприятия/отношения (*Attitude*) к иммиграции как к угрозе (*threat*) того или иного типа на протяжении десяти лет; μ_l — среднее значение переменной в последней (*last*) волне опроса (2016); μ_f — среднее значение переменной в первой (*first*) волне опроса (2006).

В логике второй гипотезы о превалировании в России экономических оснований неприятия иммигрантов, а в Европе, наоборот, — культурных, мы анализировали данные не по шести странам отдельно, а разделили их на две группы: в одну вошла Россия, в другую — европейские страны. Далее мы рассчитали t -тест для независимых выборок, показавший, что различия между этими группами стран статистически значимы по всем шести переменным, входящим в смысловые группы (1) отношение к различиям и (2) восприятие иммиграции как угрозы. Затем для этих переменных мы построили двусторонние матрицы корреляций отдельно для России и стран Европы, акцентируя внимание на двух моментах. Во-первых, мы сравнивали корреляции переменных, измеряющих либеральные или рестриктивные установки респондентов по отношению к въезду различных групп иммигрантов (одноэтничных, иноэтничных и из бедных стран), с одной стороны, и переменных, измеряющих восприятие иммиграции как экономической или культурной угрозы — с другой. В результате этого сравнения мы стремились выяснить, какая из переменных — экономическая или культурная угроза — сильнее связана в России и в Европе с отношением к въезду одноэтничных мигрантов,

иноэтнических мигрантов и, наконец, мигрантов из бедных стран. Во-вторых, мы сравнивали силу корреляции переменных, измеряющих восприятие иммиграции как экономической или культурной угрозы, с переменной, выступающей индикатором отношения к иммиграции в целом (наличие либо отсутствие изоляционистских установок), пытаясь тем самым выяснить, какая из переменных — экономическая или культурная угроза — сильнее связана с переменной общего отношения к иммиграции.

Результаты исследования. Анализируя данные за последние десять лет (с 2006 по 2016 г.), можно отметить, что все исследуемые страны Европы, за исключением Польши и России, демонстрируют рост разрешительного отношения к въезду на свою территорию мигрантов той же этнической группы, что и большинство населения (так называемые «невидимые» мигранты) (рис. 1). При этом наибольшая положительная динамика (+42 %) наблюдается у Германии, где в 2016 г. показатель дельты (Δ) поощрительного и ограничительного отношения жителей к приезду «невидимых» иммигрантов приблизился к аналогичному показателю Швеции (Германия: $\Delta = 80\%$, Швеция: $\Delta = 87\%$). Отношение шведов к допуску в страну иммигрантов одной с ними расовой/этнической группы на протяжении десяти лет остается стабильно позитивным ($\Delta = 9\%$). Так, если в 2006 г. 37 % граждан Швеции высказывались за поддержку въезда большого числа «невидимых» мигрантов с целью работы и проживания и еще 52 % — за разрешение въезда контролируемого количества «невидимых» иммигрантов, то в 2016 г. таких было 40 и 53 % соответственно. В Германии изменения оказались более значительными: в 2006 г. только 22 % граждан высказывалось за допуск в страну большого числа иммигрантов одной с ними расовой/этнической группы (для сравнения: в России таковых было 43 %), однако спустя 10 лет, в 2016 г., идею въезда в Германию большого числа «невидимых» мигрантов с целью работы и проживания поддерживало уже в два раза больше немцев — 42 % (в России, наоборот, это число уменьшилось почти в два раза — до 23 %). Помимо Германии и Швеции динамику роста либеральных установок в отношении приезда иммигрантов своей расовой/этнической группы демонстрируют Испания (+36 %) и Великобритания (+28 %).

Обратная тенденция наблюдается у Польши (−39 %) и России (−32 %). В 2006 г. Польша и Россия по анализируемому показателю были на уровне Швеции, превосходя Германию, Испанию и Великобританию. Так, въезд большого или контролируемого числа «невидимых» иммигрантов десять лет назад поддерживали в Швеции — 89 % опрошенных, в Польше — 80 %, в России — 72 %, в Германии — 69 %, в Великобритании — 59 %, в Испании — 52 %. В 2016 г. таких оказалось: в Швеции 93 %, в Германии 90 %, в Великобритании 73 %, в Испании 70 %, в Польше 60 %, в России лишь 56 %.

Европейские страны, демонстрирующие положительную дельту отношения к приезду иммигрантов одной с их гражданами расовой/этнической группы, не всегда имели восходящую динамику этого показателя на протяжении последних десяти лет. Практически во всех исследуемых государствах уменьшение числа жителей, поддерживающих въезд «невидимых» мигрантов, случилось в период

с 2008 по 2010 и/или 2012 г., т. е. в период мирового экономического кризиса и последовавшей за ним рецессии. Тем не менее если после 2012 г. у Германии, Испании, Великобритании и Швеции соответствующий показатель дельты пошел вверх, то у Польши и России он продолжил снижаться. Россия, по сравнению с выбранными для анализа «новыми иммиграционными» странами Европы, на сегодняшний день имеет наибольшее в процентном отношении число граждан, поддерживающих политику ограничения въезда мигрантов на территорию ее страны, даже если эти мигранты принадлежат к одной с ними расовой/этнической группе (44 %). В Польше таких респондентов в 2016 г. оказалось немногим меньше — 40 % (для сравнения: в Германии 10 %, в Швеции 6 %).

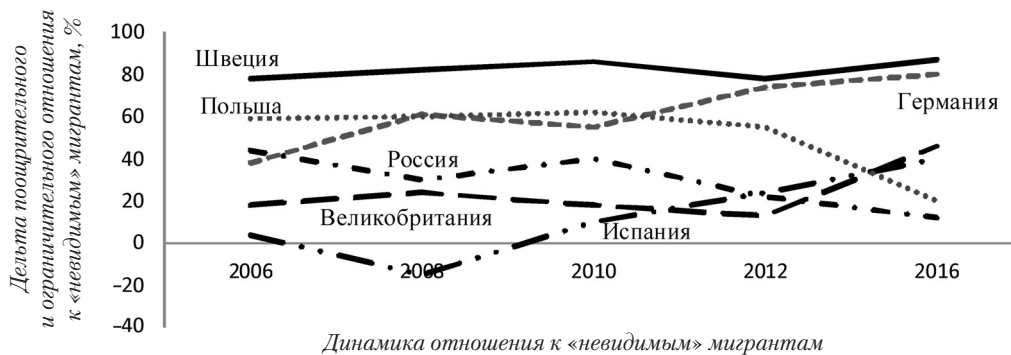

Рис. 1. Динамика индекса отношения к въезду иммигрантов той же этнической группы, что и большинство населения («невидимые» мигранты)

Анализ динамики отношения жителей исследуемых стран к иммигрантам, принадлежащим к иной, нежели большинство граждан, расовой/этнической группе, позволяет сделать три следующих вывода (рис. 2). Во-первых, все страны демонстрируют в этом контексте те же тренды, что и в отношении въезда на их территорию «невидимых» мигрантов: в Германии (+44), Испании (+33), Великобритании (+35) и Швеции (+11) число граждан, позитивно относящихся к приезду иноэтничных трудовых мигрантов, увеличивается на протяжении последних десяти лет, а в Польше (-59) и России (-5), наоборот, уменьшается. Во-вторых, число жителей, придерживающихся в целом поощрительного отношения к прибытию в страну иммигрантов иной расовой/этнической группы для работы или проживания, во всех странах заметно меньше, нежели число тех, кто допускает въезд большого или контролируемого числа иммигрантов той же расовой/этнической группы, за исключением Швеции. Так, в 2016 г. в Германии позитивно относились к приезду «невидимых» мигрантов около 90 % респондентов и только 71 % — к приезду «видимых»; в Испании это соотношение составляет 70 и 64 %; в Великобритании — 73 и 66 %; в Польше — 60 и 39 %; в России — 56 и 35 % соответственно. В Швеции число жителей, позитивно относящихся к приезду как этнически близких, так и этнически отличных трудовых мигрантов в страну, практически одинаково: 93 и 91 %. В-третьих, как и в случае, описанном в комментариях

к рис. 1, все страны в большей или меньшей степени демонстрируют снижение показателя либеральных установок в отношении приезда иноэтничных трудовых мигрантов на протяжении четырех лет в период всемирного экономического кризиса и рецессии (2008–2012). Однако после 2012 г. этот показатель вновь идет вверх у Германии, Испании, Великобритании и Швеции, но не у Польши и России, где на протяжении десяти последних лет число сторонников политики ограничения въезда иноэтничных мигрантов вплоть до полного запрета трудовой иммиграции стабильно только увеличивается.

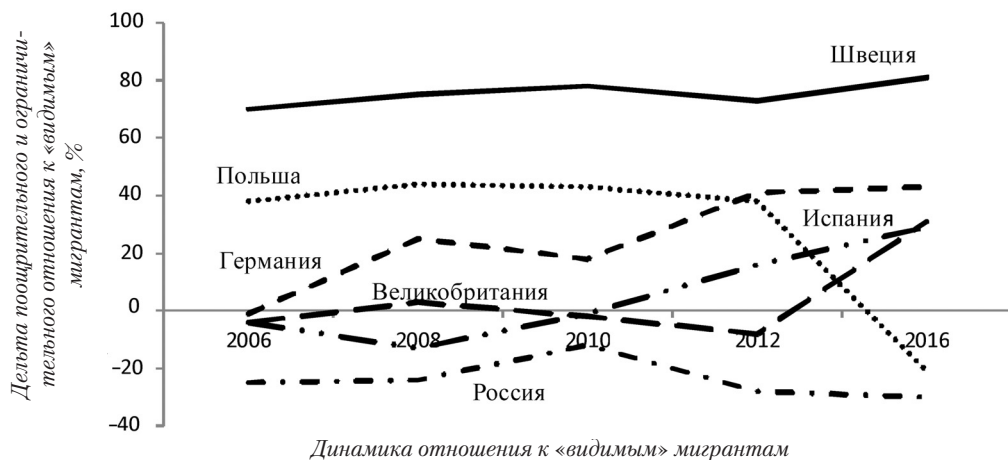

Рис. 2. Динамика индекса отношения к въезду иммигрантов, принадлежащих к расовой/этнической группе, отличной от большинства населения («видимые» мигранты)

В отношении въезда иммигрантов из бедных стран в выбранных для сравнения государствах на протяжении последних десяти лет фиксируется позитивная динамика количества толерантно настроенных к ним граждан, вновь за исключением Польши и России (рис. 3). В Германии группа граждан, поддерживающих приезд трудовых мигрантов из бедных стран за пределами Европы, возросла с 2006 по 2016 г. с 45 до 67 %, в Испании — с 50 до 64 %; в Великобритании — с 44 до 60 % и в Швеции — с 85 до 87 % соответственно. Тем не менее, как и в случае с иноэтничными мигрантами, эти показатели значительно ниже представленных на рис. 1, который иллюстрирует отношение респондентов к приезду иммигрантов одной с ними расовой/этнической группы. Так, например, в Германии положительно относятся к въезду трудовых мигрантов из бедных стран за пределами Европы 67 % (тогда как к въезду этнически близких иммигрантов 90 % и к въезду иноэтничных мигрантов 71 %). Эту тенденцию можно наблюдать во всех прочих странах, включая Швецию, где приезд иммигрантов одной с большинством граждан государства этнической группы поддерживают 93 %, а приезд иммигрантов из бедных неевропейских стран — 87 %. Этот факт мы можем объяснить двумя причинами. Во-первых, вопрос подразумевает увеличение отличий мигрантов

и большинства населения. Если речь идет о бедных странах за пределами Европы, то, помимо того, что подавляющее число мигрантов оттуда представляет собой неквалифицированную рабочую силу (экономические отличия), они преимущественно принадлежат к иным, не западным культурным и религиозным традициям (этнические отличия). Во-вторых, вопрос конкретизирует отношение к определенной, понятной для респондентов группе иммигрантов (в каждой стране эта группа своя). Благодаря данной акцентуации вопрос эффективно фиксирует изоляционистские установки у респондента, если они у него присутствуют.

Россия, поддерживая общий тренд на сокращение группы респондентов, поощряющих иммиграцию, в зависимости от роста отличий иммигрантов и большинства населения страны, имеет тем не менее самые низкие показатели толерантного отношения к приезду мигрантов и соответственно самое большое число сторонников ограничения иммиграции, вплоть до полного ее запрета. Позитивно к приезду «невидимых» мигрантов в России (данные 2016 г.) относятся 56 % респондентов, к приезду «видимых» (иноэтничных) мигрантов — 35 %, к приезду иммигрантов из бедных стран — только 27 %. Для сравнения: в Испании, с ее высоким уровнем безработицы и более слабой, нежели в Германии или Швеции, экономикой, респондентов, позитивно относящихся к контролируемому въезду значительного числа мигрантов из бедных стран, — 64 %, в Великобритании с ее Брекситом — 60 %, в Польше с ее негативным трендом в отношении численности толерантного по отношению к иммиграции населения — 47 %. Интересно, что в Польше, единственной из шести исследуемых стран, наибольшее неприятие вызывает въезд иноэтничных мигрантов, а не мигрантов из бедных стран: 47 и 39 % соответственно. Въезд этнически близких иммигрантов в Польше поддерживает немногим более половины населения — 60 %.

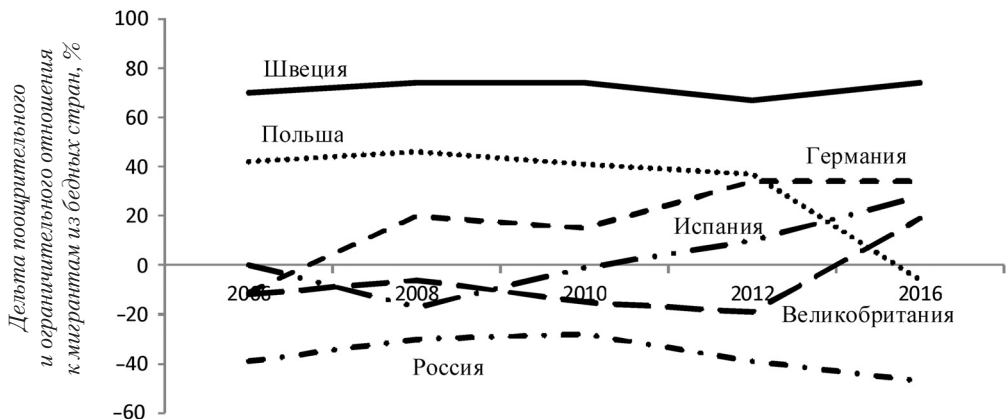

Рис. 3. Динамика индекса отношения к въезду иммигрантов из бедных стран за пределами Европы

В контексте восприятия иммиграции как угрозы либо, наоборот, отсутствия подобного отношения к приезду трудовых мигрантов наиболее открытой

и толерантной среди исследуемых стран выглядит Швеция, а наиболее закрытой и ориентированной негативно по отношению к мигрантам — Россия (табл. 1). Действительно, средние значения (μ) ответов россиян на вопросы о субъективной оценке влияния иммигрантов на экономику и культуру страны, а также условия жизни в ней в целом разительно отличаются от средних показателей не только Швеции, но и всех остальных анализируемых в нашем исследовании государств. Так, в России (2016) медианные значения (Me) переменных, измеряющих отношение к иммиграции как к экономической и культурной угрозе, равны 4 ($\mu = 3,72$ и $\mu = 3,57$ соответственно), а медиана переменной «Иммигранты делают страну худшим или лучшим местом для жизни» равна 3 ($\mu = 3,43$). Более того, в России у 80 % респондентов выбор при идентификации своего отношения к иммиграции как к тому или иному виду угрозы не превышает пятибалльного значения (восьмой дециль ($8/d$) равен 5,0), и только 20 % принявших участие в опросе выбрали значение больше пяти (девятый дециль ($9/d$) равен 7,0 для вопросов об иммиграции как экономической и культурной угрозе, и он же равен 6,0 для вопроса о том, делают ли иммигранты страну худшим или лучшим местом для жизни).

Для сравнения: в большинстве европейских стран медианные значения переменных, измеряющих восприятие иммиграции как угрозы либо отсутствие такого восприятия, составляют 6 баллов и выше, а восьмой дециль равняется 8 баллам. Так, для вопросов «Иммиграция идет во благо/вред экономике страны» и «Культура страны подрывается/обогащается благодаря иммиграции» (данные 2016 г.) в Швеции $Me = 6,0$ ($\mu = 5,75$) и $Me = 7,0$ ($\mu = 6,93$), $8/d = 8,0$ и $8/d = 9,0$ соответственно; в Германии и Великобритании $Me = 6,0$ для обеих переменных (Германия: $\mu = 5,83$ и $\mu = 5,98$; Великобритания: $\mu = 5,67$ и $\mu = 5,66$ соответственно); 8-й дециль равен 8,0 для обеих переменных; в Испании $Me = 5,0$ и $Me = 7,0$; $8/d = 8,0$ для обеих переменных; и, наконец, в Польше $Me = 5,0$ ($\mu = 5,03$) и $Me = 6,0$ ($\mu = 5,58$); $8/d = 7,0$ и $8/d = 8,0$ соответственно. Для вопроса об оценке роли иммиграции в развитии страны в целом («Иммигранты делают страну худшим/лучшим местом для жизни») в Швеции $Me = 6,0$ ($\mu = 6,27$) и $8/d = 8,0$; в Испании $Me = 5,0$ ($\mu = 5,46$) и $8/d = 8,0$; в Германии, Великобритании и Польше $Me = 5,0$ и $8/d = 7,0$ соответственно (Германия: $\mu = 5,21$; Великобритания: $\mu = 5,42$, Польша: $\mu = 5,46$).

Интересно, что абсолютно все респонденты выше оценивают экономический и культурный вклад иммигрантов в развитие страны, нежели их влияние на жизнь государства в целом. Мы можем объяснить это тем, что в последнем случае скандывается опасение, что приезд мигрантов может повлиять на общий уровень безопасности, обусловленный присутствием в медиа и политическом дискурсе проблематики террористической угрозы.

Анализ корреляций, представленных в табл. 2, показывает, что одноэтничные иммигранты в большей степени воспринимаются жителями европейских стран как экономическая (-.482), нежели культурная угроза (-.472), в отличие от иноэтничных мигрантов и мигрантов из бедных стран, которые, наоборот, в большей степени ассоциируются с культурной угрозой (-.534 и -.521 соответственно), а не экономической (-.522 и -.498). Вообще, страхи культурных изменений, привносимых иммигрантами, более значимы для респондентов, чем опасение

конкуренции со стороны иммигрантов на рынке труда: корреляция переменной «Иммигранты делают страну хорошим/плохим местом для жизни» и переменной, измеряющей восприятие иммиграции как культурной угрозы, оказывается более сильной (.717), нежели переменной, измеряющей ее восприятие как экономической угрозы (.659).

Таблица 1

Оценка динамики отношения к иммигрантам как к угрозе (средние значения)

Страна	Иммигранты делают страну худшим/лучшим местом для жизни		Иммиграция идет во вред или на пользу национальной экономике		Иммигранты подрывают культуру страны или, наоборот, обогащают	
	2016	Δ^*	2016	Δ^*	2016	Δ^*
Германия	5.21	+ 0.70	5.83	+1.11	5.98	+0.36
Испания	5.46	+ 0.54	5.39	- 0.28	6.36	+0.53
Великобритания	5.42	+ 1.01	5.67	+ 1.17	5.66	+ 0.94
Польша	5.46	- 0.45	5.03	- 0.48	5.58	- 1.01
Россия	3.43	+ 0.31	3.72	+ 0.04	3.57	+0.18
Швеция	6.27	+0.18	5.75	+ 0.38	6.93	+0.02

* Динамика с 2006 по 2016 г.

Таблица 2

Корреляции отношения к въезду одноэтничных/иноэтничных иммигрантов и восприятия иммиграции как экономической/культурной угрозы (страны Европы)

Отношение к иммиграции	Отношение к иммиграции				
	1	2	3	4	5
Въезд одноэтничных иммигрантов					
Въезд иноэтничных иммигрантов	.800*				
Въезд иммигрантов из бедных стран	.719*	.827*			
Иммиграция как экономическая угроза	-.484*	-.522*	-.498*		
Иммиграция как культурная угроза	-.472*	-.534*	-.521*	.614*	
Иммигранты делают страну хорошим/плохим местом для жизни	-.492*	-.563*	-.552*	.659*	.717*

* Двусторонняя корреляция значима на уровне .01.

В отличие от европейцев россияне воспринимают иноэтничных иммигрантов в контексте не только культурной, но и экономической угрозы (табл. 3)

(показатели коэффициентов корреляции практически равны: $-.480$ и $-.482$), а со стороны мигрантов из бедных стран наши соотечественники опасаются конкуренции на рынке труда даже в большей степени ($-.476$), чем привносимых ими в жизнь страны культурных изменений ($-.461$). Тем не менее, как и в странах Европы, восприятие иммиграции как культурной угрозы имеет большее значение в оценке роли мигрантов в ухудшении или улучшении ситуации в стране в целом ($.738$), нежели ее восприятие как экономической угрозы ($.679$).

Таблица 3

Корреляции отношения к въезду одноэтничных/иноэтничных иммигрантов и восприятия иммиграции как экономической/культурной угрозы (Россия)

Отношение к иммиграции	Отношение к иммиграции				
	1	2	3	4	5
Въезд одноэтничных иммигрантов					
Въезд иноэтничных иммигрантов	.568*				
Въезд иммигрантов из бедных стран	.458*	.741*			
Иммиграция как экономическая угроза	-.336*	-.480*	-.476*		
Иммиграция как культурная угроза	-.333*	-.482*	-.461*	.653*	
Иммигранты делают страну хорошим/ плохим местом для жизни	-.310*	-.490*	-.486*	.679*	.738*

*Двусторонняя корреляция значима на уровне .01.

Далее, следует обратить внимание на то, что практически все коэффициенты корреляции у европейских стран (табл. 2) заметно выше, нежели у России (табл. 3). Это означает, что европейцы более единодушны в своем отношении к иммиграции и последовательны в ответах на вопросы о ней, нежели россияне, демонстрирующие больший размах значений при выборе вариантов ответов.

Наконец, необходимо отметить, что в исследуемых странах Европы коэффициенты корреляции переменной «оценка иммиграции в целом» с переменными «иммиграция как экономическая угроза» и «иммиграция как культурная угроза» несколько ниже, чем в России: $0,659$ и $0,717$ (европейские страны) и $0,679$ и $0,738$ (Россия). Это можно объяснить тем, что в России страхи неблагоприятных культурных и экономических последствий иммиграции выше, нежели среди европейских жителей, что подтверждается предыдущими результатами анализа, свидетельствующими о большей закрытости россиян по отношению к мигрантам по сравнению с европейцами.

* * *

По результатам осуществленного сравнительного исследования наша первая гипотеза о том, что, несмотря на объективные экономические и политические страновые отличия, тренд отношения к иммигрантам в России и странах Европы

одинаков и заключается в усилении изоляционистских установок населения, не подтвердилась. В России количество людей, негативно относящихся к мигрантам различных категорий (одноэтничные, иноэтничные, неквалифицированная рабочая сила) на протяжении последних десяти лет стабильно увеличивается, тогда как в большинстве европейских стран, наоборот, уменьшается. При этом россияне демонстрируют неприязненное отношение не только к приезжим других национальностей, но и к иммигрантам, относящимся к одной с ними этнической группе. Жители России в значительно большей степени, чем европейцы, считают, что иммиграция несет с собой негативные последствия для национальной экономики, подрывает отечественную культуру и делает страну в целом более худшим местом для жизни. Среди рассмотренных стран Европы лидером по числу граждан, разделяющих либеральные установки в отношении въезда различных категорий мигрантов, является Швеция. Германия несколько уступает ей в количественном плане, однако лидирует по показателям динамики, демонстрируя максимальный прирост численности толерантных к иммигрантам респондентов.

Наша вторая гипотеза, касающаяся преобладания разных измерений восприятия иммигрантов как угрозы в России и странах Европы, подтвердилась. Европейцы в большей степени обеспокоены возможными негативными культурными последствиями иммиграции, тогда как россияне видят в иностранных мигрантах не только культурную, но и серьезную экономическую угрозу.

В целом восприятие иммиграции как угрозы, причем культурной, все же несколько больше, чем экономической, значимо влияет на изоляционистские установки людей, т. е. на их толерантное либо интолерантное отношение к приезжим как в России, так и в странах Европы. Однако полученные нами результаты вызывают новые вопросы. Почему в Германии, Испании и Великобритании число граждан, негативно относящихся к мигрантам, с течением времени сокращается, а в России нет? Почему количество толерантных ко всем категориям мигрантов респондентов в Швеции примерно одинаково и остается относительно стабильным на протяжении последних как минимум десяти лет? Почему рост поддержки популистских и праворадикальных политических движений в Германии, Швеции и Великобритании не сказался на росте числа респондентов, интолерантно относящихся к этническим мигрантам в этих странах, но сказался в Польше? Ответ на все эти вопросы требует знания не только тех факторов, которые влияют на формирование позитивного либо негативного отношения к мигрантам, но также факторов, которые определяют динамику соответствующих установок. Выяснение детерминант динамики толерантных и интолерантных установок по отношению к иммигрантам требует проведения дальнейших исследований.

1. Арутюнова Е. М. Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестн. РУДН. Сер. : Социология. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-migrantam-v-rossii-i-evrope-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 20.04.2019).

2. ВЦИОМ. Иммиграция в Россию: благо или вред? : пресс-выпуск [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (дата обращения: 19.12.2018).

3. Демоскоп-Weekly. Иммиграция в Россию: благо или вред? 2018. № 795-796 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0795/opros04.php> (дата обращения: 20.04.2019).
4. Левада-центр. Национализм, ксенофобия и миграция : пресс-выпуск [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2014/08/26/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya/> (дата обращения: 26.08.2014).
5. *Мастикова Н. С.* Динамика отношения российской молодежи к мигрантам по материалам ESS // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М., 2017. С. 273–288.
6. *Мастикова Н. С.* Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) // Социол. журн. 2016. № 1. С. 95–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>
7. *Мухаметишина Е.* В России резко выросли ксенофобные настроения // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/26/779030-v-rossii-ksenofobnie-nastroeniya> (дата обращения: 26.08.2018).
8. *Пития К.* Из чего сделан «социальный клей»? // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/26/795217-sotsialnii-klei> (дата обращения: 26.02.2019).
9. *Пития К.* Ксенофобия в 2017 году : пресс-выпуск / Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/23/16486/> (дата обращения: 23.08.2017).
10. *Пития К.* Интолерантность и ксенофобия : пресс-выпуск / Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/#_edn1 (дата обращения: 11.10.2016).
11. *Chapman H. S., Marquardt K. L., Herrera Y. M., Gerber T. P.* Xenophobia on the Rise? Temporal and Regional Trends in Xenophobic Attitudes in Russia // Comparative Politics. 2018. № 50(3). P. 381–394.
12. *D'Ancona A. C.* What determines the rejection of immigrants through an integrative model // Social Science Research. 2018. № 74. P. 1–15.
13. *Gorodzeisky A., Glikman A.* Two Peoples – Two Stories: Anti-Immigrant Attitudes in Post-Socialist Russia // Social Problems. 2018. № 65. С. 543–563.
14. *Hainmueller J., Hopkins D. J.* Public attitudes toward immigration // Annual Review of Political Science. 2014. № 17. P. 225–249.
15. *Pettigrew T. F., Tropp L. R., Wagner U., Christ O.* Recent advances in intergroup contact theory // International Journal of Intercultural Relations. 2011. № 35. P. 271–280.
16. *Quillian L.* Prejudice as a response to perceived group threat // American Sociological Review. 1995. № 60(4). P. 586–612.
17. *Sari O. L.* Perceptions of threat and expressions of prejudice toward the new minorities of Western Europe // Journal of International Migration and Integration. 2007. № 8. С. 289–306.
18. *Stephan W. G., Ybarra O., Rios Morrison K.* Intergroup Threat Theory // T. Nelson (Ed.). Handbook of prejudice. Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, N. J., 2009. P. 43–59.

Рукопись поступила в редакцию 01 мая 2019 г.

СТИЛЬ ЖИЗНИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье дан анализ стиля жизни русскоязычных эмигрантов третьей волны в одном из регионов современной Греции. Выявлено три группы русскоязычных эмигрантов, проживающих в Греции. К первой группе относятся репатрианты из бывших союзных республик — Грузии, Молдавии, России. Вторая группа представлена эмигрантами, приехавшими на заработки и оставшимися в Греции на постоянное место жительства либо пытающимися это сделать. Третья группа — это эмигранты, оказавшиеся в Греции по семейным обстоятельствам (замужество, женитьба, чаще — первое). В статье говорится о том, что по своему стилю жизни и культуре большая часть эмигрантов продолжает оставаться бывшими «русскими людьми» в культуре Греции, придерживаясь стиля жизни, сложившегося в стране исхода. Меньшая часть эмигрантов придерживается смешанного стиля жизни. Его можно назвать переходным, транзитным, основой его является греческая культура. Автор делает предположение о том, что именно эти люди в большей степени, чем представители первой группы, интегрированы в греческую культуру и ориентированы на формирование греческого стиля жизни. Исследование выявило новый тренд в эмигрантской среде — стремление решать проблемы с помощью соотечественников, оставшихся в стране исхода, посредством социальных сетей. Исследование зафиксировало, что не только принимающая культура оказывает влияние на стиль жизни русскоязычных эмигрантов третьей волны, но и стиль жизни последних оказывает влияние на реконфигурацию социокультурного пространства принимающей культуры Греции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русскоязычные эмигранты, третья волна, Греция, стиль жизни.

Введение в исследовательскую проблему. Конец XX — начало XXI в. ознаменованы миграционными процессами. В условиях глобализации и усиления миграционных процессов происходят стирание межнациональных и культурных границ, унификация культуры, высокая миграционная подвижность населения. Миграционные потоки, в свою очередь, являются прямым следствием процессов глобализации: огромный разрыв в уровне жизни населения между благополучными и неблагополучными в экономическом отношении странами приводит в действие массовое перемещение населения из неблагополучных регионов, из зон вооруженных конфликтов и политической нестабильности в благополучные регионы мира. Как отмечает Г. А. Большаков, на данный момент из 6 млрд людей, живущих на земле, около 150 млн проживают вне стран, в которых они родились. Большая их часть стремится в наиболее благополучные регионы мира, и огромная часть стремится в страны Евросоюза [2, 73].

В этих условиях проблема миграции является одной из центральных в европейском [27, 28, 22, 25, 23, 26] и российском [13, 8, 6, 10] научном дискурсе.

Сегодня Россия является не только одной из лидирующих стран, принимающих мигрантов, но и страной исхода россиян за рубеж на постоянное место жительства [9]. Между тем анализ научной литературы показывает, что

недостаточно социологических исследований, посвященных русскоязычным эмигрантам, проживающим за рубежом, в том числе и в странах Евросоюза. Так, проблемы последней волны русскоязычных диаспор в Турции, Индонезии, во Франции изучали Н. В. Киммель [9], Е. В. Грунт [6], О. Журавлева-Леенаф [7]; проблемы русскоязычных эмигрантов в Израиле и Германии — С. Лисситса, Д. В. Нефедов [24, 14]. В основном же исследователи делают акцент на изучении выходцев из мусульманских стран в Евросоюзе — из африканских стран во Франции, Германии и др. [4, 17], индопакистанцев в Великобритании [22, 11, 15]. Имеются работы, посвященные анализу жизни греческой общины в России [21] и т. д. Мы полагаем, что российская эмиграция за рубежом заслуживает большего внимания российских исследователей. Это связано и с активизацией конфликтов, этнического самосознания в полиэтнических государствах, и с новым характером миграционных процессов. Как отмечает Н. В. Киммель, «если раньше тема соотечественников за рубежом была практически закрыта для обсуждения, то сегодня она является, чуть ли не первостепенной во внешнеполитических вопросах России» [9, 4]. Российские соотечественники сегодня рассматриваются не просто как демографический резерв России, испытывающей дефицит населения, но и как важная опора для укрепления экономических, политических и культурных отношений и связей со страной их проживания, а также как значимый фактор, способствующий повышению авторитета России на международной арене.

Что касается исследований русскоязычной эмиграции прошлых лет в Греции, то в основном они принадлежат историкам [18, 12, 17, 19, 20]. Между тем в настоящее время русскоязычная община относится к самым многочисленным иноязычным общинам в Греции, вследствие чего русский язык в этой стране является одним из самых распространенных иностранных языков. 11 ноября 2005 г. при Посольстве Российской Федерации в Афинах был открыт Российский центр науки и культуры. С 2010 г. русский язык введен в гимназии и частные школы Греции как второй иностранный язык [16]. В этой связи незаслуженно обойдены вниманием социологов русскоязычные эмигранты, проживающие в современной Греции.

Если говорить о греческих Салониках, то можно выделить три волны русскоязычной эмиграции.

Первая волна эмиграции связана с основанием русским монахом Герасимом в 1169 г. Русского Свято-Пантелеймонова монастыря. Этот монастырь до сих пор является местом притяжения русскоговорящих паломников. Однако русская монашеская община появилась на Афоне еще в XI в. [29]. Настоящий расцвет русского монашества на Афоне произошел в XIX в., когда Свято-Пантелеймонов монастырь возродился как центр русского монашества. Он пользовался покровительством российского императора. К концу XIX в. русских монахов на Святой горе стало столько же, сколько и греческих, а в начале XX в. — даже больше. На начало 1913 г. русскоязычного населения было 5000 человек, греков — 3900, болгар — 340, румын — 288, сербов — 120, грузин — 53 [Там же].

Вторая волна русскоязычной эмиграции связана с 20–30-ми гг. XX столетия, когда Греция, в том числе и Салоники, стали «убежищем» для переселяющихся

мигрантов из Российской империи. Греция — одна из стран, принявших первых беженцев с юга России в начале 1920 г. В ноябре — декабре этого же года в страну прибыло 3,5–4 тыс. беженцев. В Афинах в январе 1921 г. проживало около 2 тыс. русскоязычных эмигрантов, из них — 1 тыс. эвакуированных воинов, около 1,5 тыс. человек проживало в Салониках, из которых 944 человека являлись военнослужащими [3]. В 1921 г. три города стали центрами расселения русских — Афины, Пирей и Салоники. В этот период в Салониках и Афинах русская эмиграция имела собственные церкви, библиотеки и различные общества, рестораны, кондитерские, больницы, гимназии. Начала складываться русскоязычная диаспора. К середине 1930-х гг. активность эмигрантской жизни в Греции угасает, что было типичным для истории русской эмиграции на Балканах. В большей мере это связано с тем, что 10 марта 1924 г. греческое правительство признало СССР. Это вызвало недовольство среди эмигрантов, породило желание выехать из страны, возникли проблемы правового характера, так как не осталось официального представителя российских эмигрантов при греческом правительстве. Здание русской дипломатической миссии перешло в собственность СССР, и все эмигрантские организации, располагавшиеся в нем, были вынуждены его покинуть. После 1924 г. русскоязычным эмигрантам стало практически невозможно получить визу на выезд из страны, ухудшилось их материальное положение в силу потери работы и пр. Части русскоязычных эмигрантов удалось вернуться в страну исхода, многие уезжали в другие страны. Большинству эмигрантов пришлось адаптироваться к принимающей их новой культуре Греции.

Третья волна русскоязычной эмиграции связана с распадом СССР в 90-е гг. XX в. Русскоязычное население начинает появляться во всех частях Греции, основывать диаспоры в небольших городах, пытаясь интегрироваться в греческую культуру. Однако до сих пор в отечественной социологии недостаточно внимания уделяется проблеме стиля жизни русскоязычных эмигрантов в принимающей их греческой культуре.

Как живут русскоязычные эмигранты в современной Греции? Откуда и по каким причинам они приехали в эту страну? Насколько они пытаются сохранить свою культуру и приобрести новую? Эти и другие вопросы мы изучили в процессе социологического исследования.

Методы и методология исследования. Цель исследования — изучить стиль жизни русскоязычных эмигрантов третьей волны в современной Греции. Исследование проведено в августе 2018 г. в г. Неа-Каликратия в Греции. Город находится в 30 км от Салоников, число жителей — 20 тыс. человек. Город основан в 1922 г. греческими беженцами из Малой Азии. В настоящее время здесь проживают 80 русскоязычных семей (около 500 человек). Пилотажное социологическое исследование проведено с использованием качественной стратегии — метода глубинного интервью ($n = 20$) и метода наблюдения ($n = 4$). Информантами явились русскоязычные эмигранты в возрасте от 25 до 55 лет. По гендерному составу — 40 % мужчин и 60,0 % женщин. Гайд интервью состоял из 12 вопросов, направленных на изучение стиля жизни русскоязычных эмигрантов.

Феномен «стиль жизни» русскоязычной эмиграции был рассмотрен с позиций структурно-функционального и аксиологического подходов, что позволило сделать вывод о том, что стиль жизни — важный полифункциональный, многогранный социокультурный феномен.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к понятию «стиль жизни». В исследовании используется рабочее определение стиля жизни, под которым понимается совокупность устойчиво воспроизводимых образцов поведения, социальных и культурных практик, являющихся типичными для определенных социальных общностей и принудительно воздействующих как на них, так и на включенных в них индивидов в их повседневной жизни. Применительно к русскоязычным эмигрантам индикаторами стиля жизни могут быть особенности занятости, быта, досуга (социальные и культурные практики организации повседневности), язык повседневного общения, предпочтения в кухне, соблюдение традиций, круг интересов, отличие «своих» и «чужих» в разных сферах жизнедеятельности, дизайн жилища, внешний вид, знаки и символы как средства коммуникации.

Результаты и дискуссия. Исследование зафиксировало, что русскоязычных эмигрантов третьей волны, проживающих в Неа-Каликратии, можно разделить на три группы. Критериями являются страна исхода и наличие/отсутствие у эмигрантов греческих корней.

К первой группе относятся репатрианты из бывших союзных республик — Грузии, Абхазии, Украины, Молдавии. Для большинства из них русский язык не является родным, при этом они хорошо владеют русским языком, знают российские традиции и обычаи, так как их социализация проходила в Советском Союзе. Об этом говорят наши информанты: «*Приехали в Неа-Каликратию 13 лет назад из Грузии. Мы наполовину греческая семья. После ухудшения политической и экономической обстановки в Грузии решили вернуться на Родину*» (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»); «*Приехали с женой из разных советских республик в 1991 г. после распада СССР. Я приехал из Казахстана, жена — из Узбекистана. У нас у обоих есть греческие корни. Создали семью*» (Сергей, 48 лет, предприниматель, владелец ресторана «Кораблики»).

Вторую группу составляют люди, приехавшие на заработки и оставшиеся в Греции на постоянное место жительства либо пытающиеся это сделать:

Меня привезли в Грецию родители из Омска в 1995 г., когда мне было 11 лет. Мы русские. В Омске дружили с греческой семьей (муж — грек, жена — наполовину гречанка, наполовину русская). После распада СССР они уехали в Грецию. Мои родители потеряли работу. Их пригласили друзья, и мы уехали. Думали подзаработать и вернуться на Родину. Но живем здесь уже 23 года. Я здесь окончил школу, в Салониках — университет, 8 лет назад встретил свою Дарулю. Она у меня полька (Виктор, 34 года, предприниматель, владелец меховых магазинов в Салониках и Неа-Каликратии);

Работаю по специальности — фармацевтом. Окончила по этой же специальности Белгородский университет. Приехала сюда четыре года назад. В Белгороде практически нет работы по специальности, если есть, то люди за эту же работу получают мизерные

зарплаты. Пять лет назад путешествовала со старшей сестрой по Греции (жили в этом городе, ездили в Салоники и т. д.). Очень понравилось. Зашла в аптеку, спросила про работу. У меня красный диплом. Сказали: «Приезжай». Через год поехала. Старшая сестра сейчас живет на Кипре, родители — в России. Очень хочу здесь остаться. Все нравится (Анастасия, 27 лет, провизор).

Третья группа — люди, оказавшиеся в Греции по семейным обстоятельствам: замужество, женитьба, чаще — первое:

Приехала после окончания Калининградского федерального университета отдохнуть в Салоники. По специальности тележурналист. Познакомилась с парнем, влюбилась... Три года жили то в России, то в Греции. В Калининграде работы по специальности нет. Здесь работаю в магазине, продаю косметику... Месяц назад расписались. Сделали это, чтобы мне не выезжать в Россию и нам быть вместе. Жить сложно, но очень люблю своего мужа (Рада, 27 лет, продавец косметики).

Таким образом, мы видим разные мотивы русскоязычных эмигрантов для переезда в Грецию, что так или иначе влияет на формирование их стиля жизни.

Исследование зафиксировало достаточно высокий уровень образования русскоязычных эмигрантов. Фактически все информанты имеют высшее или среднее специальное образование, полученное в стране исхода (Россия, Грузия, Казахстан, Узбекистан), либо, приехав ребенком, получили его в Греции. Как отмечает одна из информанток, *«мы с мужем получили высшее образование в Тбилиси. Поэтому и детям пытаемся дать хорошее образование. Младший сын заканчивает школу, старший учится в Салониках в университете»* (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»).

Другая информантка подтверждает мнение первой:

Здесь я окончила школу и колледж, дальше учиться не захотела. А брат мой окончил школу и университет в Салониках, сейчас он живет в Афинах (Анна, 31 год, менеджер в магазине).

Однако не всем удается получить высшее образование при ориентации на него:

Мне 30 лет. Ребенком меня привезли родители из Казахстана. Окончил здесь школу, учился в Салониках в университете. Но грянул кризис, платить за учебу стало нечем, приходится работать. Идею окончить университет не оставляю (Юрий, 30 лет, водитель автобуса).

Исследование показало достаточно высокий уровень занятости русскоязычных эмигрантов. Так как практически все члены семей информантов (за исключением пяти) имеют полную занятость, несмотря на рост безработицы в Греции, уровень материального достатка эмигрантов достаточно высок. Об этом говорят информанты:

Мы с мужем оба работаем, хорошо получаем. Имеем квартиру в Неа-Каликратии, дачу рядом с городом, машину. Все хорошо! (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»);

У нас с женой бизнес — ресторан русской кухни. Старший сын пытается открыть свой бизнес. Шесть месяцев летом работаем в Неа-Каликратии, а остальную часть

года живем в Салониках. Там держим небольшую кофейню. На материальное положение не жалуемся... (Сергей, 48 лет, ресторатор).

Несмотря на достаточно хорошее материальное положение эмигрантов и удовлетворенность им, большинство из них понизили свой социальный статус при переезде в принимающую культуру. Такая ситуация вполне объяснима. Во-первых, приезжая в Грецию, эмигранты занимают те ниши, в которых не хотят трудиться греки (няни, продавцы, официанты, водители и пр.). Во-вторых, незнание или слабое знание греческого языка не позволяет русскоязычным эмигрантам занимать достаточно высокие должности:

В России я была педагогом. Работала в Санкт-Петербурге в лицее с избранными детьми. Вышла замуж, переехала в Грецию. Языка практически не знала. Разговорный выучить достаточно легко. А вот письменный... Поэтому работала няней, сейчас (через 5 лет) устроилась в туристическую фирму. Да, статус ниже, чем в России. Но жизнью в целом довольна (Марина, 35 лет, работник туристической фирмы).

В-третьих, русскоязычные эмигранты проживают в курортном городе, где развиты лишь такие сферы занятости.

Таким образом, данные исследования свидетельствуют о том, что в целом русскоязычные эмигранты третьей волны в Греции — это разновозрастная группа эмигрантов, неоднородная по гендерному составу, с высоким уровнем образования и материального обеспечения, разнородная по сфере занятости и удовлетворенная своим материальным положением.

Исследование зафиксировало, что русскоязычная эмиграция в этой части Греции имеет достаточно сильные диаспоральные связи, что, несомненно, влияет на стиль жизни. О сильных диаспоральных связях свидетельствует, во-первых, выбор эмигрантами страны проживания; во-вторых, оказанная помощь диаспоры в решении возникающих проблем; в-третьих, проведение эмигрантами совместного досуга, их культурные повседневные практики.

Для нашего исследования большое значение имеет выявление проблем, возникших у эмигрантов при переезде в другую страну. Так, для эмигрантов, приехавших в Грецию на заработки, основными проблемами являлись бытовые, сложность в общении:

Какие проблемы?.. Да, проблемы были. Мы приехали с мужем из Молдавии на заработки. Я работала няней в семье, точнее присматривала за больной бабушкой, а муж работал водителем. Сначала я жила в семье. Потом мы снимали несколько разных квартир. Только сейчас (прошло 8 лет) мы снимаем квартиру и начали строить свой дом. Были проблемы и с общением из-за плохого знания языка. Но язык достаточно легкий. Я его быстро выучила, чтобы общаться с семьей, в которой работала» (Елена, 41 год, парикмахер).

Я был ребенком. Поэтому помню, что были проблемы с жильем. Жилье нам помогли искать друзья родителей. Они же нашли работу родителям. Было трудно общаться с местными, так как меня отдали в греческую школу. Пришлось быстро осваивать греческий язык. У родителей с этим было намного хуже... (Виктор, 34 года, владелец меховых магазинов в Неа-Каликратии и Салониках).

Такая ситуация вполне объяснима: человек, плохо знающий язык и культуру принимающей страны, плохо общающийся с местными жителями, так или иначе сталкивается и с проблемами в быту. К тому же разница в менталитете, традициях, обычаях, культуре — все это существенно влияет на бытовые условия эмигрантов.

Для эмигрантов, приехавших в Грецию по семейным обстоятельствам (замужество/женитьба), основными проблемами явились поиск работы и общение в семье:

Мне сложно было найти работу, так как по специальности я тележурналист. Понятно, что такую работу я найти не могла, так как не знала языка. Поэтому нашла работу в магазине. По этой же причине (из-за незнания языка) сложно было общаться с семьей мужа. У семьи мужа есть дом. Но мы с ним снимаем квартиру. Жить сложно. Жить я так не привыкла (не могу купить дорогую помаду, одежду и т. д.). Живя в Калининграде с родителями, я имела все. Спасает любовь!!! (Рада, 27 лет, продавец косметики).

Что касается репатриантов из бывших союзных республик, то они выделили следующие проблемы: бытовые, трудоустройство:

Долго переезжали с места на место, искали, где лучше жить... Наконец, приехали в Неа-Каликратию. Снимали разные квартиры. Было сложно с обустройством быта. Сменили с мужем несколько работ. Я работала уборщицей в отеле, имела временные заработки. Сейчас все хорошо. Имеем и работу, и квартиру, и дачу. С общением с местными жителями проблем не было, так как могли общаться на бытовом уровне на греческом языке (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»).

Практически все информанты выделили значимую для них проблему — возникновение чувства одиночества в новой культуре и тоску по Родине. Такая ситуация вполне естественна, так как, попадая в новую культуру, человек сталкивается с необычными для него условиями жизнедеятельности, новой культурой и ищет поддержку со стороны друзей или знакомых.

Одна из важных проблем для русскоязычных эмигрантов — проблема получения греческого гражданства. Ее назвали все наши информанты. Как отмечает Г. Г. Гольдин, после легального проживания в Греции в течение 5 лет можно получить лишь постоянный вид на жительство [5]. Кто помогал эмигрантам решать возникшие у них проблемы? Исследование показало, что существенную роль в этом сыграли, во-первых, друзья (знакомые), проживающие в Греции; во-вторых, диаспора. Роль диаспоры неоднозначна. С одной стороны, она способствует успешной адаптации эмигрантов к новой для них культуре, формированию стиля жизни в принимающей их культуре, а с другой — способствует поддержанию и сохранению культуры страны исхода. В-третьих, часть эмигрантов указали на то, что в решении проблем существенную помощь им оказали местные жители (соседское сообщество).

Наконец, исследование выявило достаточно новый для эмигрантских сообществ субъект, помогающий решать их проблемы, — сетевое сообщество, социальные сети соотечественников, проживающих в стране исхода:

В Греции я проживаю одна. Мне сложно решать свои проблемы: бытовые, проблемы общения и т. д. Особенно это было в начале проживания в Греции. Когда мне надо, то я обращаюсь за помощью к родителям, своим друзьям, проживающим в России, через соцсеть Фейсбук. У меня есть друзья в Контакте. Они всегда посоветуют (Анастасия, 27 лет, провизор);

Я, как тележурналист, имею свой Instagram, общаюсь через Фейсбук со своими российскими подругами. Они мне помогают решать мои проблемы и пр. (Рада, 27 лет, продавец косметики).

Таким образом, исследование показало, что общение эмигрантов с соотечественниками, оставшимися в стране исхода, через социальную сеть зачастую является единственным средством, способствующим решению проблем, возникших у эмигрантов.

Как мы отмечали выше, помимо сферы занятости одним из важных индикаторов стиля жизни эмигрантов являются их культурные, досуговые практики. Одной из таких практик является знание и соблюдение традиций принимающей культуры. Практически все информанты отметили, что они знают и уважают традиции греческой культуры (праздник Пасхи, Крещения, Новый год, танец «Сиртаки», «кивок головы — означает “нет”» и т. д.), однако в большей степени они склонны придерживаться традиций своей культуры.

Между тем стоит заметить, что большинство традиций (праздников), отмечаемых эмигрантами, не являются чисто греческими, они характерны для всей православной культуры:

На праздниках часто мы собираемся с русскоязычными семьями. Очень дружим. Наша диаспора (русскоязычная) часто устраивает нам праздники. Но так как моя семья наполовину греческая (у меня — мама, у мужа — отец полугрузин-полугрек), то мы отмечаем и греческие праздники» (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»).

Мы с Дарой — семья интернациональная. Поэтому знаем и уважаем традиции и праздники русские, греческие, польские. У нас много как русскоговорящих друзей, так и греков. Сложно сказать, каких традиций мы придерживаемся конкретно. Я — конечно же... русских (Виктор, 34 года, владелец меховых магазинов в Неа-Каликратии и Салониках).

Что касается языка как индикатора стиля жизни эмигрантов, то исследование показало, что эмигранты, как правило, общаются на двух языках в зависимости от обстоятельств — русском и греческом. В семье, кругу друзей и близких они предпочитают общаться на русском, в профессиональной деятельности они вынуждены общаться на греческом языке. Однако, в силу того что эмигранты проживают в курортном городе и общаются не только с русскими или греками, но и с иностранцами, они вынуждены знать и язык международного общения — английский.

Я работаю в отеле уже 10 лет, мой муж — водителем при отеле. До 2015 г. в нашем отеле практически не останавливались русские. Поэтому я хотя бы как-то должна была изъясняться по-английски, а дома — конечно же на русском или греческом языке. Мы наполовину русская, наполовину греческая семья (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»);

Я — русская, муж — русский. Дома общаемся по-русски. Друзья у нас в основном тоже русские. С родственниками, оставшимися в России, общаемся по-русски. На работе в основном я имею дело с иностранцами. Часто заходят русские, иностранцы, иногда — греки. Хозяин — грек, две сотрудницы — гречанки. Поэтому на работе разговариваю по-гречески. Хорошо знаю английский язык, так как учила его в университете в Санкт-Петербурге. Приходится на работе много говорить по-английски (Марина, 35 лет, работник туристической формы).

Исследование показало, что ни один информант не указал на то, что при любых обстоятельствах готов общаться или общается только на греческом языке.

Предпочтение той или иной национальной кухни является одним из показателей стиля жизни эмигрантов. Исследование не зафиксировало существенных предпочтений в национальной кухне среди трех групп информантов. Информанты говорили о том, что в их семьях нет четкого разделения на национальные кухни: у них присутствуют как блюда русской кухни (пельмени, окрошка, холодец и т. д.), блюда греческой кухни (мусака, пастицио и др.), так и блюда национальной кухни тех стран, из которых они приехали (лобио — грузинское блюдо; куырдак, бешбармак — блюдо казахской кухни; плов — узбекское блюдо).

Что касается внешнего вида, одежды как важного индикатора стиля жизни, то они практически не отличаются у греков и эмигрантов. Это связано с тем, что Греция и Россия — европейские, православные страны, население которых по внешнему виду практически не отличается друг от друга:

Мы фактически по внешнему виду не отличаемся друг от друга. Я россиянка из Калининграда, высокая, черноволосая. Мой муж — грек, высокий, черноволосый. Трудно сказать, кто из нас кто... К тому же в курортном городе много «чужих». Здесь все лояльно относятся друг к другу (Рада, 27 лет, продавец косметики);

Внешний вид... Мы мало чем отличаемся. Я россиянка из Белгорода, блондинка, среднего роста. Но и греческих девушек много блондинок, правда, не натуральных, а крашенных. По одежде мы тоже не отличаемся. Вот когда я отдыхала с родителями в Турции, то там сразу заметно, что мы другие. Нельзя девушкам оголяться, ходить в шортах... Это дурной тон. Там сразу видно «чужих» (Анастасия, 27 лет, провизор).

О таком индикаторе стиля жизни, как убранство жилища, практически все информанты (17) говорят, что придерживаются убранства, которое было у них в стране исхода, не отрицая того факта, что проживание в Греции наложило свой отпечаток:

Квартира у нас отделана в русском стиле, а дача — в греческом: все комнаты в одном цвете — бежевом, белом и голубом (Элина, 52 года, работник отеля «Малас»);

Стиль нашего жилья... да практически такой, какой был у жены в Узбекистане, а у меня в Казахстане, точнее сказать — русский... Разве что в каждой комнате есть напольные вазы, картина в греческом стиле (Сергей, 48 лет, ресторатор).

В этом исследовании мы попытались осветить некоторые конкретные проблемы, связанные с особенностями стиля жизни русскоязычных эмигрантов, их интеграцией в принимающую культуру в одном из регионов современной Греции.

Дальнейшее исследование должно быть посвящено сравнительному анализу этих проблем у эмигрантов, проживающих в различных регионах страны.

* * *

Подводя итог исследованию специфики стиля жизни русскоязычных эмигрантов третьей волны в современной Греции, можно сделать следующие выводы о его особенностях.

Исследование зафиксировало, что русскоязычных эмигрантов третьей волны, проживающих в Неа-Каликратии, можно разделить на три группы. Критериями являются страна исхода и наличие/отсутствие у эмигрантов греческих корней. К первой группе относятся репатрианты из бывших союзных республик — Грузии, Абхазии, Украины, Молдавии, России. Для большинства из них русский язык не является родным, при этом они хорошо им владеют, знают российские традиции и обычаи, так как их социализация проходила в Советском Союзе. Вторая группа представлена эмигрантами, приехавшими на заработки, оставшимися в Греции на постоянное место жительства либо пытающимися это сделать. Третья группа — эмигранты, оказавшиеся в Греции по семейным обстоятельствам: замужество, женитьба, чаще — первое.

Исследование показало, что в целом русскоязычные эмигранты третьей волны в Греции — это разновозрастная группа эмигрантов, неоднородная по гендерному составу, с высоким уровнем образования и материального обеспечения, разнородная по сфере занятости и удовлетворенная своим материальным положением. Большинство эмигрантов при переезде в Грецию понизило свой социальный статус.

Исследование выявило, что среди эмигрантов имеются «возрастные» представители, прожившие в Греции более 20 лет и прошедшие свою социализацию в Советском Союзе; стиль их жизни сформировался в тот период времени и перенесен в греческую культуру. Эти люди достаточно хорошо интегрированы в греческую культуру при сохранении культуры страны исхода. Имеются представители эмигрантов, приехавшие в Грецию детьми или родившиеся здесь, а значит, прошедшие свою социализацию и вторичную адаптацию в принимающей их культуре, сформировавшие свой стиль жизни. Эти люди также хорошо интегрированы в культуру Греции, однако пытаются поддерживать и сохранять культуру страны исхода. Наконец, среди эмигрантов имеются люди, приехавшие в Грецию в последние 5 лет, следовательно, находящиеся в стадии адаптации к принимающей культуре и формирующие свой стиль жизни в новой для них культуре.

Исследование показало, что по своему стилю жизни и культуре большая часть эмигрантов продолжают оставаться бывшими «русскими людьми» в культуре Греции, придерживаясь стиля жизни, сложившегося в стране исхода. Они являются носителями ценностей и традиций чужой для нее культуры и, следовательно, продолжают оставаться для нее иностранцами. Меньшая часть эмигрантов придерживаются смешанного стиля жизни (сочетание стиля, сложившегося в стране исхода, с элементами стиля жизни принимающей их культуры). Его можно назвать переходным, транзитным стилем жизни эмигрантов, основой которого является

греческая культура. Можно предположить, что именно эти люди в большей степени, чем представители первой группы, интегрированы в греческую культуру и ориентированы на формирование греческого стиля жизни.

Исследование выявило новый тренд в эмигрантской среде — стремление решать проблемы, возникшие у эмигрантов, с помощью соотечественников, оставшихся в стране исхода посредством социальных сетей.

Большую роль в формировании стиля жизни русскоязычных эмигрантов играет диаспора.

Исследование зафиксировало, что не только принимающая культура оказывает влияние на стиль жизни русскоязычных эмигрантов третьей волны, но и стиль жизни последних оказывает влияние на реконфигурацию социокультурного пространства принимающей культуры Греции. Это проявляется в появлении досуговых учреждений — ресторанов, кофеин, магазинов; заключении межэтнических браков русскоязычных эмигрантов с греками и совместном воспитании детей; организации русскоязычного детского сада; обязательном изучении русского языка в греческих гимназиях и частных школах и пр.

В этих условиях большее значение приобретает социологический анализ вопросов, связанных с тем, в какой степени и какими способами эмигранты достигают соответствия (совместимости) с новой для них культурной средой, принимая или отвергая ее, насколько они способны сформировать новый для них стиль жизни или сохранить старый, каким образом их стиль жизни влияет на конфигурацию социокультурного пространства Греции.

-
1. *Блинова М. С.* Современные социологические теории миграции населения. М., 2009.
 2. *Большаков Г. А.* Кризис этнической идентичности и массовая миграция в странах Скандинавии: Норвегия, Дания, Швеция : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
 3. ГА РФ. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.
 4. *Гасанова Д. Э.* Сравнительный анализ этических систем Запада и России // VII Камские чтения : всерос. науч.-практ. конф. (Набережные Челны, 2015) : в 3 ч. Ч. 3. Всерос. научн.практ. конф. VII Камские чтения, 24 апреля 2015 г. : сб. док. / ред. кол. С. В. Дмитриев [и др.]; под ред. д-ра техн. наук Л. А. Симоновой. Набережные Челны, 2015.
 5. *Гольдин Г. Г.* Политические и правовые проблемы миграции. М., 2000. С. 160.
 6. *Грунт Е. В., Киммель Н. В.* Особенности русскоязычной диаспоры в мусульманских странах // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире» в рамках конвента «Модернизация обществ модерности». Екатеринбург, 2013. С. 34–42.
 7. *Грунт Е. В., Журавлева-Леенаф О.* Культурная идентичность русскоязычных эмигрантов в современной Франции // Изв. УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 4(146). С. 145–154.
 8. *Ионцев В. А.* Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В. А. Ионцева. Вып. 3. М., 2002. С. 53–105.
 9. *Киммель Н. В.* Особенности русскоязычной диаспоры в мусульманских странах : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2011.
 10. *Кондратьева Т. С.* Великобритания в ловушке мультикультурализма [Электронный ресурс]. URL: www.perspectivy.info/srez/vai/velikobritanijavlovushkemultikulturalizma2011-10-07.htm (дата обращения: 11.01.2019).

11. *Котин И. Ю.* Индо-пакистанский Манчестер: праздники и будни // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4. С. 42–44.
12. *Милюков А. П.* Афины и Константинополь: Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 53.
13. *Мукомель В. И.* Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М., 2005.
14. *Нефедов Д. В.* Социальная адаптация российских немцев в Германии: этносоциологический анализ миграции и реэмиграции : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2019.
15. *Плещунов Ф. О.* Мусульманские школы Великобритании: борьба за государственное финансирование // Восток. 2008. № 1. С. 74–82.
16. *Полихронид С.* Русский язык в Греции: история, современное состояние, перспективы // Вестн. РУДН. Сер. : Русский и иностранный язык и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 56–66.
17. *Рытов А.* Внешняя политика Греции в эпоху глобальных перемен, 1990–2005. М., 2005.
18. *Соколовская О. В.* Русско-греческая торговля, династические связи и крымские греки во второй половине XIX — начале XX века // Греки Балаклавы и Севастополя. М., 2013.
19. *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866–1869 годов. М., 1970.
20. *Шеменков К. А.* Греция: проблемы современной истории. М., 1987. С. 277.
21. *Янцици Т. К.* Эллинизм и филэллизм в России: прошлое, настоящее и будущее о греческой общине в Одессе // Вестн. РУДН. Сер. : Русский и иностранный язык и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 150–164.
22. *Aspinall P.* The Challenges of Measuring the Ethno-Culcral Diversity of Britain in the New Millennium // Policy and Politics. 2001. Vol. 28, № 1. P. 114.
23. *Clifford J.* Diasporas // Cultural Anthropology. 1994. № 9(3). P. 302–382.
24. *Lissitsa S.* What is vital for integration? Russian immigrants and Israelis speak their mind // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Общественные науки. 2014. № 4(142).
25. *Malik K.* Can Multiculturalism Work? The paper presented at the Attention Seeking: Multiculturalism and the Politics of Recognition: Institut francais. L., 1999. 16 Nov.
26. *Mucchiell A. I.* Les fondements de l'identite psychosociologique (Professeur aux Universités de Montpellier). Presses Universitaires de France, 2013.
27. *Patrick Charaudeau* // Réflexions sur l'identité culturelle. Un préalable nécessaire à l'enseignement d'une langue in Gabry J. et alii, Ecole, langues et modes de pensée, CRDP Académie de Créteil. France, 2005.
28. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1991 Vol. 1, № 1. P. 83–99.
29. Сайт: Русь и Афон. Наследие святой горы [www.afonit.info](http://afonit.info) [Электронный ресурс]. URL: <http://afonit.info/monitoring-smi/russkij-khram-elladskoj-tserkvi-v-salonikakh> (дата обращения: 12.12.2018).

Рукопись поступила в редакцию 27 февраля 2019 г.

УДК 329.11 + 329.12 + 329(470)

Б. С. Абзалбеков

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

В статье рассматриваются идеологические особенности парламентских политических партий Российской Федерации на современном этапе. Затрагиваются процессы становления консерватизма в качестве официальной идеологии партии «Единая Россия». Уделяется внимание феномену и ценностям понятия «российский консерватизм». Кроме того, рассматриваются консервативные установки и элементы, содержащиеся в идеологиях политических партий КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР. Исследование проведено в рамках партологии, посредством исторического и описательного методов, а также метода анализа и изучения документов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политические партии, идеология, консерватизм, российский консерватизм, социализм, социал-демократия, либерал-демократия, патриотизм.

После крушения советской политической системы в 1991 г., а вместе с ней и идеологии коммунизма, в Российской Федерации был продекларирован курс на полную деидеологизацию общества. Пункт 2 ст. 13 Конституции РФ 1993 г. стал гласить о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [8].

На самом же деле существование в посткоммунистической России идеологического плюрализма было лишь ширмой для маскировки господствующего положения либерально-демократической идеологии. Не имея официального статуса государственной, она фактически выполняла ее функцию, навязывая свои идеи, ценности, цели всему обществу, в том числе и через работу политических партий и общественных движений, опираясь на всю мощь государственной машины.

Однако в последние годы правления Б. Ельцина влияние либерально-демократической идеологии стало стремительно падать. Это было обусловлено тем, что практическая реализация ее идей и установок привела к развалу экономики, глубокому кризису всех других сторон общественного организма, резкому ухудшению материального положения большинства населения.

Кроме того, следствием официального идеологического плюрализма стал разброд мыслей по фундаментальным вопросам общественного развития, «идеологическая анархия», которая способствовала углублению раскола общества и ослаблению основ государственности [1].

С приходом к власти В. Путина начались кардинальные изменения в политической сфере страны, в числе которых — проведение административной реформы по укреплению федерального центра и вертикали власти, начало нового витка в партийном строительстве и реформирование партийной системы в целом.

С целью упорядочения и структурирования партийной системы России были внесены изменения в законодательство о партиях. В 2001 г. был принят ФЗ «О политических партиях», в 2002 г. — ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», в 2006 г. в новой редакции были приняты ФЗ «Об общественных объединениях», ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы ФС РФ».

В результате указанных преобразований сегодня в Российской Федерации сложилась и функционирует многопартийная система с доминирующей партией. В Министерстве юстиции РФ официально зарегистрированы 64 политические партии, доминирующей из которых является «партия власти» — «Единая Россия» [14]. Представительство народных интересов в Госдуме РФ вот уже более 10 лет осуществляют только четыре партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

По мнению исследователей, на начальном этапе реформирования российской партийной системы кредо новой российской власти можно определить в основном как «прагматизм» [16, 86]. Кроме того, до принятия официальной идеологии партии в программных документах «Единой России» уже доминировал этатизм как один из ключевых сегментов идеологической доктрины консерватизма.

Предпосылками идеологии партии на тот период являлись положения программного документа «Путь национального успеха», так называемого Манифеста партии «Единая Россия», принятого на 2-м съезде 29 марта 2003 г., в котором вскользь заявлялось о приверженности «Единой России» консерватизму: «...мы, безусловно, консервативная партия, ибо считаем необходимым искать слагаемые будущего успеха России в ее успешном прошлом». Вновь актуальность получили такие базовые ценности, как «вера, нравственность, семья, собственность, государство, справедливость, закон, порядок, свобода, в соединении ее с ответственностью и защитой человеческого достоинства» [10].

В начале 2005 г. была предпринята очередная попытка в определении официальной идеологии «Единой России». В этот период ряд членов партии одновременно выступили с публичным изложением новых подходов к развитию экономики и общества России — так называемого «социально ориентированного» и «праволиберального», или «либерально-консервативного». Речь шла о создании внутри партии двух «крыльев» и «центра» («социального консерватизма»). Но данная инициатива не получила продолжения из-за критической реакции политического руководства страны. Как выразился по этому поводу Председатель Высшего совета партии Б. В. Грызлов, «нам, медведям, крылья не нужны» [12, 114].

Однако быть политической партией, тем более правящей, и не обнаружить свое идеологическое кредо — это полная дискредитация себя в глазах общественности. Пусть в качестве декоративного элемента, некоей эмблемы, маркера, но идеология должна была быть обозначена. Таким образом, вопрос о национальной идее и об идеологии в целом зазвучал с новой силой.

В итоге на XI съезде в Санкт-Петербурге партия «Единая Россия», давно симпатизировавшая консерватизму, заявила об этом с полной четкостью и определенностью. 21 ноября 2009 г. был принят программный документ партии, в котором было заявлено: «Идеология партии — российский консерватизм» [17, 210].

Таким образом, первоначальный процесс становления и развития деятельности партии «Единая Россия» в «нулевых» годах ознаменовался поисками нормативно-ценностных ориентаций, приведших к выбору идеологии консерватизма.

Термин «консерватизм» (от лат. *conservare* — сохранить) впервые был использован французским писателем Ф. Шатобрианом: так он называл свой журнал, издаваемый с 1818 г. [16, 86]. Первой работой, где были изложены теоретические позиции консерватизма, считается знаменитое эссе Эдмунда Берка «Размышления о революции во Франции» [6, 23].

В России в числе ведущих идеологов консерватизма XIX в. стоит отметить С. С. Уварова, А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева. Однако особенно востребованными оказались в современных условиях идеи консервативных мыслителей первой половины XX в., в особенности Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и И. А. Ильина [12, 114].

В настоящее время консерватизм понимается как политическая идеология, направленная на сохранение и поддержание исторически сформировавшихся форм государственной и общественной жизни, в первую очередь морально-правовых ее оснований, воплощенных в нации, религии, браке, семье, собственности и т. д. Ключевым в понимании консерватизма как политической идеологии является установка на защиту традиционных устоев общественной жизни [6, 23].

Применительно к российской действительности идеологи «Единой России» стали употреблять термин «российский консерватизм». Объясняется этот факт, во-первых, тем, что российская консервативная идеология оформилась, как известно, еще в досоветский период как автохтонная идеология российской цивилизации с собственным уникальным, неповторимым идейным обликом. Возникновение российской консервативной идеологии как рационализированной формы собственной традиции произошло в первой половине XIX в., исторически первой формой российской консервативной идеологии явилось славянофильство. А во-вторых, тем, что консерватизм является национальным и даже цивилизационным феноменом. Поскольку каждому устойчивому социуму (народу, нации, цивилизации) присуща собственная уникальная традиция, постольку следует утверждать, что консерватизм как идеология существует только в конкретной уникальной форме на основе собственной традиции в рамках конкретного цивилизационного пространства [7].

Действительно, в отличие от универсальных и интернациональных идеологий социализма или либерализма консерватизм всегда представляет собой сугубо

национальное явление, что с присущей ему прямоотой четко сформулировал еще К. Н. Леонтьев: «...охранение у всякой нации свое, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один...» [4, 171].

Таким образом, главные принципы и ценности российского консерватизма, сложившиеся и утвердившиеся в досоветский период, константны, они являются также принципами и ценностями современной российской консервативной идеологии. Каждая самостоятельная версия консервативной идеологии определяется своей собственной уникальной совокупностью принципов и ценностей [7].

По мнению авторов Концепции российского консерватизма, к таким ценностям россияне сегодня относят следующие:

- Россия как органическое единство народа, культуры, истории, государства, права, экономики и территории;
- патриотизм, понимаемый как стремление к благу России, утверждению ее неповторимой роли в мировом сообществе народов;
- личность в единстве ее нравственного достоинства, свободы, творческих проявлений, прав и ответственности;
- культура как средоточие идеалов российского народа;
- традиционные семейные ценности, основанные на единстве и преемственности поколений;
- безопасность и защищенность личности, собственности, государства;
- порядок как соблюдение законов и моральных норм;
- равенство граждан перед законом;
- ответственность власти перед обществом и общества за избираемую им власть;
- связь материального благосостояния и социальной ответственности;
- солидарность и взаимопомощь личностей, социальных слоев и национальных общностей [16, 88].

Официальная идеологическая платформа партии «Единая Россия» позиционируется ее руководством как центризм и консерватизм («приметами которого являются стабильность, традиции, развитие»), «государственническая» позиция, заявленный прагматизм, противопоставление себя более радикальным движениям. Для высших представителей государственной власти России консервативное мировоззрение привлекательно тем, что оно обосновывает сильную централизованную власть.

В феврале 2011 г. на заседании государственно-патриотического клуба «Единой России» обсуждался предложенный главой синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям церкви и общества В. Чаплиным список вечных ценностей, которые предлагалось принять в качестве некоего общественного договора, морального кодекса. Список включал восемь позиций: справедливость, свободу, солидарность, соборность, самоограничение, патриотизм, благо и достоинство, семейные традиции.

В мае 2011 г. на региональной конференции в Волгограде лидер «Единой России» В. В. Путин предложил идею создания «широкого народного фронта» в поддержку партии, вылившуюся затем в создание Общероссийского народного фронта. Одной из организаций, вошедших в состав этого объединения,

являющегося фактически сателлитом партии власти, стал Конгресс русских общин (КРО) Д. Рогозина, в программных документах которого значительное место отводится консервативным ценностям — установке на национальную самобытность русского народа и особую роль России в мировой цивилизации, идеалам православия, соборности, семейным ценностям [12, 116].

Идеологию «Единой России» иногда называют социально-консервативной. Партия в качестве стратегической задачи ставит сохранение традиционных позитивных ценностей, исторически сложившихся в России. Этот консерватизм своим острием направлен, в частности, против современных западников. В то же время консерватизм ее проявляется и в идее сохранения и развития капитализма на российской почве. Однако основной целью любых изменений в обществе, осуществляемых консерваторами, должно быть улучшение жизни народа, повышение его материального благосостояния, социальная защищенность, безопасность и определяемый всем этим его высокий нравственно-психологический настрой [16, 90].

Таким образом, партия «Единая Россия» официально опирается на российский консерватизм как на идеологию, который еще обозначают как «правый консерватизм». Вместе с тем отдельные консервативные установки и элементы в том или ином виде представлены в программных документах других парламентских партий. В связи с этим имеет смысл говорить о так называемом «левом консерватизме» (КПРФ, «Справедливая Россия») и «популистском консерватизме» (ЛДПР).

В идеологическом отношении *Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)* заняла центристские позиции на левом фланге. Суть ее партийной платформы можно свести к стремлению соединить экономические лозунги социал-демократии и государственного патернализма, идеи интернационализма с традициями державности и патриотизма. Существенным отличием КПРФ от западноевропейских «левых» организаций является ориентация на укрепление государства и его роли во всех сферах жизни общества [2].

Коммунистическая партия Российской Федерации сформировалась как самоорганизованная политическая сила, возникшая в 1993 г. после успешного для себя судебного процесса о «запрете коммунистической партии», инициированного новой российской властью, и впоследствии стала наиболее последовательной оппозиционной силой существующему режиму в российском парламенте [3, 1516]; КПРФ заявляет о себе как о единственной политической партии, которая имеет реальную поддержку снизу [2].

В Уставе партии от 14 февраля 1993 г. в качестве идеологического принципа закреплено, что «Коммунистическая партия Российской Федерации, основываясь на творческом развитии марксизма-ленинизма, имеет своей главной целью построение социализма — общества социальной справедливости на принципах коллективизма, свободы, равенства, выступает за подлинное народовластие в форме Советов, укрепление федеративного многонационального государства» [15].

Вместе с тем экономические и политические реформы в России в первой половине 1990-х гг., достаточно критическое отношение населения страны к опыту

советской эпохи, коммунистическим ценностям ориентировали руководство КПРФ на поиск новых смыслов, которые оно пыталось найти в консервативных (традиционных) ценностях.

Соотносимые с консервативной идеологией воззрения КПРФ отсылают к левому крылу русского консерватизма, делающему акцент не столько на православие, сколько на коллективизм, издревле присущий крестьянской общине и русскому народу в целом. Коллективизм также является органичным дополнением к этактистскому началу и имперскому тренду, которые выступают как его продолжение. При этом если для современных правых идеологов русского консерватизма характерна идеализация дореволюционной России, то для левых консерваторов объектом обожествления выступают Советский Союз, его социальная и экономическая политика.

В 2009 г. председатель КПРФ Г. А. Зюганов представил общественному мнению статью со знаковым названием «Русский социализм — ответ на русский вопрос», в которой отмечает, что «именно русский вопрос является сегодня той почвой, на которой происходит соединение социалистического идеала и традиционных народных ценностей, коммунистического движения и национально-освободительной борьбы... Главная задача нашей партии — спасение русского народа. А вместе с ним — спасение государства Российского, всех народов, которые встроены, как великолепный орнамент, в нашу великую государственность» [12, 117]. Также, по словам Г. Зюганова, в случае прихода к власти КПРФ будет активно поддерживать Русскую православную церковь «в ее трудах по укреплению национального единства, защите народных обычаев и святынь». Стоит также отметить, что в последние годы в ходе аппаратно-идеологической борьбы внутри КПРФ консервативные компоненты идеологии все больше вытесняют традиционные марксистско-ленинские представления [3, 1516].

В официальной программе партии предлагается также «защитить русскую культуру как основу духовного единства многонациональной России, национальные культуры всех народов страны... укрепить обороноспособность страны, законодательно закрепить недопустимость использования Вооруженных сил против народа... обеспечить территориальную целостность России и защиту соотечественников за рубежом». Важнейшим идеологическим пунктом программы КПРФ является практически неосуществимое, утопическое «добровольное восстановление Союзного государства» [12, 117].

Стремление к восстановлению позитивных сторон социалистической экономики, сохранению ряда советских традиций, в особенности обеспечению социального равенства, характерно и для партии «Справедливая Россия».

«Справедливая Россия» отождествляет себя с идеологией социал-демократии [3, 1517] и с момента своего образования позиционирует себя как партия «левой опоры» президента, выступающая оппозицией по отношению «к бедности», «к несправедливости» и т. п. Важнейшим направлением работы, обозначенным в программе партии, является сохранение лучших отечественных традиций: «Новый социализм активно использует государство для сохранения духовных традиций и ценностей народа, защиты национальной культуры и языка. Сильное

Российское государство — это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности» [12, 118].

«Справедливая Россия» появилась во многом искусственно. В общественном мнении широко распространено представление о том, что эта партия является политическим проектом политтехнологов администрации президента и образована «сверху» [2]. После встречи трех лидеров партий — «Партия жизни», «Родина», «Партия пенсионеров» — у президента РФ в 2006 г. было решено объединить силы в едином проекте. Образовавшаяся партия получила название «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь», в дальнейшем — «Справедливая Россия» [3, 1516].

Анализ идеологической составляющей программных документов «Справедливой России» свидетельствует о ее противоречивости и прагматичности одновременно. «Справедливая Россия», как искусственно сконструированная партия «левой опоры» для поддержки президента, появилась на свет с определенной идеологической окраской, в которой преобладали социалистические оттенки. В арсенале партии — лозунги «защиты человека труда», борьбы за социальную справедливость и другие, традиционно левые идеи. Очевидно, что «эсэры» претендуют на часть электората КПРФ и в целом — на голоса большинства населения, настроенного антиолигархически и антилиберально. Но при этом, обозначив в качестве оппонентов «Единую Россию» и либеральное крыло правительства, партия Миронова с момента создания заявила о тотальной поддержке Владимира Путина и проводимой им политики.

Программные документы «Справедливой России» (программное заявление, манифест и платформа партии) свидетельствуют о противоречивости идеологической направленности партии. В качестве ключевого момента избран тезис обеспечения социальной справедливости через активное участие в общественной жизни социально ответственного государства. Основные разделы, в частности программного заявления, посвящены исключительно вопросам социальной защиты населения. Среди них искоренение бедности, повышение пенсий, реформа ЖКХ, обеспечение доступности жилья, вопросы демографии и здравоохранения, науки и образования, экологии, молодежная политика. По всем этим пунктам предлагается усилить роль государства, его контролирующую и регулирующую функции. Очевидно, что эти пункты в значительной степени идентичны положениям программы КПРФ и призваны оттянуть часть сторонников коммунистов. Основные тезисы «Справедливой России» направлены на потребности левого электората, недовольного результатами радикальных социально-экономических преобразований 1990-х гг. и критически относящегося к курсу на стабилизацию сложившейся системы отношений в 2000-е гг.

От западных социал-демократических партий «Справедливая Россия» отличается тем, что, как и КПРФ, делает акцент на державно-патриотическую риторику в ущерб ценностям прав и свобод человека [2].

В программных и предвыборных документах «Справедливой России» концепт «русскости» употребляется преимущественно в отношении языка и культуры. В частности, согласно предвыборной программе С. Миронова, «особое внимание

будет уделено поддержке русской культуры как основы развития многонациональной культуры России», «защита русского языка — основа национального единства, интеграции этнических групп в единую гражданскую нацию» [13].

В программах и предвыборных заявлениях КПРФ, «Справедливой России» и их лидеров отстаиваются также принципы демократии и политической конкуренции. По мнению Г. Зюганова, идеологическое многообразие является необходимым атрибутом демократического общества. Более того, лидер «Справедливой России» выступил с предложением законодательно закрепить «положение о недопустимости партийно-политического монополизма» [Там же]. В целом же КПРФ и «Справедливая Россия», как и классические социал-демократические партии, выступают за постепенное отмирание классового противоборства. Центральным пунктом их общего расхождения с марксизмом стал тезис о сохранении ограниченной частной собственности на средства производства. Наряду с этим в доктринах российских «левых» отчетливо наблюдаются элементы этатизма, державничества, усиления роли элиты, армии и институтов национальной безопасности при постоянном акцентировании на внешней угрозе [3, 1518].

Каковы перспективы взаимоотношений КПРФ и «Справедливой России» в обозначенном контексте?

Представляются возможными несколько вариантов развития данных партий. Самый реалистичный связан с постепенным угасанием КПРФ, ее маргинализацией и выдавливанием с политического поля. Основанием для такого прогноза служит медленное, но неуклонное снижение рейтинга КПРФ на выборах в Государственную думу, а также на выборах в региональные законодательные собрания. Статус «второй партии власти», и соответственно больший, чем у коммунистов, доступ к информационным и административным ресурсам, дает основания для успешной реализации данной стратегии «Справедливой Россией» уже в среднесрочной перспективе.

Однако есть определенные факторы, которые могут изменить данное положение вещей. Необходимо учитывать, что сложившийся баланс взаимоотношений ведущих партий в 2000-е гг. в значительной степени связан с высокими рейтингами президента и премьер-министра и соответствующей политики.

В условиях продолжающегося финансового кризиса, в случае ослабления высокого рейтинга действующих президента и Председателя Правительства РФ, соответственно окажутся ослабленными и позиции обеих «партий власти».

В этом случае КПРФ, у которой главным основанием легитимации выступает идеологический фактор, может усилить свои позиции. Развитие данного сценария на определенный срок сохранит КПРФ в качестве одного из ведущих субъектов политики, претендующих на преодоление 7-процентного барьера на выборах в Государственную думу. Вместе с тем шансов занять главный политический институт в России — президентский пост — у кандидата от коммунистической партии будет по-прежнему немного вследствие естественного сокращения идейно ориентированной части электората коммунистов.

Поэтому перед КПРФ объективно встанет судьбоносный вопрос: какой стратегический путь развития страны предложить современному обществу? Ответом

на него является неизбежный переход КПРФ на позиции социал-демократии. Однако в этом случае сосуществование двух партий социал-демократической ориентации в одном электоральном сегменте объективно будет невозможным.

В связи с этим дальнейшее развитие событий будет проходить по одному из следующих двух сценариев. Если будет избрана борьба на выживание одной из партий, то результат ее спрогнозировать достаточно сложно. Если будет избран какой-либо компромиссный вариант объединения, то результатом его может стать создание единой социал-демократической партии российского образца с солидной организационной структурой и идеологической основой, максимально ориентированной на социокультурные особенности и потребности российского «левого» электората. Такая партия будет иметь шанс стать одним из ведущих российских субъектов политики. [2].

Согласно официальной программе *Либерально-демократическая партия России* взяла себе на вооружение пять основных идеалов — патриотизм, либерализм, демократию, справедливость, правопорядок, которые в совокупности составляют систему ее взглядов, ее идеологию [5, 6]. Однако фактически партия придерживается позиции, согласно которой главным выразителем интересов людей и общества является государство и все интересы граждан должны быть ему подчинены (этатистский тренд). Личная свобода также признается в той мере, в которой она не входит в противоречие с государственными и общественными интересами. Несмотря на название, ЛДПР в системе партийно-политических координат стоит рассматривать как популистскую, вождистскую партию («партию одного человека»), тем более что ее программа совершенно не соответствует принципам ни либерализма, ни либеральной демократии.

Националистические лозунги с консервативными ценностями в программных документах ЛДПР носят скорее декларативный характер и не соотносятся с реальной политической практикой [12, 119]. По мнению идеологов партии, патриотизм ЛДПР не имеет ничего общего ни с агрессивным шовинизмом, ни с оголтелым национализмом. Идеология ЛДПР предусматривает полное равноправие русских со всеми другими национальностями, проживающими в России.

ЛДПР сразу же определила в качестве важнейшего своего концептуального постулата идею патриотизма, центральной частью которого стала защита русского народа. Партия придерживается традиционного понимания патриотизма: патриотизм — это и защита национальных интересов России, защита интересов русского народа, а также интересов других наций России, не отделяющих свою судьбу от судьбы русского народа. Патриотизм ЛДПР выражен в формуле: «За русский народ, за Отечество!» [5, 7].

Вместе с тем некоторые тезисы в программных документах партии свидетельствуют о формальном присутствии консервативных постулатов. В частности, ЛДПР заявляет о готовности отстаивать интересы русского народа, отстаивать православную веру, защищать соотечественников за рубежом. По мнению ЛДПР, в развитии российского патриотизма, русской духовности большую роль сыграли православная вера и церковь. Как и для консервативных движений, для ЛДПР свойственно настроенное, если не враждебное, отношение к Западу и западничеству [12, 119].

В партийной идеологии ЛДПР в центре находится идея возрождения русской нации, уничтожение (вымирание) которой входит в стратегию Запада [5, 8]. Помимо предложения «придать русскому народу статус государствообразующей нации» в контексте имперского тренда в программе ЛДПР отмечается, что «России нужна идеология русского воссоединения. Русские — самый многочисленный разделенный народ» [12, 119]. В связи с этим одним из политических устремлений партии является воссоздание мирным путем Российского государства в границах бывшего СССР [5, 7].

Идеология ЛДПР включает в себя также идею возрождения и утверждения в обществе присущей русским людям, России высокой духовности, которая должна вобрать в себя национальные традиции и ценности, моральные и нравственные устои, духовные ценности (честь и достоинство, порядочность и справедливость и др.). Признаком высокой духовности общества, по мнению идеологов ЛДПР, также является развитие в нем культуры и искусства, образования и науки, эстетического и гуманистического воспитания людей; ЛДПР считает, что ни экономическое процветание России, ни создание в ней устойчивого правопорядка невозможны без патриотизма, духовно-нравственного возрождения российского народа [9].

Таким образом, каждая из четырех парламентских партий Российской Федерации в своей политической деятельности имеет свои ценностно-нормативные ориентации и идеологические принципы. Официальной идеологией партии «Единая Россия» является российский, или, как его еще называют, «правый консерватизм»; КПРФ, основываясь на творческом развитии марксизма-ленинизма, имеет своей главной целью построение социализма; партия «Справедливая Россия» отождествляет себя с идеологией социал-демократизма, позиционируя себя партией «левой опоры» президента; ЛДПР официально выступает за либерализм и демократию, категорически отрицая коммунистическую идеологию и марксизм в целом. Однако лейтмотивом идеологических ориентаций всех парламентских партий все же выступают консервативные ценности, в числе которых принцип уважения исторических традиций, необходимость сохранения сильной, в основе своей православной государственной власти, территориальной целостности и единства страны; иерархизм (идея неравенства, признания авторитетов); органицизм (представление о развитии общества как живого организма); защита нравственных устоев семьи; творческое отношение к труду; отстаивание самобытного, эволюционного пути развития [11, 200].

1. Волков И. Так лиса, притворившись мертвой, ловит воронов и воронят [Электронный ресурс]. URL: http://observer.materik.ru/observer/N9_2003/9_02.htm (дата обращения: 25.12.2018).

2. Головченко В. И. Идеологические основы КПРФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 25.12.2018).

3. Емкова Е. Ю. Идеи и программные установки КПРФ и «Справедливой России» в современных условиях // Вестн. Башк. ун-та. Философия, социология, культурология и политология. 2014. Т. 19, № 4. С. 1516–1519.

4. *Ермашов Д. В.* Российский консерватизм: потенциал идеи и теоретико-методологические проблемы исследования // PolitBook. 2013. № 1. С. 169–175.
5. Идеология ЛДПР / под общ. ред. В. В. Жириновского. М., 2010.
6. Идеологии политических партий : учеб. пособие / под ред. Ж. К. Букановой. Астана, 2016.
7. Консерватизм как политическая идеология в России [Электронный ресурс]. URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/konservatizm-kak-politicheskaya-ideologiya.html> (дата обращения: 25.12.2018).
8. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 04.01.2019).
9. Либерально-демократическая партия России [Электронный ресурс]. URL: <https://ldpr.ru/party/> (дата обращения: 19.01.2019).
10. Манифест «Путь национального успеха» от 29 марта 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/parliament/articles/19345.shtml> (дата обращения: 22.12.2018).
11. *Начаткин М. Н.* Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития // Научный диалог. 2016. № 7(55). С. 199–214.
12. *Нечаев Д. Н.* Консервативные ценности в программных документах политических партий РФ на парламентских выборах-2011 // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2013. № 1. С. 113–121.
13. Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/7634910> (дата обращения: 10.01.2019).
14. Список зарегистрированных политических партий от 29 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 10.01.2019).
15. Устав КПрФ от 14 февраля 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party/charter> (дата обращения: 25.12.2018).
16. *Хорина Г. П.* Идеология консерватизма и управление современной Россией // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 84–92.
17. *Шилов В. Н.* Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости. Сер. : История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. 13, № 1(72). С. 210–218.

Рукопись поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

УДК 323.1 + 342.724

А. С. Сейдуманова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На постсоветском пространстве продолжается процесс становления национальной (этнической) идентичности, ведется поиск наиболее оптимальных этнополитических моделей. Целью настоящей статьи является анализ накопленного новыми независимыми государствами положительного и негативного опыта нациестроительства. Общие принципы политики в отношении национальных, этнокультурных, языковых, религиозных меньшинств, обозначенные в основополагающих международных документах, закреплены в законодательствах всех республик бывшего СССР. Однако в своей реальной этнополитике политические элиты этих государств придерживаются различных подходов и моделей. В том числе таких, по меньшей мере спорных, как модели «этнической демократии», легитимирующие прямую и косвенную дискриминацию по языковому и этническому признаку. Казахская модель межнационального единства и согласия заслуженно расценивается мировым сообществом как одна из самых успешных и демократических форм этнополитики, отвечающих принципам и положениям международного и европейского права в сфере регулирования межэтнических отношений. Вместе с тем на современном этапе развития казахстанского общества встает задача перехода к новым моделям, методам, технологиям этнополитического менеджмента.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнополитика, Россия, Казахстан, постсоветские республики, этнокультурная и гражданская идентичность, национальное самоопределение, этнические меньшинства.

Введение

С особой интенсивностью процессы политической манифестации этничности разворачиваются на постсоветском пространстве в новообразованных суверенных государствах, решающих комплекс сложнейших задач нациестроительства. Если в советский период этническое самосознание артикулировалось преимущественно в поле этнокультурных коннотаций, то с обретением постсоветскими республиками государственного суверенитета оно стало активно перемещаться в политико-идеологическую сферу. Процессы политизации этничности и этнизации политики, формирование и расширение влияния идеологии этноцентризма становятся препятствием на пути решения стратегических задач нациестроительства, общегражданской консолидации.

Казахская модель межэтнического и межконфессионального согласия признана одной из наиболее успешных моделей этнополитики. Межэтнические противоречия, неизбежные в любом полиэтническом, мультикультурном обществе, в современном Казахстане не приобретают характера непримиримого конфликта, ожесточенного противостояния. Возникающие проблемы решаются в цивилизованной форме, на основе достижения взаимоприемлемых, компромиссных

решений. Вместе с тем этнополитические процессы — одна из наиболее сложных для управленческих воздействий сфер внутренней политики. На современном этапе развития казахстанского общества встает задача перехода к новым моделям, методам, технологиям этнополитического менеджмента. Важным условием решения этой задачи является разработка теоретических оснований и концептуально-методологического инструментария анализа состояния и тенденций развития этнополитических процессов на постсоветском пространстве.

Постсоветское пространство этнополитики в контексте международных норм и стандартов

Так называемое «третье поколение» прав человека связано с признанием коллективных и групповых прав, в том числе закрепленных в международных, региональных, национальных законодательствах прав наций, народов, этнических общностей, религиозных объединений, национальных и языковых меньшинств, коренных народов и т. д. В современном международном правотворчестве уделяется повышенное внимание коллективным правам этнических групп, созданию правовых механизмов защиты интересов этнических и иных групп меньшинств (конфессиональных, языковых и т. п.).

В обеспечение прав «коллективных субъективностей» [1, 57] многими странами проводится политика так называемой «позитивной дискриминации», предоставления разного рода льгот и преференций для определенных этнических групп. Издержки этой политико-правовой модели общеизвестны. В. Мартьянов отмечает: «Опыт бывших социалистических и нынешних “развитых стран” со всей очевидностью доказывает, что политика привилегий для меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и т. п.), принятия государством перед ними неких эксклюзивных обязательств (правовых и моральных) не решает тех исходных задач, ради которых эти шаги предпринимаются. Наоборот, подобная эксклюзивность лишь провоцирует напряжение и фрагментацию современных полиэтнических сообществ, препятствуя их интеграции в политические нации» [6, 109]. Политика «позитивной дискриминации» обосновывается концепцией национальных меньшинств как социально уязвимых групп или миноритарных групп населения, ограниченных в своих социальных функциях по сравнению с национальным большинством. В. А. Тишков считает, что одним из достоинств принятой в 1996 г. Концепции государственной национальной политики России является то, что в ней не используется понятие «меньшинства», что позволяет избежать ненужной социально-статусной градации населения по этническим признакам [10]¹.

Однако вся острота вопроса о праве этнических групп поддерживать свою культурную самобытность заключается в том, трансформируется ли культурное

¹ Справедливости ради следует заметить, что термин «национальные меньшинства» в Концепции все же используется. Этот термин применен в разд. V «Национально-культурное самоопределение (национально-культурная автономия) народов России», пункт «Обеспечение прав национальных меньшинств» внесен в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

многообразие этнических общностей в надэтническое, культурно-индифферентное политическое единство гражданской нации или же гражданская нация характеризуется культурной сложностью, является сама по себе мультикультурной? В официальных документах этот вопрос не только не решается, но на их основе даже не может быть сформулирован ввиду отсутствия в этих документах необходимого понятийно-терминологического аппарата для фиксации содержательных различий базовых категорий этнополитики.

Например, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года термин «народ» в одном и том же предложении используется в двух разных смыслах: здесь говорится о потенциале «...многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей)» [12]. Схожая ситуация сложилась и в Казахстане. В Законе Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» в одном предложении используются термины «народ Казахстана» и «казахский народ»: целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия на основе «...гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа» [8, 122]. В Доктрине национального единства Казахстана использовано понятие государственности *казахского народа* и вместе с тем понятие общей истории, единства и т. д. *народа Казахстана*, а в ее Преамбуле используется вообще странное словосочетание: «...предлагается обществу и нации Доктрина...» [4, 139]. На каком основании и в каком смысле производится различение *общества и нации*, да и проводится ли оно вообще, или же цитированный оборот речи является всего лишь риторической фигурой речи, остается непонятным.

Двойственность употребления терминов «нация» и «народ» в официальных документах отражает исторически сформировавшуюся полисемантику этих терминов в русском языке. Однако в концептуальном плане такая двойственность смысла должна быть либо легитимирована, либо преодолена. Первый путь предлагает В. А. Тишков, в последнее время активно продвигающий идею о России как *нации наций*. Согласно такой понятийной конструкции российская гражданская нация состоит из русской, татарской, лезгинской, чеченской и прочих наций. Однако на самом деле такое словоупотребление ведет к новой, причем опасной, неразберихе. Согласно общепринятой в современной литературе трактовке понятия «нация» ее атрибутом является политическое самоопределение в форме собственной государственности — реально существующей или существующей как стремление нации к политической автономии. Стремление нации к политическому самоопределению неминуемо оборачивается распадом нации на отдельные государства.

В. А. Тишков в защиту понятия «нация наций» приводит пример каталонцев, которые считают себя самостоятельной нацией и имеют в своем языке соответствующее понятие, но вместе с тем считают себя членами испанской нации [13, 483]. И этот пример доказывает как раз обратное тому, о чем говорит В. А. Тишков. Каталонская нация предпринимает все более решительные шаги к отделению себя от испанской нации в политико-правовом отношении. С другой стороны,

В. А. Тишков в обоснование своего понятия «нация наций» говорит о том, что Россия как гражданская нация сохраняет в своем составе нации как этнические общности, обладающие территориальной и экстерриториальной автономией. Тем самым, по его логике, в формуле «нация наций» следует ставить знак равенства между нацией и этносом. Хотя в этом же самом выступлении В. А. Тишков заявил, что с теми, кто понимает нацию как высший тип этнической общности, он находится по разные стороны баррикад.

Еще в 2007 г. казахстанскими экспертами поднимался вопрос о необходимости разработки общепринятой терминологии в сфере межэтнических отношений [5]. В последнее время предпринимаются попытки унификации политологических терминов, применяемых в этнополитическом дискурсе. В частности, издан Терминологический справочник [14], разъясняющий основные понятия и термины, используемые в Послании Президента страны Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия “Казахстан-2050”. Новый политический курс состоявшегося государства». Однако проделанная работа — лишь один из первых опытов, далекий от всеобъемлющего решения проблемы.

Особенности реализации права наций на самоопределение и защиты прав меньшинств

Положения международных актов в сфере этнополитики не складываются в единую непротиворечивую концепцию, но представляют собой скорее ряд общих принципов, рекомендаций и ситуационных мер, применяемых в двух основных областях права — права народов (наций) на самоопределение (п. 2 ст. 1 Устава ООН) и защиты прав меньшинств (национальных, этнокультурных, языковых, религиозных).

Понятием самоопределения описывается широкий спектр целей, преследуемых субъектами этнополитических процессов — от создания национально-территориальной автономии или экстерриториальной национально-культурной автономии до образования этнической общностью собственного государства. Проблемы предоставления той или иной формы политической и административной национально-территориальной автономии этническим группам находят в общем и целом цивилизованное решение в современных демократических государствах. Еще меньше вопросов встает в связи с созданием национально-культурных автономий как общественных объединений. Напротив, право народов на самоопределение как право на сецессию (отделение) и свободное установление своего политического статуса вступает в прямое противоречие с принципом территориальной целостности и национального суверенитета государства. Как отмечает Юрий Бойко, после распада СССР практически все автономные республики РСФСР приняли участие в объявленном Б. Н. Ельциным «параде суверенитетов», фактически легитимировавшем этнический сепаратизм [2, 8]. Так, например, Татарстан принял Конституцию Республики Татарстан, определяющую ее как «суверенное государство, субъект международного права». В марте 1992 г. в Татарстане был проведен референдум, на котором большинство граждан

республики (61 % голосовавших) высказались за государственную независимость. Объявление государственной независимости Чечней обернулось войной с огромными человеческими жертвами.

Соотношение принципа права нации на самоопределение и принципа территориальной целостности государства является одной из наиболее спорных, дискуссионных тем международного публичного права. Общего принципа разрешения данного противоречия не существует, и приоритетность положения о праве народа на самоопределение вплоть до отделения либо принципа территориальной целостности суверенного государства определяется всякий раз *ad hoc*, исходя из политической конъюнктуры. Политизированность истолкования и применения правовых норм ярко проявляется в случае, например, оценки легитимности самопровозглашенной независимости Косово.

Что касается защиты прав этнических меньшинств, то это требование является основополагающей нормой этнополитики, которой должны следовать все демократические, правовые государства. При этом формы защиты прав меньшинств могут быть самыми разными, в том числе и на основе отрицания самого факта существования меньшинств, как это происходит, например, во Франции.

Федеративная структура России и унитарное устройство Казахстана и других постсоветских республик определяют значительные различия в стратегиях нациестроительства и институциональных формах протекания этнополитических процессов. Вместе с тем общие принципы политики в отношении меньшинств, обозначенные в основополагающих международных документах, закреплены в законодательствах всех республик бывшего СССР.

Оценивая социолингвистические аспекты формирования этнополитики и моделей нациестроительства на постсоветском пространстве, следует сказать, что общей тенденцией языковой политики в этих странах (кроме Беларуси и, разумеется, России) является вытеснение русского языка из общественно-политической и научно-образовательной сферы, а также из сферы межэтнических коммуникаций. Этой тенденции соответствует динамика этнодемографических и миграционных процессов, ведущая к увеличению численности и доли титульного населения в постсоветских республиках.

Например, в Киргизии в 2013 г. утверждена Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Киргизской Республике. В этом же году вступили в силу поправки к законам о языках, существенно сужающие поле использования русского языка, особенно в сфере политики и управления. Целью государственной языковой политики объявлено превращение государственного языка в ключевой фактор, объединяющий всех граждан, независимо от их этнической принадлежности. Законодателями предпринимаются меры по ускоренному переводу на государственный язык делопроизводства, среднего специального и высшего профессионального образования.

Как известно, именно попытка отмены Верховной радой закона «Об основах государственной языковой политики», уравнивающего в правах русский и украинский языки в половине регионов страны, стала триггером взрывного развития протестных настроений и коллективных политических действий населения

русскоязычных регионов юго-востока Украины. Законом «О декоммунизации» и рядом других политизированных законодательных актов фактически узаконена дискриминационная, националистическая политика «украинизации» как насильственного вытеснения русского языка и русской культуры из сферы политической, общественной, культурной жизни страны.

Сложная, непрозрачная этнополитическая ситуация сложилась в Грузии. По мнению Игоря Мурадяна, высказанному в его аналитическом обзоре, составленном весной 2014 г., этнорегиональная политика властей Грузии является «строго засекреченным процессом», истинные планы и намерения которого совершенно не отражаются в публичной сфере. Сам И. Мурадян считает, что этнорегиональная политика Грузии является дискриминационной и сводится к «...максимальному вытеснению из страны всех этнических групп; искусственному изменению этнической структуры населения; свертыванию и примитивизации этнических культурно-образовательных учреждений; нивелированию использования языков этнических групп; явной дискриминации прав этнических групп в кадровых вопросах; ограничению прав органов местного самоуправления» [7]. В публикации Георгия Векуа (осень 2015 г.) утверждается, что после прихода к власти партии «Грузинская мечта» ксенофобские настроения только усилились, а сама партия активно использует националистические лозунги [3].

Этническая принадлежность и гражданство

В международном праве субъектом самоуправления и государственного суверенитета считается народ не как этнокультурная, а как политическая общность, как сообщество граждан. Между тем в некоторых постсоветских странах права и политические свободы зависят от этнической принадлежности. Например, в Латвии и Эстонии значительная часть населения имеет статус неграждан (в Эстонии — примерно каждый седьмой из числа постоянных жителей [16, 634]), частично лишена избирательных и ряда других прав (в Эстонии неграждане допускаются к голосованию на муниципальных выборах). Существует прямая (в том числе закрепленная законодательно) и косвенная дискриминация по языковому и этническому признаку. В Латвии государственные учреждения должны предоставлять информацию обществу только на государственном языке. Как показали результаты социологических исследований, в Эстонии «при всех прочих равных условиях у неэстонца, хорошо знающего эстонский язык и обладающего эстонским гражданством, в два раза меньше шансов стать руководителем/ведущим специалистом, чем у эстонца» [Там же, 636]. К сожалению, сложившаяся ситуация прямого нарушения Европейской конвенции о правах человека, многочисленных конвенций и рекомендаций по защите прав национальных меньшинств меньше всего беспокоит разного рода международные и европейские правозащитные организации.

В дебатах по проблемам национализма в последнее время активно используется интерпретация эндемичного для Восточной Европы национализма как этнического и агрессивного в отличие от гражданского и демократического национализма Западной Европы. Харм Рудольф Керн констатирует: «Нормативный

морализм и географический детерминизм в изучении национализма свершили свое неудачное возвращение после краха коммунизма в Восточной Европе» [17]. Поскольку западноевропейский «маршрут формирования нации» (Э. Смит) объявляется каноническим, то отступление от него квалифицируется как крах всего проекта нациестроительства. В этом отношении показательно название книги Марты Брилл Олкотт — одного из ведущих английских экспертов по Центрально-Азиатскому региону и особенно по Казахстану: «Казахстан: непройденный путь». В этнополитическом контексте это название символизирует то, что, по мнению М. Олкотт, ни народу, ни правительству Казахстана «не удалось подняться над понятием этнической принадлежности» [9, 79]. Этому утверждению можно противопоставить результаты социологических опросов. В одном из них на вопрос: «Кем вы себя считаете в большей степени — представителем своей национальности или казахстанцем?» — ответ «Казахстанцем» дали 61,9 % респондентов против 36,1 %, выбравших ответ «Представителем своей национальности». В том же исследовании на вопрос: «Сформированы ли в Казахстане ценности, имеющие общее значение для всех граждан, независимо от этнической, возрастной, религиозной и другой принадлежности?» — положительный ответ дали 69,6 % респондентов, и только 14,4 % ответили отрицательно [11, 141, 163].

Основанные на двойных стандартах уничижительные рассуждения о примитивности и агрессивности восточного национализма содержатся в работах М. Игнатьева, П. Алтера, Дж. Шопфлина. Но, даже абстрагируясь от их идеологической ангажированности и политизированности, аналитическая ценность такого рода компаративистики, при которой огромное разнообразие национальных культур редуцируется к классификации целых народов, государств или регионов мира как гражданских или этнических наций, весьма сомнительна. На практике постсоветская этнополитика строится на том или ином сочетании этатистских (гражданско-политических) и этнических (этнонациональных) принципов, демонстрируя широкий диапазон моделей национально-государственного строительства.

Заключение

По итогам проведенного анализа особенностей постсоветского пространства этнополитики можно сделать следующие выводы:

1. Анализ постсоветского пространства этнополитики по критерию степени его соответствия международно признанным этико-правовым нормам и стандартам государственной национальной политики может проводиться по ряду позиций. Основные из них локализованы в двух основных областях права — права народов (наций) на самоопределение и защиты прав меньшинств (национальных, этнокультурных, языковых, религиозных). В Казахстане за годы независимости создана необходимая правовая база для проведения ответственной этнополитики в интересах всех этнических групп, составляющих население страны.

2. В Российской Федерации реализуется многоярусная система территориальных и экстерриториальных форм самоопределения на фоне соперничества двух

идеологий — гражданской идеологии централизованного государства и идеологии местных национализмов. В Казахстане вопрос о национально-культурных автономиях не является актуальным в обозримой перспективе.

3. Требование защиты прав этнических меньшинств является основополагающей нормой этнополитики, которой должны следовать все демократические, правовые государства. Федеративная структура России и унитарное устройство Казахстана определяют значительные различия в институциональных формах политики в отношении меньшинств. Вместе с тем ее общие принципы, обозначенные в основополагающих международных документах, закреплены в законодательствах обеих республик.

4. Общей тенденцией языковой политики в постсоветских странах (кроме Беларуси и, разумеется, России) является интенсивное развитие и расширение сфер использования государственного языка при одновременном вытеснении русского языка из общественно-политической и научно-образовательной сферы, а также из сферы межэтнических коммуникаций. Этой тенденции соответствует динамика этнодемографических и миграционных процессов. В Казахстане русский язык имеет статус официального языка, используемого наравне с государственным, и сохранение за русским языком этого статуса является одним из принципов государственной языковой политики.

5. В международном праве субъектом государственного суверенитета считается народ не как этнокультурная, а как политическая общность, как сообщество граждан. Между тем в некоторых постсоветских странах права и политические свободы зависят от этнической принадлежности. Существует прямая (в том числе закрепленная законодательно) и косвенная дискриминация по языковому и этническому признаку. Напротив, в Казахстане любые проявления дискриминации по расовому, этническому, языковому, религиозному и другим признакам жестко преследуются по закону.

6. Принципы и положения международного и европейского права в сфере регулирования межэтнических отношений последовательно и эффективно реализуются в государственной этнополитике Республики Казахстан. Вместе с тем чрезвычайная сложность и разнообразие проявлений этнополитических процессов, возникновение новых угроз и вызовов достигнутому в Казахстане уровню межнационального согласия требуют постоянного совершенствования этнополитического менеджмента.

1. *Андерсон Б.* Национализм, идентичность и логика серийности // *Логос*. 2006. № 2(53). С. 57–72.

2. *Бойко Ю.* Правовое обеспечение нацио-государственного строительства России // *Обозреватель-Observer*. 2008. № 6. С. 6–15.

3. *Векуа Г.* Этнополитика Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnoglobus.az/index.php/vse-novosti/item/1254> (дата обращения: 10.12.2018).

4. Доктрина национального единства Казахстана // Государственная этнополитика Казахстана: новые тренды : метод. пособие / под общ. ред. Е. Л. Тугжанова. Прил. 4. Астана, 2011. С. 139–145.

5. *Коришунов В., Чеботарев А.* Особенности национальной политики в Казахстане / Центр актуальных исследований «Альтернатива». 2007. № 22 (684), 8–14 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/88490-osobennosti-nacionalnoj-politiki-v.html> (дата обращения: 10.12.2018).
6. *Мартыянов В.* Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2(53). С. 94–109.
7. *Мурадян И.* Этнополитика Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://iratvakan.com/news/82641.html> (дата обращения: 10.12.2018).
8. Об Ассамблее народа Казахстана. Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года // Государственная этнополитика Казахстана: новые тренды. Прил. 2. С. 122–131.
9. *Олкотт М. Б.* Казахстан: непройденный путь / Московский Центр Карнеги. М., 2003.
10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. URL: <http://рос-мир.рф/node/1136> (дата обращения: 10.12.2018).
11. *Тишков В. А.* Выступление на дискуссии // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международ. Лихачев. науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб., 2016. С. 483–484.
12. *Тишков В. А.* Плач по концепции // Тишков В. А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 61–66.
13. Терминологический справочник Казахстан-2050. Астана, 2014.
14. *Шаукенова З. К., Бурова Е. Е., Назарбетова А. К.* Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстана в гражданскую общность: моногр. Алматы, 2014.
15. Эстония // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. М., 2014. С. 634–643.
16. *Kern Harm R.* Civic and Ethnic Nationalism. A critical reassessment of theories and typologies [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/8767637/Kern_2014_Civic_and_Ethnic_Nationalism (accessed: 10.12.2018).

Рукопись поступила в редакцию 13 декабря 2018 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 323 + 327.7 + 346.548

Н. С. Иванников

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЯХ В РАМКАХ ЛИКВИДАЦИИ ПРЕПЯТСТВИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Решение проблемы голода — одна из главных задач человечества на современном этапе. Однако существует множество локальных и некоторые глобальные проблемы, которые препятствуют ее решению. Так как обеспечение продовольственной безопасности является задачей государственного уровня, поиск методов ликвидации препятствий на пути к ее решению осуществляется на институциональном уровне. В представленной статье выделены некоторые глобальные препятствия, а также проведен анализ деятельности отдельных стран и таких организаций, как ООН. Это позволяет оценить, насколько продуктивны с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности их решения. Как показывает исследование, некоторые действия контрпродуктивны для решения проблемы голода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ООН, продовольствие, продовольственная безопасность, биотопливо, рацион питания, опустынивание.

В ходе индустриализации основной вклад науки и техники в развитие социально-экономических процессов определялся сферой производства, а сельское хозяйство отошло на задний план. Однако сейчас становится очевидным, что основной вклад необходим в сферу производства продовольствия, так как именно ее эффективное функционирование является одним из ключевых факторов для обеспечения выживаемости человечества. В действительности проблема обеспечения продовольственной безопасности является многоаспектной, так как ее решение:

- выходит за рамки простого регулирования сельского хозяйства;
- связано с другими глобальными проблемами (экология, демография и др.);
- зависит от мировой политики и глобальной экономики.

Представляется важным охарактеризовать наиболее важные причины нерешенности продовольственной проблемы до сих пор, а также рассмотреть действия некоторых акторов международных отношений и оценить их относительно решения продовольственной проблемы.

Первые проблемы появились вследствие реализации возникшей в XX в. концепции «зеленой революции», согласно которой необходимо за счет комплекса мероприятий по химизации и селекции качественно и количественно увеличить урожайность сельскохозяйственных культур, особенно зерновых (преимущественно в развивающихся странах). Общую концепцию «зеленой революции» и сам термин разработал мексиканский генетик и селекционер Норман Борлауг [4]. Как отмечают специалисты Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), до сих пор мир производит продовольственные товары, основываясь на принципах «зеленой революции». Вместе с тем имеются негативные последствия реализации этой программы. Фермерская модель, соответствующая концепции «зеленой революции», очень затратна. Результатом реализации такого подхода становится негативное влияние агропромышленного комплекса на окружающую среду.

Вывод, который делают эксперты ФАО, сводится к предложению выстраивать прогрессивные продовольственные системы, которые предполагают производство здоровых и питательных продуктов без отрицательного воздействия на окружающую среду. Речь здесь идет как об изменении подходов к питанию или способов производства, так и о реформе институтов, которые поддерживают функционирование существующих продовольственных систем [21].

Другой важной проблемой на сегодняшний день являются стремление многих государств уйти от использования нефти и газа и их переход к использованию биологического топлива, так как традиционные источники энергии лимитированы и наносят серьезный ущерб окружающей среде. Характеризуя данный феномен, в первую очередь следует дать определение термину «биологическое топливо»: это топливо из биологического сырья, получаемое в качестве результата переработки кукурузы, сахарного тростника, сои, семян рапса [14].

Также сейчас существуют проекты разной степени завершенности, направленные на получение биотоплива из целлюлозы и различного типа органических отходов, но такие технологии находятся на ранней стадии разработки [7]. Экономические преимущества использования биотоплива очевидны: любое государство, независимо от своего уровня развития и обладания природными ресурсами, сможет производить топливо на своей территории из сельскохозяйственных культур. Также важно, что растения и отходы являются возобновляемым материалом, в отличие от нефти и газа. Однако очевидно, что для государств–экспортеров нефти и газа потребление биотоплива невыгодно. Кроме того, его использование может оказать негативное воздействие на их экономику, особенно в период продовольственного и экономического кризиса.

В 2007 г. было основано Агентство по возобновляемому топливу, в дальнейшем переименованное в Международное агентство по возобновляемой энергетике [30]. На сегодняшний день в организацию входят 170 государств, ее

штаб-квартира располагается в Абу-Даби (ОАЭ). Основной целью организации являются выработка единой базы данных о возобновляемых источниках энергии, сбор информации об их состоянии; также государства-участники подчеркнули необходимость кооперации в развитии технологий, позволяющих вырабатывать биотопливо с наименьшими затратами на производство [22].

Европейский союз нацелен на увеличение использования биотоплива к 2020 г., когда оно будет обеспечивать 10 % энергопотребления Европы. Подобные стремления связаны с дефицитом нефтегазовых ресурсов на Европейском континенте. Тем не менее программа, разработанная Евросоюзом, является рекомендательной. Активность в данном направлении проявляют такие страны, как Швеция, Германия, Франция и Испания. Например, Франция с 2000 г. полностью освободила от налогов предприятия, занимающиеся производством биотоплива, и на 80 % снизила налог для предприятий, производящих биоэтанол. Германия производит биотопливо на коммерческой основе и, в отличие от Франции, не устанавливает ограничения на его производство [30]. Подобной политики придерживаются и такие страны, как Италия, Испания, Финляндия, Дания, Голландия, Великобритания, Греция, Ирландия [Там же].

Китай активно строит заводы по производству возобновляемого топлива. Латинская Америка также заинтересована в биотопливе, но рассматривает его как будущую статью экспорта. В Индии в отдельных регионах начали переходить на использование биодизеля. В Аргентине законодательством установлено, что содержание биоэтанола в бензине должно соответствовать не менее 5 % [23]. На сегодняшний день США занимают лидирующую позицию по производству биотоплива, опережая ближайшего преследователя в два раза [17].

Особую позицию по данному вопросу занимает Россия. На сегодняшний день в нашей стране наблюдается активное развитие биоэнергетики. Это в первую очередь связано с экономическими причинами, ведь использование биотоплива гораздо дешевле, а, учитывая территориальные ресурсы государства, перспективы развития данной отрасли широки. Но Россия все еще сильно отстает от лидеров отрасли [18].

Эксперты ООН говорят о том, что производство биотоплива пагубно влияет на экологию, так как в рамках развития отрасли наносится вред сельскому хозяйству: вырубаются леса, а пастбища выделяются под посадку культур для производства биоэтанола, что может привести к росту цен на землю и сельскохозяйственную продукцию. Рассматривая эту проблему, следует выделить следующие моменты:

- опасность использования пахотных земель для производства биотоплива;
- увеличение вырубки лесов;
- в перспективе ухудшение экологической ситуации;
- рост стоимости земли [12].

Согласно исследованию, проведенному американскими учеными, из-за использования пахотных земель под биотопливо к 2025 г. число людей, страдающих от голода, может увеличиться до 1,2 млрд человек [24].

Таким образом, очевидно, что процесс производства биотоплива связан с социально-политическими и экономическими причинами. Влияние на окружающую

среду с точки зрения использования ее ресурсов для сельского хозяйства и обеспечение энергетической безопасности не так важны, как получение финансовой выгоды.

Другая глобальная проблема, препятствующая обеспечению продовольственной безопасности, — изменение рациона питания людей. Оно связано с рядом факторов, которые можно разделить на три группы: социально-экономические, культурно-этнические и геополитические. Рацион современного человека определяют доступность товаров и способность населения их приобретать и производить, особенности национальной кухни и традиции. Тем не менее с началом эпохи глобализации на мировых рынках стали появляться новые продукты, получила распространение система фаст-фуда, в моду вошли блюда японской и китайской кухни.

Практика показывает, что пристрастие к подобной пище может привести к серьезным проблемам со здоровьем [20]. Распространение ресторанов, предлагающих потребителю продукты фаст-фуда, привело и к ухудшению состояния здоровья людей во всем мире. В середине 2000-х в Великобритании предлагали обложить налогом выпечку и ввести законодательную ответственность для родителей за неправильное питание детей. Тогда это сочли «чрезмерным вмешательством государства в жизнь граждан» [8]. В результате был выдвинут ряд предложений по увеличению налога на продукты быстрого питания.

В Японии также наблюдается изменение рациона питания: после Второй мировой войны основными продуктами потребления были рис, овощи, рыба, но сегодня главными продуктами являются мясо, молоко и импортируемые товары. «За пять последних десятилетий потребление мяса увеличилось в девять раз, жиров — в пять раз. При этом потребление риса, который всегда играл главную роль в самообеспечении продовольствием, сократилось вдвое: с 126 до 67 килограммов на человека в год» [11].

В связи со сложившейся ситуацией ООН поспешила принять соответствующие меры по регулированию рациона питания и физической активности населения. В 2004 г. была принята резолюция «Глобальная стратегия ВОЗ в области рациона питания, физической активности и здоровья», где отмечалось, что негативные последствия некачественного дешевого питания оказывают сильное влияние и на развивающиеся страны: «Основное бремя заболеваемости, инвалидности и смертности от неинфекционных болезней в настоящее время приходится на развивающиеся страны, где страдающие от них в среднем моложе, чем в развитых странах, и где регистрируется 66 % смертельных исходов. Быстрые изменения в рационе питания и степени физической активности еще более способствуют повышению показателей» [3].

С экономической точки зрения заболевания, возникающие вследствие отсутствия качественных продуктов, требуют от государства дополнительных затрат. В документе выделяются четыре основные задачи в области решения продовольственной проблемы:

— осуществление профилактических процедур в целях предупреждения заболеваний, выработка мер по повышению физической активности населения;

- повышение информированности населения о важности рационального и сбалансированного питания, здорового образа жизни и физических нагрузок;
- привлечение к разработке соответствующих программ СМИ, общественности и частного сектора с возможным их поощрением, проведение мероприятий, посвященных здоровому питанию и физической активности;
- поддержка специализированных институтов и научных сообществ, изучающих проблемы изменения рациона питания и физической активности [3].

Тем не менее, несмотря на достаточно подробно разработанную стратегию в области рациона питания, физической активности и здоровья, тенденции в современном мире остаются достаточно пугающими. Несмотря на стремление ООН, ФАО и ВОЗ регулировать рацион питания людей на планете, на практике ситуация продолжает ухудшаться.

Еще одной важной проблемой, которая влияет на продовольственную ситуацию в мире, является опустынивание. Основной причиной его возникновения является деятельность человека, а именно выпас скота, подсечно-огневое земледелие, чрезмерная эксплуатация пахотных земель, которая может привести к их деградации. «Опустыниванию подвержено около 3,6 млрд га (территория в три раза больше Европы, или почти четверть площади земного шара) засушливых земель нашей планеты. Такие районы есть более чем в 110 странах мира, на всех континентах (за исключением Антарктиды). В России засушливые земли занимают в целом свыше 600 тыс. км² и тянутся поясом от волжских степей до степных пространств Забайкалья. Даже в Якутии есть участки таких земель» [16].

Впервые мировое сообщество обратило внимание на проблему в 70-е гг. XX в., когда перманентные засухи в Африке привели к гибели более 250 тыс. человек. В 80-х гг. в районе Сахары погибло уже около 3 млн человек [28]. Осознавая опасность данной проблемы, ООН разработала ряд программ по борьбе с опустыниванием [6]. Данная проблема является комплексной и ведет к таким губительным последствиям, как голод, нищета, угроза продовольственной безопасности, появление социальной, политической и экономической напряженности.

Отмечая роль Конвенции по борьбе с опустыниванием, следует отметить, что в первую очередь документ был нацелен на регулирование кризисных ситуаций в регионах, находящихся в критическом положении, в частности в Африке [Там же]. В этой связи было решено организовать специальные комитеты, способствующие решению проблемы посредством наблюдения и предупреждения кризисных ситуаций, оказывающие гуманитарную помощь и ведущие работу с населением. Страны-члены ООН обязались выработать национальные программы по борьбе с опустыниванием, при этом «привлекать затрагиваемое население, включая местные общины» [9].

Примечательно, что, по данным Всемирного банка, каждый второй человек на планете живет за чертой бедности и страдает от проблем, связанных с нехваткой продовольствия и чистой воды. Основной процент бедствующего населения проживает именно в тех районах, которые страдают от засухи и опустынивания [1]. Согласно исследованиям ФАО к 2050 г. более 50 % сельскохозяйственных земель станут непригодными для выращивания продуктов продовольствия [2].

Подобная ситуация представляет большую угрозу как для Африканского континента, так и для Европы и Северной Африки, куда могут направиться потенциальные мигранты.

Значительную финансовую помощь по вопросам сельского хозяйства в проблемных районах оказывает также такая специальная программа ООН, как Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР). Совместно со Всемирным банком они предоставляют гранты и займы 25 африканским странам и помогают им развивать собственные схемы и технологии по борьбе с опустыниванием [10].

Данная проблема является крайне серьезной, ведь увеличение масштабов опустынивания может привести к серьезному продовольственному кризису. В настоящее время эта проблема решается очень низкими темпами.

Еще одним аспектом современной продовольственной проблемы является демографический рост населения. Особую тревогу вызывают страны Африки и Азии. В первую очередь речь идет о Китае и Индии, где на сегодняшний день уже проживает половина населения Земли. Бесспорно, в этих странах ведется серьезная работа по регулированию демографической ситуации, связанной с продовольственной проблемой. К сожалению, стремясь обеспечить население должным количеством продуктов, власти КНР не всегда способны проследить за его качеством, что имеет серьезные последствия для здоровья населения. В последние годы власти страны все больше внимания обращают на изготовление качественных продуктов питания, однако «пятая часть выпускаемого в Китае продовольствия — почти 20 % — не отвечает стандартам качества. Проверку проводили сами китайцы. Обнаружилось, что многие продукты заражены токсинами или бактериями, а иногда на этикетке нет требуемой информации» [5]. Примечательно, что власти Китая, планируют рассчитывать только на свои собственные силы. На фоне продовольственного и экономического кризиса государство разработало меры по стимулированию сельскохозяйственного сектора и сохранению ресурсов пахотных земель [15, 58].

Рассматривая вопросы регулирования рождаемости в КНР (которые напрямую связаны с возможностью обеспечения продовольственной безопасности), следует отметить, что политика контроля проводилась еще с 50-х гг. XX в.: государство поощряло поздние браки и наличие одного ребенка в семье. Таким образом удалось снизить прирост населения, годовые темпы роста населения упали с 2,2 % в 1965–1980 гг. до 1,4 % в 1981–1990 гг. и 0,6 % в 2017 г. [28].

Согласно прогнозам Индия обгонит по численности населения Китай в ближайшие 15 лет [13]. Правительством Индии принимается ряд программ по регулированию рождаемости. Например, государство предприняло попытку добровольной стерилизации населения за вознаграждение [26], также есть данные о принудительной стерилизации [25]. Считается, что, несмотря на репрессивные методы, Индии не удастся добиться значительных успехов в регулировании рождаемости [19, 129].

Очевидно, что проблема обеспечения продовольственной безопасности является сложной для решения ввиду ее многоаспектности. Дополнительную

же сложность решению придают вышеизложенные факторы. Можно заключить, что, к сожалению, на текущем этапе ликвидация изложенных выше препятствий представляется затруднительной. Это обусловлено как тем, что некоторые принятые меры для решения определенных проблем недостаточно эффективны, так и тем, что в некоторых случаях и вовсе принимаются меры, которые ухудшают обеспечение продовольственной безопасности. Безусловно, это вводит новые измерения в проблему голода, лишний раз подтверждая ее комплексность.

1. Всемирный банк сообщил, что каждый второй человек в мире живет за чертой бедности // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/633682> (дата обращения: 27.02.2019).

2. Будущее продовольствия и сельского хозяйства: Альтернативные пути к 2050 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/3/CA1553RU/ca1553ru.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).

3. Глобальная стратегия ВОЗ в области рациона питания, физической активности и здоровья [Электронный ресурс]. URL: https://www.gnicpm.ru/UserFiles/Global_strategy_voz_diet.pdf (дата обращения: 27.02.2019).

4. Зеленая революция [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/2322> (дата обращения: 27.02.2019).

5. Качество продовольствия — это глобальная проблема // Общенациональная ассоциация генетической безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://www.oagb.ru/info.php?txt_id=17&nid=5722&actb=txt_arch&txt_year=2007&txt_mon=08 (дата обращения: 27.02.2019).

6. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901893003> (дата обращения: 27.02.2019).

7. *Лунашко-Стальский И. П.* Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения. М., 2006. С. 76.

8. Налог на вредную пищу // Вокруг света [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/news/1512/> (дата обращения: 27.02.2019).

9. Международная конвенция по борьбе с опустыниванием в странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/desertification.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).

10. МФСР: краткий обзор [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifad.org/documents/38714170/39211820/glance_russian_web.pdf/6ca65839-074e-4966-b938-402e77548ae2 (дата обращения: 27.02.2019).

11. *Овчинников В.* Японию заботит проблема продовольственной безопасности // Российская газета. 11.06.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/11/06/prod-jap.html> (дата обращения: 27.02.2019).

12. ООН: биотопливо может навредить экологии // Экология производства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecoindustry.ru/news/view/15484.html> (дата обращения: 27.02.2019).

13. *Полушин А.* Прогноз-2050: Россия вымрет, Китай обеднеет, Индия поднимется // Свободная пресса [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/45284/> (дата обращения: 27.02.2019).

14. Получение биотоплива из отходов производства [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012002782> (дата обращения: 27.02.2019).

15. *Потаев В. С.* Сельское хозяйство Китая: реформы, состояние и перспективы // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 3. С. 59–64.

16. Продовольственная проблема и опустынивание: экологический портал. URL: <http://www.ecology-portal.ru/publ/opustynivanie/11-1-0-1432> (дата обращения: 27.02.2019).

17. Производство биотоплива: прогнозы // МНИАП [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80arlem.xn--p1ai/analytics/Proizvodstvo-biotopliva-prognozy/> (дата обращения: 27.02.2019).
18. Развитие рынка биотоплива в мире // Научный журнал «Молодой ученый» [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/262/12918/> (дата обращения: 27.02.2019).
19. *Рунова Т. Г.* Демография. М., 2007. С. 136.
20. «Фаст-фуд» как актуальная проблема питания // Медицинские интернет-конференции [Электронный ресурс]. URL: <https://medconfer.com/node/13964> (дата обращения: 27.02.2019).
21. *Щербакова В.* Гендиректор ФАО: климатические изменения и конфликты — угроза продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5198918> (дата обращения: 27.02.2019).
22. About IRENA // IRENA [Electronic resource]. URL: <https://www.irena.org/aboutirena> (accessed: 27.02.2019).
23. Declaration of the high-level meeting of the sixty-first session of the General Assembly on the midterm comprehensive global review of the implementation of the Programme of Action for the Least Developed Countries for the Decade 2001–2010. 19 September 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/Docs/asp/ws.asp?m=A/RES/61/1> (accessed: 27.02.2019).
24. Global Renewable Fuels Alliance. Study: Global biofuels reduce GHGs by 123.5 million tones Reductions offset double the emissions from Denmark [Electronic resource]. URL: <http://www.globalrfa.org/> (accessed: 27.02.2019).
25. India's dark history of sterilization // BBC News [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-30040790> (accessed: 27.02.2019).
26. India offers cars and TV sets for sterilization // The Telegraph [Electronic resource]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/india/8610957/India-offers-cars-and-TV-sets-for-sterilisation.html> (accessed: 27.02.2019).
27. Political declaration on Africa's development needs. UN General Assembly. 22 September 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/Docs/asp/ws.asp?m=A/RES/63/1> (accessed: 27.02.2019).
28. Population growth (annual %) // The World Bank [Electronic resource]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW> (accessed: 27.02.2019).
29. Statistic in focus — Agriculture and fisheries // European Communities. 2006. № 3. P. 6.
30. Statute of the International Renewable Energy Agency [Electronic resource]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/About-IRENA/Statute/IRENA_FC_Statute_signed_in_Bonn_26_01_2009_incl_declaration_on_further_authentic_versions.pdf?la=en&hash=635C494208DD405EA8CD2BDB04414FEC40F55F1 (accessed: 27.02.2019).

Рукопись поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

УДК 323.174:327 + 327.8 + 316.4.063 + 332.135

А. А. Керимов
А. А. Баков**МЕЖДУНАРОДНАЯ АКТИВНОСТЬ РЕГИОНОВ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ
ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Целью статьи являются выявление и анализ направлений и инструментов международной активности регионов — парадипломатии. Авторы выделяют две группы факторов, обуславливающих данный процесс, а также цели, которые преследуют регионы в своей международной деятельности. В качестве основных направлений парадипломатии авторы выделяют деятельность в области политики, экономики и культуры, а среди инструментов достижения поставленных целей предлагается рассмотреть практику участия регионов в заключении международных договоров.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парадипломатия, международная активность регионов, регион, глобализация, децентрализация, интеграция.

В современном мире отчетливо наблюдаются две тенденции в развитии межгосударственных отношений: с одной стороны — процессы глобализации и интеграции, с другой — стремление государств к сохранению национально-культурного своеобразия, исторического наследия и этнической значимости. «В условиях размывания границ между “внутренними” и “внешними” измерениями политики глобализация через акторов международной политики, таких как наднациональные политические организации, транснациональные корпорации, начинает оказывать активное воздействие и на внутривнутриполитические процессы в государстве, тем самым вовлекая в международные отношения и региональных акторов, международная деятельность которых в научной литературе получила название парадипломатии» [2, 31].

Парадипломатическая деятельность регионов обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. К внутренним факторам относятся децентрализация политической системы, экономическая асимметричность регионов и развитие национализма в случаях с регионами, отличающимися этническим своеобразием. Децентрализация политической системы в виде федерализма или создания регионалистского государства обеспечивает наделение регионов полномочиями и формирование их политических институтов. Асимметричность в развитии приводит к тому, что у более развитых регионов возникает потребность в самостоятельном поиске экономических партнеров и установлении с ними экономических связей. Что касается регионального национализма, то он мотивирует регионы к использованию международной деятельности для продвижения региональных интересов и выражения этнической идентичности.

К внешним факторам относятся глобализация экономических процессов и межгосударственная интеграция. Первая за счет разрушения или по крайней мере ослабления государственных институтов приводит к тому, что место

государства занимают новые институты, в том числе и регионы. Международная интеграция государств способствует интернационализации вопросов, ранее относившихся к политическим полномочиям регионов.

Воздействие этих факторов ведет к формированию внутренне противоречивой природы парадипломатии, выражающейся в сочетании социально-политических принципов как эпохи глобализации, так и индустриального общества. Но именно такое сочетание делает парадипломатию привлекательной для государств, которые видят в ней попытку ценой уступок части власти регионам сохранить свою внутреннюю структуру и остаться в политическом поле глобального мира.

Процессы развития парадипломатии приводят к формированию приоритетных целей, которые регионы преследуют в своей международной деятельности. К таким целям можно отнести содействие социально-экономическому развитию региона, обеспечение роста производства, улучшение торговых показателей, повышение уровня жизни граждан; повышение влияния региона на общенациональные и международные процессы для защиты интересов региона; продвижение и поддержку региональной идентичности.

В зависимости от имеющихся у регионов целей и интересов их парадипломатическая деятельность может иметь разные направления и осуществляться посредством различных инструментов через различные каналы.

Традиционно в теории и практике парадипломатии выделяют три основных направления, соответствующих трем сферам деятельности — политической, экономической и культурной [6]. Иногда культурное направление обозначают как гуманитарное, включающее культуру, образование, науку, международную помощь, социальную и миграционную политику, взаимодействие с соотечественниками. С нашей точки зрения, уместнее говорить именно о «культурной» парадипломатии, поскольку вопросы образования, науки и взаимодействия с соотечественниками вполне относятся к вопросам культуры. Остальные же компоненты, включаемые в культурную парадипломатию, можно отнести к сфере политических вопросов.

Характеризуя направления парадипломатической деятельности, следует понимать, что они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Фактически все парадипломатические отношения в развитых индустриальных странах имеют экономический компонент. Исходя из этого, многие региональные правительства стремятся увеличить политическую составляющую в тех культурных связях, где она незначительна. Главный вывод заключается в том, что парадипломатия может быть универсальным средством для достижения целей. Регионы стремятся выйти за рамки внутринациональных отношений посредством экономического развития, но они также могут действовать и на других уровнях, преследуя цели, связанные с отстаиванием, например, интересов национальной, территориальной идентичности. Для развивающихся стран имеет смысл развивать парадипломатические отношения в наиболее широком направлении и для различных целей. Заключение соглашений субъектами государства с другими странами или отдельными регионами в области культурного обмена может способствовать развитию регионов. Все это позволит получить эффективный результат, вызванный

созданием экономически благоприятных возможностей, возникших в результате взаимодействия региона с экономиками развитых стран и регионов. Более того, отношения, направленные на сотрудничество в области культуры, могут привести и к развитию политических взаимоотношений за счет благопритствования усилению значения локальных или региональных политических институтов.

Международная деятельность регионов отличается разнообразием организационно-правовых механизмов и существенными различиями во внешних и внутригосударственных условиях. Чаще всего выделяют следующие инструменты или каналы парадипломатии: участие регионов в подписании международных соглашений и в деятельности международных организаций; заключение собственных соглашений и открытие представительств; участие в международных организациях регионов [3, 9].

Участие регионов в заключении международных договоров и участие в международных организациях имеют особое значение, поскольку международные договоры и обязательства, принятые в рамках членства в организациях, обладают приоритетом перед государственными нормативными актами.

Исторически подписание международных договоров воспринималось как сфера исключительных полномочий государства, однако по мере того, как предметом международных договоров стали вопросы, ранее во многих государствах относившиеся к полномочиям регионов или к сфере совместного ведения, регионы стали требовать разрешения на участие в заключении этих договоров. В ряде государств существуют правовые механизмы согласования с регионами вопросов о подписании международного соглашения. Например, в Бельгии, после случаев отказа регионов и сообществ от исполнения международных обязательств, получила распространение практика консультации между правительствами субъектов и федерации.

В целом участие регионов в заключении межгосударственных договоров варьируется от информирования и консультаций с центральными органами государства на этапе подготовки к переговорам с учетом позиции региона вплоть до его участия в процедуре ратификации международных договоров. Примером последнего является участие швейцарских кантонов в подписании международных договоров.

Что касается участия регионов в деятельности международных организаций, то оно чаще всего также происходит в форме консультаций на этапах подготовки к принятию решений о вступлении государства в ту или иную международную организацию. Также децентрализованные государства могут обеспечивать неформальное или полуофициальное участие регионов в межгосударственных форумах при рассмотрении вопросов, затрагивающих полномочия или существенные интересы регионов. Так, в делегацию от государства могут входить представители региональных правительств. В частности, «представители бельгийских сообществ и регионов привлекаются к работе организаций, чья деятельность затрагивает вопросы их компетенции, например, ЮНЕСКО и ВОЗ» [5, 140].

Другим каналом парадипломатической деятельности является заключение собственных соглашений и открытие собственных представительств региона

за границей. В большинстве децентрализованных государств, чьи регионы участвуют в международной деятельности, существуют законодательные ограничения на подписание регионами договоров с национальными государствами. Так, например, согласно статье 1 Федерального закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» субъекты имеют право на установление связей с субъектами иностранных федераций и территориально-административными единицами иностранных государств. Однако существуют случаи заключения так называемых «асимметричных» или «диагональных» соглашений между правительствами региона и суверенного государства [4, 112]. Как правило, заключение такого договора осуществляется с согласия центрального правительства государства, в которое входит регион. Так, Квебек может заключать прямые договоры с Бельгией и Францией в соответствии с договоренностями между Канадой и этими государствами.

Большинство соглашений, заключаемых между регионами разных государств, чаще всего регулируют узкие и конкретные области: торгово-экономическое сотрудничество, развитие технологий, вопросы образования и культуры, обмен специалистами и т. д.

Результатом заключения соглашения может стать открытие представительств. В соответствии с законодательством большинства стран регионы не имеют полномочий на ведение дипломатической или консульской деятельности, однако допускается создание ими собственных представительств, агентств или торговых миссий на территории других государств. Согласно уже упоминавшемуся федеральному закону представительства регионов не обладают статусом дипломатических миссий, на них не могут быть возложены консульские или дипломатические функции, а работники не обладают дипломатическими привилегиями и иммунитетом.

Ряд государств, для того чтобы обеспечить дипломатическую защиту работникам региональных представительств, оказывают содействие по созданию данных представительств на базе собственно дипломатического учреждения. Так, некоторые представительства Уэльса созданы на базе британских консульств [8].

Представительства региона могут иметь различный статус, от которого зависят не только их полномочия, но и способы финансирования. Торговые представительства (дома) можно финансировать за счет группы коммерческих компаний региона, заинтересованных в развитии внешнеэкономических связей с конкретной страной или регионом, или переводить их на частичную самоокупаемость.

Еще одним инструментом парадипломатической деятельности является участие регионов в международных объединениях. Объединяясь в межрегиональные ассоциации, регионы выражают собственные интересы, что позволяет им в том числе оказывать воздействие на формирование среды международных отношений. Членство в международных организациях является одной из наиболее распространенных форм международной деятельности регионов, направленной, наряду с взаимодействием с национальным правительством, на повышение влияния на международные процессы, затрагивающие регионы. Примерами многоцелевых ассоциаций регионов являются Конгресс местных и региональных властей

Европы, Ассамблея регионов Европы и Комитет регионов Европейского союза. Также существуют различные кооперации — объединения регионов, направленные на решение конкретных вопросов: разграничение рынков, развитие технологий и т. д. Одним из примеров такой кооперации является организация «Четыре мотора для Европы», направленная на совместное освоение европейского рынка. Участниками данной кооперации являются Баден-Вюртемберг (ФРГ), Каталония (Испания), Рона-Альпы (Франция), Ломбардия (Италия), Фландрия (Бельгия), Уэльс (Объединенное Королевство) и Малопольское воеводство (Польша) [6].

Говоря о последствиях парадипломатии, необходимо выделить как внутреннее, так и внешние проявления этой деятельности: внутренний аспект предполагает специфику взаимоотношений региона с центральной властью, внешний же аспект акцентирован на влияние парадипломатии на систему международных отношений в целом.

Важнейшим следствием парадипломатии для взаимоотношений центра и регионов можно назвать изменение системы государственного управления в сторону сегментации полномочий по линии «центр — регион» [9, 48]. Прежде всего парадипломатия способствует «вертикальной» сегментации, т. е. перераспределению полномочий между регионом и государством. Выходя на международную арену, регион приобретает новые полномочия, нарушая исторически сложившуюся монополию государственных органов власти на международную деятельность.

В результате парадипломатии может также происходить «горизонтальная» сегментация, т. е. перераспределение властных полномочий в сфере международных отношений между политическими институтами на каждом из уровней власти. Так, если раньше за международную деятельность отвечал только глава государства и (или) глава правительства, а также специализированный орган, например Министерство иностранных дел, то в современных условиях внешнеполитические связи во многих государствах устанавливают совершенно различные органы государственной власти, причем не только исполнительной, но также законодательной и судебной.

Сегментация может привести к ситуации, которую ряд исследователей называют «многоголосием» (multivocalism) [7], когда внешняя политика, осуществляемая одновременно на уровне центральных и региональных правительств, становится полностью неуправляемой, что в итоге может привести к развитию сепаратизма. При этом сецессия региона произойдет больше не де-юре, а де-факто, за счет постепенной трансформации представительств регионов в полноценные дипломатические миссии.

Однако парадипломатия может стать механизмом минимизации центробежных тенденций. Особенно это касается федеративных государств, поскольку важной особенностью современного федерализма является наличие постоянно действующего канала связи между регионами. Большинство отраслевых ведомств в современных федеративных государствах существуют как на федеральном, так и на субнациональном уровнях, и связи между этими ведомствами позволяют обеспечить встраивание субнациональных единиц в вертикаль, отвечающую за принятие решений во внешней политике государства. Так же, как и в отношении

внутренней политики, во внешней может производиться разделение полномочий. Вопросы, отнесенные конституциями к компетенции федерации (например, вопросы обороны, национальной безопасности), на международном уровне решаются по-прежнему федерацией. В вопросах совместного ведения все чаще допускаются консультации между отраслевыми органами федерального и субнационального уровней. В тех сферах, которые обычно относятся к компетенции регионов, последние могут проводить более-менее самостоятельную внешнюю политику.

Что касается последствий развития парадипломатии для всей системы международных отношений, то главным является сам факт трансформации региона в актора мировой политики. Выход региона на международную арену означает размывание границы между внутренней и внешней политикой. Вместе с другими «новыми» акторами, такими, как, например, транснациональные корпорации и международные неправительственные организации, регионы ставят вопрос о формировании нового мирового порядка, в котором государственные границы и суверенитет не являются чем-то незыблемым.

Таким образом, парадипломатия, являющаяся формой международной деятельности регионов, представляет собой явление, сочетающее в себе две основные тенденции современного мирового политического процесса — глобализацию и усиление роли региональных политических процессов. Развитие парадипломатии может стать альтернативой «спонтанной глобализации» [1, 10], поскольку скоординированная деятельность центра и региона может проявляться в качестве такого политического курса, при котором будет возможным обеспечение свободы самовыражения как небольшого политического сообщества, так и объединения данных сообществ с помощью определенного центра в противовес процессу глобализации. И в этом отношении парадипломатия должна способствовать формированию мира, основанного как на социально-политических принципах эпохи глобализации, так и на принципах многовекторности развития и структурного многообразия.

1. Бирюков С. В. Современный федерализм: проблемы исследования и перспективы развития // Регионоведение. 2010. № 1. С. 9–18.

2. Благодатских В. Г., Керимов А. А. Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе: сущность и основные направления исследований // Социал.-полит. науки. 2017. № 6. С. 31–36.

3. Кузнецов А. С. Политическая регионалистика: теоретико-методологический анализ современных концепций : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2008. 20 с.

4. Насыров И. Р. Международное сотрудничество регионов: мировая практика и опыт Татарстана. Казань, 2007.

5. Ормонбеков Ж. Т. Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы // Казан. федералист. 2004. № 1(9). С. 138–156.

6. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World [Electronic resource]. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20081217_cdsp (accessed: 02.04.2019).

7. Lecours A. When Regions Go Abroad: Globalization, Nationalism and Federalism // Conference «Globalization, Multilevel Governance and Democracy: Continental, Comparative and

Global Perspectives», May 3–4, 2002, Queen's University [Electronic resource]. URL: www.iigr.ca/conferences/archive/pdfs/lecours.pdf (accessed: 02.04.2019).

8. *Royles E.* Regional government and the emerging Welsh Paradiplomacy. Paper for 59TH UK Political Studies Association Annual Conference Manchester, 2009.

9. *Soldatos P.* Cascading sub-national paradiplomacy in an Interdependent and transnational world // Brown M. D., Fry E. H. (Eds). States and provinces in the international economy. Vol. 2 of the North American Federal project. Institute of Government Studies Press, 1993. P. 45–63.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2019 г.

УДК 327.7 + 327.8 + 327(510)

З. З. Бахтуридзе
Н. А. Васильева
С. Н. Погодин

РОЛЬ ПЛАТФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА «16 + 1» В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЕС И КНР

Актуальность темы статьи определяется политикой КНР в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) на платформе сотрудничества «16 + 1» с 11 странами-членами и 5 странами — кандидатами в члены ЕС. На седьмом (2018) ежегодном саммите «16 + 1» отмечался рост объема торговли Китая и стран ЦВЕ в 1,5 раза. «Китайский фактор» может усилить центробежные настроения в странах ЦВЕ на фоне их неравных позиций в ЕС. Страны — кандидаты в члены ЕС могут использовать партнерство с КНР для лоббирования членства в ЕС. Методология исследования основывалась на сравнительном подходе, анализе источников и статистических данных. Для статьи использовались документы ЕС, КНР, заявления по итогам саммитов «16 + 1», экспертные оценки. В заключение отмечается, что в Брюсселе нет однозначной оценки роста влияния КНР на «периферию» ЕС. Представляется, что Китай не заинтересован в расколе ЕС, поскольку снизятся шансы реализации стратегического проекта «Один пояс — один путь».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, платформа сотрудничества «16 + 1», китайский фактор, межрегиональные связи, стратегические взаимоотношения.

В условиях первой четверти XXI в. наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию числа неформальных объединений государств, что можно объяснить рядом факторов: во-первых, тем, что неолиберальная модернизация международной жизни в форме вестернизации уходит в прошлое на фоне «растущих гигантов» Китая и Индии; во-вторых, кризисные ситуации в ВТО, ЕС, АТЭС, НАФТА и ряде других межрегиональных интеграционных структурах свидетельствуют о их неспособности гибко реагировать на быстроменяющиеся условия современной экономики; в-третьих, становится очевидным стремление государств отстаивать национальные интересы, исходя из принципа самоидентичности.

Согласно теории социального конструктивизма познание государством самого себя непосредственно связано с восприятием других участников международных отношений, что сопряжено с понятиями «национальный интерес» и «идентичность». Одной из важнейших задач в ходе реализации государством национальных интересов в международных отношениях, например в области обеспечения безопасности или экономической сфере, является задача сохранения своей идентичности [13]. Таким образом, выход за пределы жестких рамок международных бюрократических структур создает возможность реализовывать национальные интересы по принципу «ad hoc», то есть по правилам, регулирующим деятельность временного характера, созданным для решения специальных политических, экономических или иных вопросов. Так действуют неформальные переговорные площадки «G 7», «G 20», «БРИКС» и др. В этом ряду можно рассматривать и платформу сотрудничества «16 + 1», возникшую по инициативе Китая в 2011 г. для развития политико-экономических и культурных взаимосвязей с 16 государствами Центральной, Восточной и Южной Европы. Китайская сторона предлагала европейским партнерам создать совместный секретариат, а в будущем — и международную организацию, но европейские участники предпочли проводить регулярные саммиты на базе неформальной переговорной платформы сотрудничества. По мнению экспертов Центра Карнеги, этот формат напоминает Форум по китайско-африканскому сотрудничеству, созданный в 2000 г.: основная активность происходит в двустороннем формате. Есть и дополнительный формат взаимодействия под эгидой Академии социальных наук Китая, в рамках которого открыт исследовательский институт в Будапеште [2].

Поскольку Китай был инициатором создания данного форума, то и отбор участников определялся китайской стороной. Важно отметить, что в формат «16 + 1» включены 11 стран — членов ЕС, а остальные в той или иной степени являются кандидатами в члены ЕС. Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения экономически и культурно сближаются не только с КНР, но и друг с другом. Тем более что у всех европейских стран-участниц сотрудничества есть общее социалистическое прошлое, когда существовали тесные экономические связи в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Все это дает возможность КНР использовать исторический момент для своих прагматических целей.

Важно подчеркнуть, что китайская стратегия развития взаимоотношений с другими странами во многом строится на использовании в практическом плане теоретических наработок Дж. Ная по проблематике «мягкой силы», где акцент делается на привлекательность культуры и ценностей страны для расширения ее международного влияния. По мнению Дж. Ная, в настоящее время Китай зачастую выходит за рамки «мягкой силы», поэтому к его международной политике применим и «термин «острая сила» в качестве аналога термина «информационная война», тогда контраст с «мягкой силой» станет совершенно очевидным. «Острая сила» является вариантом «жесткой силы». Она манипулирует нематериальной информацией, но нематериальность не является отличительным свойством

«мягкой силы». Например, словесные угрозы нематериальны, но это насилие. «Термином “мягкая сила” (это способность влиять на других за счет привлекательности и убеждения, а не с помощью жесткой силы принуждения и денег) иногда называют любую демонстрацию могущества без использования насилия. Но это ошибка. Могущество иногда зависит от побед армии или экономики, но оно также зависит и от умения убеждать» [4]. Поэтому в основе успехов международных проектов Китая («Один пояс — один путь», «16 + 1» и др.) лежит как «жесткая», так и «мягкая» сила, что можно рассматривать в качестве основных методов реализации национальных интересов.

Оценка эффективности платформы сотрудничества «16 + 1»

На последнем саммите в Софии (Болгария) было отмечено, что темпы роста торговых сделок между Китаем и странами-участницами были выше, чем между Китаем и ЕС в целом. Во многом это объясняется выгодным местоположением стран ЦВЕ, поскольку через их территории проходят важные транзитные пути, которые в перспективе необходимы Китаю для реализации проекта «Один пояс — один путь». Уже в настоящее время активно развиваются китайско-европейские грузовые перевозки. Сеть железных дорог связала 43 китайских города с 42 в 14 европейских странах. По мнению сербского эксперта З. Йовановича, «китайский фактор» может стать важным связующим началом на европейском континенте, разделенном как внутри ЕС (на богатый центр и бедную периферию), так и за его пределами. Как отмечает эксперт, бесконечные дискуссии о «многоскоростной» или «двухскоростной» Европе безрезультатны, необходим внешний импульс для сокращения социально-экономического разрыва внутри ЕС, чему и может способствовать платформа «16 + 1». По словам китайского министра иностранных дел Ван И, разделенный и ослабленный ЕС не отвечает интересам Китая. Плодотворные результаты сотрудничества «16 + 1» доказывают, что платформа является благом для Европы [10].

Китаю европейский регион необходим для интенсификации торговли в условиях жесткой конкурентной борьбы с США. По словам премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна, сотрудничество в формате «16 + 1» является открытой, прозрачной, инклюзивной платформой межрегиональных связей, а также важным компонентом и позитивным дополнением к отношениям Китая с ЕС в целом. В болгарских газетах была опубликована статья Ли Кэцзяна «Новое начало, новая надежда, новое путешествие», где подчеркивается, что «Китай и страны Центральной и Восточной Европы могут многое предложить друг другу, помочь и в экономике, и в других сферах. Мы приветствуем сильную развивающуюся Европу и сильный евро. Надеюсь, что наше сотрудничество поможет улучшить развитие государств и интеграции в ЕС тех стран, которые не являются ее членами. Нам есть чем помочь друг другу» [7].

В свою очередь, страны Центральной, Восточной и Южной Европы активно откликнулись на инициативу Китая, что объясняется рядом причин. По мнению западных экспертов, сербы, словаки, хорваты и чехи помнят о холодной войне

и кровавом конфликте во время распада Югославии в 1990-х гг., что заставляет их с меньшим доверием относиться к США и России, в то время как у Китая нет такого негативного исторического багажа. В частности, Сербия стремится к политическому нейтралитету, и ее власти часто называют Пекин «четвертым столпом» своей внешней политики наряду с Брюсселем, Вашингтоном и Москвой [12]. Кроме того, страны ЦВЕ недовольны двойными стандартами в политике Брюсселя и завидуют масштабам китайских инвестиций в страны Западной Европы. А страны-кандидаты в члены ЕС надеются использовать партнерство с Китаем для лоббирования своих позиций при вступлении в ЕС.

Взаимные надежды на успех развития платформы сотрудничества отразились в ходе седьмого саммита в 2018 г., в работе которого приняли участие государственные и правительственные руководители стран. В составе китайской делегации было более 500 бизнесменов, представителей 14 государственных агентств, администраций городов, научных институтов. На рассмотрение китайским коллегам были представлены проекты строительства атомной электростанции «Белене» в Болгарии, строительство тоннелей и магистралей в рамках развития транспортной инфраструктуры на территории государств Западных Балкан и другие проекты. Обсуждалось сотрудничество в области высоких технологий, инвестиций, индустриального партнерства, создание совместных предприятий, развитие инфраструктуры, сотрудничество в области сельского хозяйства, туризма [7].

По мнению Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в Литве Шэнь Чжифэй, «Сотрудничество 16 + 1» не выдвигает никаких политических требований, а является сугубо экономическим форумом, цель которого способствовать продвижению китайской стратегии «Один пояс — один путь». Поэтому Китай и все 16 стран-участниц платформы сотрудничества подписали соглашения о тесном взаимодействии между инициативой «Один пояс — один путь» и стратегиями развития стран Центральной и Восточной Европы [10]. Таким образом, китайская сторона использует трудности ЕС, где явно наметился разрыв в экономическом развитии центра и периферии. Конечно, многие европейские политические деятели понимают характер скрытых угроз в постепенном проникновении Китая в Европу. Так, экс-министр иностранных дел Германии З. Габриэль в планах Китая по восстановлению древнего Шелкового пути видит более масштабные амбиции: «Это не сентиментальный жест в сторону Марко Поло, а попытка создать комплексную систему, чтобы изменить мир в соответствии с интересами Китая» [12]. К сожалению, Брюссель не в состоянии активно субсидировать те страны, которые присоединились к ЕС после 2004 г., а потому руководство этих государств с энтузиазмом откликнулось на предложения китайской стороны.

С учетом финансовых возможностей и экономических потенциалов страны-участницы платформы «16 + 1» сконцентрировались на отдельных направлениях сотрудничества. Например, Болгария надеется на интенсификацию сельскохозяйственной отрасли; Польша рассчитывает на прямые инвестиции и крупные торговые сделки; Румыния надеется на реализацию крупных энергетических проектов, в частности в атомной отрасли, а Венгрия заинтересована в развитии

транспорта и туризма. Что касается прибалтийских стран, то Литва возлагает надежды на студенческий обмен и научные гранты, а Латвия намерена стать важным пунктом Нового шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в. Эстония рассматривает механизм «16 + 1» и созданные им инструменты как надежные и перспективные источники технологий и инвестиций в энергетику и логистику [8]. Действительно, в первом квартале 2018 г. экспорт Литвы в Китай вырос на 73 %, где главным компонентом стала сельскохозяйственная продукция. Поэтому именно в Вильнюсе в 2018 г. состоялся форум министров сельского хозяйства «16 + 1». Наряду с этим Китай поддерживает стремление Литвы в 2019 г. провести форум финансовых технологий высокого уровня «16 + 1» и на его базе создать в Вильнюсе координационный центр по финансовым технологиям «16 + 1», что, по мнению китайской стороны, оправдано литовскими успехами в области «Fin-Tech» [10].

Таким образом, Китай стал рассматриваться как главный спонсор решения сложных социально-экономических проблем стран ЦВЕ и Западных Балкан. В первый период все ожидания сбывались. Был создан фонд целевых кредитов в рамках кооперативного механизма между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы (\$10 млрд), с помощью которого был профинансирован первый проект в Боснии и Герцеговине по строительству ТЭС «Станари». В целом инвестиции Китая в Центральную и Восточную Европу увеличились с 1 млрд долл. США (на конец 2011 г.) до более 9 млрд в 2017 г. [Там же].

Однако за этим обнадеживающим ростом финансовых вливаний в экономику ЦВЕ скрывается большая опасность для стран Центральной и Восточной Европы потерять экономическую, а возможно, и политическую самостоятельность. Китай заинтересован в поддержке своих позиций в международной политике по проблематике прав человека и спорных вопросов в Южно-Китайском море. Например, Чехия, когда-то активно выступавшая за независимость Тибета, теперь значительно ближе к официальной линии Пекина и претендует на особую роль в отношениях ЕС с Китаем, что отразилось в словах президента Чехии М. Земана: «Представим Китай в виде корабля или даже флота. Каждый корабль нуждается в безопасной гавани. Чехия может предложить дружественную обстановку, политическое доверие и сотрудничество. Чехия может стать безопасным портом для китайских инвесторов, заходящих на рынки ЕС» [8].

По мнению ряда экспертов, Китай ведет свою инвестиционную политику достаточно жестко. В качестве примера можно привести Литву, Сербию и Черногорию. Открытый в 2014 г. в Сербии «Пупинов мост» стал первым крупным китайским инфраструктурным проектом в Европе. Хотя его часто называют символом сербско-китайской дружбы, однако сербская сторона должна будет не только выплатить Экспортно-импортному банку Китая \$ 217,4 млн в течение 18 лет, но и предпочтительно закупать китайские товары, технологии и услуги. В сфере телекоммуникаций Китай ввел платежную систему China Union Pay, что означает проникновение в Европу системы для международных денежных переводов, которую не смогут заблокировать США [12]. Власти Словакии отмечают, что никаких масштабных китайских инвестиций в страну не пришло. Соглашение

Румынии с Китаем о постройке двух ядерных реакторов стоимостью 6 млрд евро не продвинулось с 2015 г. [1].

Одна из самых больших проблем строительства в Черногории заключается в сложном рельефе местности, строительство дорог в горах требует больших капиталовложений. Неудивительно, что руководство республики охотно подписало соглашение с китайской стороной о строительстве первой автомагистрали, которая должна связать Центральную Европу с портом на Адриатическом море. Реализация проекта сопряжена с большими техническими сложностями, потому что из-за горного рельефа шоссе будет опираться на столбы высотой с 50-этажный небоскреб. Но в итоге перед страной встали и большие финансовые проблемы, потому что уже сейчас за строящийся участок длиной 40 км долг Экспортно-импортному банку Китая и China Road and Bridge Corp. составляет около \$1,1 млрд. Пока Черногория не найдет еще \$1 млрд, дорога так и останется незаконченной [12]. Таким образом, вырисовывается общая картина экономической политики КНР в рамках сотрудничества «16 + 1», где центральным моментом является постепенное превращение ЦВЕ в регион вассальной зависимости от Китая.

Страны ЦВЕ и страны Западных Балкан имеют разный экономический потенциал, структуру населения, объем внутреннего рынка, а потому по-разному складываются их отношения с китайской стороной. По мнению сербского политолога В. Зелени, например, у Польши и Чехии больше возможностей привлечь к себе широкомасштабные проекты, чем у их соседей на Балканах [14]. В результате растет скепсис по отношению к перспективам сотрудничества. Кроме того, членство в Европейском союзе накладывает определенные рамки на стратегию развития «периферийных» стран и их «китайские связи».

В то же время стратегия Китая по вхождению в европейский мир не ограничивается только экономикой, поэтому использование культурного ресурса можно рассматривать как важный источник «мягкой силы» Китая. Китайский язык, философия, музыка, кино, искусство, архитектура, китайская еда, китайская медицина, а также современные китайские города — все это мощные ресурсы для развития платформы сотрудничества «16 + 1».

Большим успехом в странах ЦВЕ пользуются институты Конфуция, где изучается китайский язык, проводятся выставки, концерты, осуществляются другие культурные проекты. Важным направлением взаимодействия Китая и европейских стран стало распространение и расширение академических контактов: обменные программы ученых и преподавателей, обучение иностранных студентов в китайских вузах и пр.

Показателен в этом плане опыт взаимодействия Китая и Польши. Так, порядка 30 китайских провинций и городов стали побратимами польских городов и регионов. В двустороннем сотрудничестве на местном уровне наметилась благоприятная тенденция. Число обучающихся в Польше китайских студентов превышает 1,3 тыс. человек, две страны подписали соглашение о взаимном признании ученых степеней и дипломов о высшем образовании. В Польше укрепляется всеобщее увлечение китайским языком, там открыты пять институтов Конфуция и два класса Конфуция, которые стали одной из важных платформ содействия

культурным обменам между государствами. Помимо этого 60–70 тыс. китайских туристов ежегодно совершают туристические поездки в Польшу, такое же количество поляков посещает КНР [6].

Особое внимание уделяется научно-техническим контактам, поэтому в 2015 г. Академия общественных наук КНР выступила с инициативой создания в рамках сотрудничества «16 + 1» сети мозговых центров («Think Tanks Network»). Основная задача этих интеллектуальных центров определялась стремлением Китая получить доступ к интеллектуальному капиталу стран ЦВЕ. Этот проект получил развитие, и в апреле 2017 г. в Венгрии был создан независимый мозговой центр «China-CEE Institute» [11], целью которого является интеллектуальное сотрудничество в рамках платформы «16 + 1».

Среди прочих инструментов китайской политики «мягкой силы» в европейских странах можно назвать продвижение брендов ведущих китайских компаний («Xiaomi», «Huawei», «Aliexpress», «Haier»), что является важным направлением экономической экспансии Китая на Европейском континенте.

Проблемные точки в сотрудничестве КНР со странами Европы

Принятые в 2016 г. «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая» были рассчитаны на пять лет. Предполагалось, что удастся охватить практически все области сотрудничества, где необходимо провести определенное реформирование, в частности, выработать новое инвестиционное соглашение на основе открытости, соблюдения норм устойчивого развития и прав человека. Как отмечает российский эксперт Н. Еремина, в настоящее время переговоры ЕС с Китаем осуществляются в следующих форматах: ежегодный саммит ЕС – Китай на высшем уровне, который координирует все взаимодействия; экономический и торговый диалог ЕС и Китая на министерском уровне; совместный торговый комитет и др. К сожалению, камнем преткновения остается вопрос о правах человека, поэтому стороны стремятся договариваться в основном по вопросам торговли и инвестиций [3].

Таким образом за прошедшие годы Китай укрепил свои позиции в Европе, особенно среди «периферийных» членов ЕС и кандидатов на вступление в ЕС. В определенной мере этот факт стал неожиданным для руководства Евросоюза, хотя этого следовало ожидать, учитывая неспособность Евросоюза выделять дополнительные средства отдельным нуждающимся странам-членам. Как отмечают эксперты Центра Карнеги, «в Брюсселе и других европейских столицах опасаются, что таким образом Китай пытается применить в Европе тактику “разделяй и властвуй”. Результаты неоднозначны, и китайского финансирования пока явно недостаточно, чтобы расколоть ЕС. Но Брюсселю стоит внимательно следить за развитием событий: ситуация может измениться» [2].

Важно подчеркнуть, что в основе китайской политики по отношению к Европе лежит принцип двусторонних соглашений с отдельными членами ЕС, что подрывает основы общеевропейской интеграционной стратегии, а главное может привести к фактической потере контроля над экономикой стран ЦВЕ. «Поэтому динамичное ядро Европы должно найти компромисс с периферией, иначе Китай

может воспользоваться расколом между ними. Но периферий много. Северная Европа хочет доступа на китайский рынок. Восточная Европа надеется заменить китайскими деньгами сокращающиеся субсидии Брюсселя. Южная Европа уже получила значительные китайские инвестиции» [2]. Таким образом, в Евросоюзе сложилась непростая ситуация, поскольку, с одной стороны, не только периферийные члены Союза, но и ведущие экономики заинтересованы в китайских инвестициях, а с другой стороны, в Брюсселе Китай зачастую предстает в образе «троянского коня», способного усилить центробежные тенденции в ЕС.

Однако многие эксперты сходятся во мнении, что на данном этапе опасения в отношении китайской экспансии в Европе сильно преувеличены по двум основным причинам.

Во-первых, китайская сторона предпочитает не прямые инвестиции в экономику стран ЦВЕ, а кредиты, и по ставкам выше европейских (они снижаются при условии закупки китайского оборудования или привлечения китайских подрядчиков). Более того, реальные масштабы и условия финансирования не совпадают с ожиданиями участников платформы сотрудничества «16 + 1». Например, Китай пообещал Словении 1,3 млрд евро на железную дорогу в обмен на 99-летнюю аренду порта Копер. Но Словения отказалась, и теперь проектом занимаются немецкие и австрийские фирмы [Там же].

Во-вторых, кроме Китая достаточно сильные позиции, особенно на Балканах, имеет Турция, которая надеется на возрождение Балканского союза в ответ на нежелание ЕС принять ее в свои ряды. Нельзя не учитывать и влияние России, которая традиционно присутствует в этом регионе. Недавний обмен визитами высших должностных лиц России и Сербии дает основание министру иностранных дел Сербии И. Дачичу заявить: «Если ЕС нас не хочет, то захочет Россия». По оценке Британского комитета по внешней политике, влияние России на Западных Балканах слабое, прежде всего из-за незначительного присутствия в сфере экономики, слабее, чем китайское или турецкое влияние, но вместе с тем оно и самое опасное, поскольку «русские готовы на все» [5].

Таким образом, платформа сотрудничества «16 + 1» в стратегических взаимоотношениях ЕС и КНР начиная со второго десятилетия XXI в. играет не последнюю роль в развитии стран Центрального, Восточного и Южного регионов европейского континента. Несмотря на множество проблем, которые возникают в ходе реализации проектов сотрудничества «16 + 1», страны ЦВЕ, а также западно-балканские государства видят в «китайском факторе» возможность преодолеть экономическое отставание от своих западных партнеров. В последние годы отмечается возрастание не только экономического, но и политического, а также культурного сотрудничества, чему китайская сторона придает большое значение. Условиями для этого являются стабильная политическая обстановка, развитый рынок, дешевая и образованная рабочая сила, что привлекает китайских бизнесменов и дает надежды на эффективную реализацию проекта «Один пояс — один путь».

Вместе с тем в руководстве Евросоюза наблюдается рост алармистских ожиданий от экономической активности Китая на европейской периферии.

По мнению ряда европейских чиновников, может углубиться разрыв внутри ЕС, что может обернуться распадом Союза. Однако на данном этапе китайская сторона постоянно подчеркивает свою приверженность международным нормам и правилам ЕС, и ее экономические и культурные инициативы не выходят за установленные рамки. В целом можно сказать, что политика Китая в рамках платформы сотрудничества «16 + 1» определяется тактикой «мягкой силы», что проявляется в образовательных обменах, культурных форумах, значительно возросшем туристическом обмене. Таким образом, Китай создает новую зону влияния на европейском континенте, что усиливает его позиции в глобальной конкурентной борьбе за рынки сырья и сбыта своей продукции, особенно в условиях конфронтации с США.

1. Восточная Европа уже меньше надеется на Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://lv.sputniknews.ru/world/20180705/8751012/16-1-summit-china-sofia.html> (дата обращения: 14.02.2019).

2. *Гюдеман Ф., Васелье А.* Китай у ворот: новый аудит отношений Китая и ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2018/04/03/ru-pub-75969> (дата обращения: 02.02.2019).

3. *Еремича Н.* Китай проникает в ЕС. Брюссель опасается сопряжения стратегических инициатив Пекина и Москвы [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasia.expert/kitay-pronikaet-ves-bryussel-opasaetsya-sopryazheniya-strategicheskikh-initsiativ-pekina-i-moskvy/> (дата обращения: 07.02.2019).

4. *Най Дж.* Мягкая и острая сила Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20180110/241144649.html> (дата обращения: 14.02.2019).

5. *Никифоров Л.* Западные Балканы на пути в Евросоюз [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.gmojetu/news/2461956.html> (дата обращения: 07.02.2019).

6. Обзор: инициатива «Пояс и путь» и сотрудничество «16 + 1» способствуют всестороннему развитию китайско-польских отношений [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/37369664/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.02.2019).

7. Представители Китая и 16 стран Европы обсудят в Софии экономическое сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5354569> (дата обращения: 07.02.2019).

8. Проект «16+1» — тест на европейскую состоятельность Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tianxia.link/ru/article/5738-proiekt-16-1-tiest-na-ievropieiskuiu-sostoiatiel-nost-ukrainu> (дата обращения: 14.02.2019).

9. *Соколова О.* Премьер Китая назвал «платформу 16 + 1» (16 стран Центральной и Восточной Европы + Китай) выгодным для Европы форматом сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://erece.org/2018/07/06/platforma-16-1-kak-vygodnoe-sotrudnichestvo-dlya-evropy/> (дата обращения: 02.02.2019).

10. «Сотрудничество 16 + 1» не является геополитическим инструментом, это совместная рабочая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obzor.lt/news/n41425.html> (дата обращения: 02.02.2019).

11. China launches “China-CEE Institute” think tank in Hungary; Gong Rong [Electronic resource]. URL: https://news.cgtn.com/news/3d4d444f78597a4d/share_p.html (accessed: 14.02.2019).

12. Trophy Infrastructure, Troublesome Debt: China Makes Inroads in Europe [Electronic resource]. URL: <https://mia.mk/2018/11/trophy-infrastructure-troublesome-debt-china-makes-inroads-in-europe/?lang=en> (accessed: 08.02.2019).

13. *Wendt A.* Collective Identity. Formation and the International State // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 88, № 2. P. 384–396.

14. Zeneli V. Central and Eastern Europe: China's Stepping Stone to the EU? Nov. 30. 2016 [Electronic resource]. URL: <http://thediplomat.com/2016/11/central-and-eastern-europe-chinas-stepping-stone-to-the-eu/> (accessed: 14.02.2019).

Рукопись поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

УДК 327.7 + 327(520) + 327.37

Н. П. Дронишинец

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЕС И ЯПОНИЕЙ В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема исследования обусловлена тем, что современный глобальный мир определяется растущим влиянием КНР и ослаблением роли США. Неопределенность в архитектуре глобального управления, созданная администрацией Д. Трампа, побуждает Японию и ЕС поднять сотрудничество на беспрецедентный уровень. Новизна работы заключается в том, что в ней анализируются два важнейших соглашения между ЕС и Японией — о стратегическом партнерстве и об экономическом партнерстве, подписанных в 2018 г. и вступивших в силу в 2019 г. В качестве методологии автор использует онтологический конструктивизм с эвристическими возможностями концепции глобального управления, что позволяет рассмотреть эволюцию, факторы формирования стратегического партнерства в области глобальной и региональной безопасности между ЕС и Японией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сотрудничество, безопасность, Европейский союз, Япония.

Введение

25 июня 2018 г. Верховный представитель Европейского союза Ф. Могерини представила министрам иностранных дел ЕС второй ежегодный Доклад о Глобальной стратегии ЕС: год действий, направленных на решение «предсказуемой непредсказуемости». В докладе было отмечено, что со времени принятия в 2016 г. Глобальной стратегии ЕС миропорядок стал более неустойчивым и неопределенным. В то же время значительно выросла роль ЕС на мировой арене. В этой сложной обстановке ЕС продолжил играть ведущую роль в области дипломатии, сотрудничества и поиска компромиссов в соответствии с Глобальной стратегией ЕС. Европейский союз углубил экономическую дипломатию и расширил свою роль в области безопасности в Азии, в частности, завершил переговоры с Японией по Соглашению о стратегическом партнерстве и Соглашению об экономическом партнерстве [13, 14].

Сегодняшний глобализированный мир определяется растущим влиянием Китая и ослаблением Америки. Китай бросает вызов США в экономическом, политическом и военном отношении, представляет собой серьезный вызов

американскому лидерству в мире. Этот факт, отмечает старший научный сотрудник Центра американского прогресса в Вашингтоне Г. Фукусима, признают демократы и политические лидеры республиканцев [15]. Как Япония и ЕС реагируют на усиливающееся китайско-американское соперничество? Япония традиционно опасалась, что отношения США и Китая станут слишком дружественными и это приведет к миру «G2», где Японии достанется место маргинала. С другой стороны, напряженность в отношениях между США и Китаем может иметь и негативные последствия для партнеров. Японии и ЕС все труднее сохранить баланс между послевоенным политическим союзом и союзом в области безопасности с США и все более растущими экономическими связями (торговыми, инвестиционными, финансовыми, туристическими и др.) с Китаем. Неопределенность в архитектуре глобального управления, созданная администрацией Д. Трампа, побуждает многие страны мира искать новых союзников, чтобы минимизировать свои риски. Япония и ЕС не являются исключением.

Что касается ЕС, то, как подчеркивает директор Института Европы РАН А. А. Громько, все больше и больше западных экспертов оценивают действия Д. Трампа уже не только как вредные для евроатлантической солидарности по отдельным вопросам, но и как подрывающие весь «старый порядок», «порядок, основанный на правилах», «либеральный мировой порядок». Все громче голоса тех, кто призывает, не отказываясь в принципе от союзнических отношений с США, заменить Вашингтон в качестве лидера этого порядка [2].

Поэтому отношения между ЕС и Японией, основанные на Соглашении о стратегическом партнерстве и Соглашении об экономическом партнерстве, которые были подписаны 17 июля 2018 г., стали единственными всеобъемлющими отношениями типа «регион — государство», которые сегодня известны миру. На ЕС и Японию приходится более трети мирового ВВП, а общая численность населения составляет более 600 млн человек [10]. Принятие двух важнейших соглашений между ЕС и Японией поднимает сотрудничество на беспрецедентный уровень. Целями Соглашения о стратегическом партнерстве являются укрепление общего партнерства между ЕС и Японией путем содействия политическому и секторальному сотрудничеству; совместные действия по вопросам, представляющим общий интерес, включая региональные и глобальные проблемы; обеспечение долгосрочной правовой основы для укрепления двустороннего сотрудничества, а также сотрудничество в международных и региональных организациях и форумах [25].

Еще одним фактором, способствующим развитию стратегического партнерства ЕС и Японии, является, как отмечают Э. Браттберг и Д. Шофф из московского центра Карнеги, неприязнь президента Трампа к либерализации международной торговли, особенно сильно задевшая Европу и Японию, которые обязаны своей безопасностью и процветанием миропорядку, сложившемуся под руководством США. Это крупные экспортно ориентированные экономики, для которых очень важно участие в формировании будущей системы международных экономических отношений. Поэтому неудивительно, что сейчас, когда Вашингтон отходит от своей традиционной роли лидера в вопросах мировой торговли, Брюссель и Токио пытаются перехватить инициативу [1]. Соглашение между ЕС и Японией

приобрело особое геополитическое значение после приостановки в 2017 г. переговоров между ЕС и США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) и введении США в июне 2018 г. пошлин на импорт стали и алюминия — 25 и 10 % соответственно [26].

Следующими факторами, которые способствуют укреплению стратегического партнерства между ЕС и Японией, являются озабоченность северокорейской ядерной программой, активной позицией Китая в Южно-Китайском море, конфликтом в Сирии, а также более широким суннитско-шиитским противостоянием, ростом напряженности между Токио и Сеулом. В нарушение устоявшейся практики премьер-министр Японии С. Абэ удалил из своей ежегодной политической речи 29 января 2019 г. пункт, в котором изложил свое видение связей Японии и Южной Кореи. С. Абэ лишь мимоходом упомянул Южную Корею, подчеркнув важность «тесной координации с международным сообществом, в частности, Вашингтоном и Сеулом», чтобы иметь дело с ядерной Северной Кореей. Речь, произносимая каждый год в начале очередной сессии парламента, была отходом от предыдущих политических заявлений, где С. Абэ посвящал целый абзац, подробному описанию своего намерения продвигать то, что он часто называл «ориентированными на будущее» отношениями с Сеулом [27].

Таким образом, подписание Соглашения об экономическом партнерстве и Соглашения о стратегическом партнерстве является ценным и знаковым событием, поднимающим отношения Япония — ЕС на более высокий уровень. На фоне расширения протекционистских движений подписание Соглашения об экономическом партнерстве и Соглашения о стратегическом партнерстве наглядно демонстрирует миру твердую политическую волю Японии и ЕС возглавить мир, поддерживая высоко флаг свободной торговли.

В научной литературе внутренняя экономическая политика и политика безопасности Японии до сих пор привлекали львиную долю внимания ученых. Это вполне понятно и связано с экономическими успехами страны, но в то же время представляет собой узкую направленность исследований. Даже когда внимание ученых было обращено на международную сферу, они ограничивались анализом отношений Япония — США и Япония — Восточная Азия. Существующая литература в значительной степени игнорировала анализ поведения в механизмах глобального управления администрации С. Абэ, особенно в ответ на недавние изменения в глобальном балансе сил и их влияние на архитектуру глобального управления. Эти недавние изменения в глобальном порядке и архитектуре глобального управления привели к новому этапу сотрудничества между ЕС и Японией, связанному с подписанием вышеназванных соглашений по стратегическому и экономическому партнерству.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, на основе анализа подписанных соглашений, документов парламентов ЕС и Японии, Министерств обороны и иностранных дел партнеров, научных работ, посвященных взаимоотношениям ЕС и Японии, рассмотреть становление и эволюцию совместного стратегического партнерства в области экономической безопасности между ЕС и Японией, исследовать концепцию безопасности ЕС и Японии, раскрыть

общие подходы в стратегии партнеров в области глобальной и региональной безопасности, показать различия, выявить препятствия для сотрудничества ЕС и Японии в будущем. В качестве методологии автор использует онтологический конструктивизм с эвристическими возможностями концепции глобального управления, что позволяет рассмотреть эволюцию, факторы формирования стратегического партнерства в области глобальной и региональной безопасности между ЕС и Японией.

Становление и эволюция совместного стратегического партнерства в области экономической безопасности

Во взаимоотношениях Японии и ЕС традиционно доминируют экономические вопросы. Зависимость их экономик от внешней торговли и инвестиций имеет важное значение потому, что угрозы их положению в мировой экономике могут иметь серьезные последствия для их роста, процветания и в конечном счете безопасности. Анализируя проблему экономической безопасности в отношениях ЕС и Японии, изложенную в Соглашении об экономическом партнерстве, следует подчеркнуть, что это соглашение является очень ощутимым, важным продолжением конкретного сотрудничества между партнерами, признаком тесного сближения европейских и японских подходов к экономической безопасности. В Соглашении о стратегическом партнерстве между ЕС и Японией отмечается, что более тесные связи установились между ними после подписания Совместной декларации об отношениях между Европейским сообществом и Японией в 1991 г. [25]. Общие принципы и цели Декларации опираются на прочную основу общих ценностей, включая приверженность миру, свободе, демократии, верховенству закона, уважению прав человека и содействию устойчивому развитию.

Европейцев и японцев часто называют «естественными» партнерами. Отношения между Японией и Европой имеют длительную историю, восходящую к середине XIX в., когда сёгунат Токугава открыл двери Японии в западный мир. На протяжении многих лет Европа занимала относительно скромное место во внешней политике Японии, по крайней мере по сравнению с такими ключевыми дипломатическими партнерами, как США и азиатские соседи Японии. Самой главной причиной этого была географическая удаленность. До конца эпохи холодной войны послевоенная история японо-европейских отношений — это прежде всего история торговых связей. Крах холодной войны способствовал развитию японо-европейских связей. Сфера взаимодействия и сотрудничества Японии с Европой продолжала расширяться, выходя за пределы торговли и инвестиций, охватывая сферы безопасности и сотрудничества не только с ЕС, но и с НАТО. Отношения ЕС и Японии стали стабильно развиваться с момента принятия в 1991 г. в Гааге Совместной декларации. Окончание холодной войны открыло большие возможности для динамичного регионального, межрегионального и глобального сотрудничества. Совместная декларация расширила сферу сотрудничества на политическую и сферу безопасности. В 10-ю годовщину принятия Совместной декларации в 2001 г. в Брюсселе был принят План действий

по сотрудничеству ЕС и Японии, направленный на решение следующих задач: содействие миру и безопасности; укрепление экономического и торгового партнерства, использование динамизма глобализации на благо всех; решение глобальных и социальных проблем и объединение людей и культур. План действий заложил основу для диверсифицированных отношений между ЕС и Японией на следующее десятилетие [8]. В ноябре 2012 г. ЕС выдал Европейской комиссии мандат на начало переговоров о Соглашении об экономическом партнерстве с Японией. По итогам 18 раундов переговоров стороны достигли политического соглашения к 6 июля 2017 г. Текст соглашения окончательно согласовали к декабрю 2017 г., после чего оно было подписано 17 июля 2018 г. на саммите ЕС — Япония в Токио, а с 1 февраля 2019 г. вступило в силу.

В отличие от переговоров ЕС с США и Канадой переговоры по Соглашению об экономическом партнерстве между Японией и ЕС, отмечает Х. Судзуки, не встретили критики со стороны организаций гражданского общества и поэтому стали «исключительным» случаем для ЕС. Есть четыре причины, которые объясняют ситуацию. Во-первых, основное внимание в Соглашении об экономическом партнерстве по-прежнему уделяется таким «старым» вопросам, как снижение пошлин на автомобили, электронику и сельскохозяйственную продукцию. Во-вторых, в соглашении не содержится новаторских предложений, которые есть в соглашениях с США и Канадой. В-третьих, Япония не имеет соответствующих ресурсов, чтобы устанавливать свои правила, и это ставит Японию в относительно оборонительную позицию. Наконец, масштабы торговли Япония — ЕС по сравнению с торговлей ЕС — США весьма скромные. Названные причины привели к относительно быстрому принятию Соглашения об экономическом партнерстве между Японией и ЕС [16].

Соглашение об экономическом партнерстве включает в себя обязательства не только о торговле товарами и услугами, но и о поощрении двусторонних инвестиций. Согласно последним оценкам ожидается, что влияние Соглашения будет сбалансированным, со значительными выгодами для ЕС в таких секторах, как агропродовольственный, текстильный и сектор кожаных изделий. Ни один сектор ЕС не понесет потерь. Соглашение, как ожидается, увеличит ВВП ЕС на 0,14 % и общий экспорт в Японию — на 13 млрд евро к 2035 г. Соглашение обеспечивает важную платформу как для ЕС, так и для Японии по укреплению их приверженности правилам свободной торговли [26].

Для ЕС Соглашение об экономическом партнерстве с Японией — способ продемонстрировать свою готовность заниматься либерализацией мировой торговли на фоне Brexit и в ожидании более четкой позиции Вашингтона по ТТИП. Для Японии торговая сделка является неотъемлемой составляющей так называемой «третьей стрелы» (структурных реформ) «Абэномики».

Соглашение укрепит сотрудничество между ЕС и Японией в области инноваций. Япония и ЕС являются лидерами в области науки и техники. Япония тратит 3,1 % своего ВВП на НИОКР, а 60,1 % ее населения в возрастной группе 25–34 года имеют высшее образование. Правительство на заседании кабинета 12 февраля 2019 г. приняло законопроекты о том, чтобы сделать дошкольное

и высшее образование бесплатным, что является ключевым элементом политики администрации премьер-министра С. Абэ [7]. Кроме того, страна опередила ЕС в рейтинге европейских инноваций 2017 г., продемонстрировав свои преимущества в бизнес-НИОКР, инновационном сотрудничестве и приложениях IP. В свою очередь, Европа, согласно Глобальному инновационному индексу 2018 г., как отмечает китайская газета «Женьминь жибао», продолжает оставаться лидером в сфере инноваций: 11 из 20 ведущих экономических субъектов по инновационной деятельности — европейские страны [5]. Следовательно, подписанное соглашение может привести к новаторским решениям общих проблем, включая изменение климата, старение населения, энергетическую безопасность, обмен передовым опытом, технологиями и научными исследованиями между ЕС и Японией. Соглашение способствует снижению пошлин на японские автомобили и автозапчасти, поставляемые в ЕС, и может стимулировать дальнейшие инвестиции и обмен технологиями в автомобилестроении. Устранение тарифных и нормативных барьеров может способствовать инвестициям в развитие передовых технологий, охватывающих электромобили, топливосберегающие двигатели и автономное вождение. Соглашение также устраняет ряд давних нетарифных барьеров, например, путем утверждения международных стандартов на автомобили. Соглашение об экономическом партнерстве отменяет подавляющее большинство пошлин на экспорт из ЕС в Японию, ежегодный объем которых оценивается на уровне 1 млрд евро. Как только соглашение будет полностью выполнено, Япония отменит таможенные пошлины на 97 % товаров, импортируемых из ЕС, что разрушит барьеры для основных экспортеров продуктов питания и напитков из ЕС для 127 млн японских потребителей и увеличит экспортные возможности в ряде других секторов. Ежегодная торговля между ЕС и Японией может увеличиться почти на 36 млрд евро в случае выполнения Соглашения в полном объеме [12].

Еще одна ключевая область, представляющая взаимный интерес, — информационно-коммуникационные технологии. Япония — одна из наиболее лояльных экономик в мире по индексу ограничений цифровой торговли. В июле 2018 г. ЕС и Япония завершили переговоры о взаимном признании соответствия требований друг к другу по защите данных, что позволит значительно увеличить выгоды от Соглашения в секторах цифровой экономики, которые требуют больших объемов данных. Европейский союз и Япония 23 января 2019 г. приняли решения, позволяющие свободно и безопасно обмениваться личными данными между двумя партнерами. Они согласились признать системы защиты данных друг друга «эквивалентными», что создаст самую большую в мире область безопасных потоков данных. Кроме того, соглашение позволяет ЕС и Японии активизировать производственную деятельность в области электронной торговли, телекоммуникаций 5G и приложений, связанных с искусственным интеллектом [26, 12].

Концепция безопасности ЕС и Японии: общие подходы, вызовы, формирование сотрудничества

Общим подходом к формированию концепции безопасности ЕС и Японии является положение о том, что безопасность человека выступает принципом внешней политики. В Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности отмечается, что ЕС будет способствовать сохранению мира и обеспечивать безопасность своих граждан и региона. Вопросы внутренней и внешней безопасности переплетаются все теснее: внутренняя безопасность страны зависит от мира за пределами ее границ [4]. Европейский союз и Япония разделяют общие либеральные ценности, такие как демократия, индивидуальные свободы и права человека, рыночная экономика, защита своих граждан. Эти страны часто называют державами с ограниченными возможностями активного использования военных инструментов во внешней политике. Развивая сотрудничество в сфере глобальной и региональной безопасности, Япония и ЕС выступают с позиции «мягкой силы». Длительное время партнеры строили стратегию, полагаясь на своего союзника США. Но непредсказуемость и пренебрежение более чем полувековым союзом со стороны администрации Д. Трампа, эволюция угроз заставили лидеров обеих сторон пересмотреть концепцию «мягкой силы» в целях обеспечения собственной безопасности.

В Глобальной стратегии ЕС отмечается, что ЕС всегда гордился своей «мягкой силой» и продолжит ее использовать, потому что «нам нет равных в этой сфере». Однако идея о том, что Европа является исключительно «гражданской державой», не соответствует меняющейся реальности. В этом хрупком мире одной «мягкой силы» недостаточно. В случае Европы «мягкая» и «жесткая» силы неразрывно связаны [4]. Верховный представитель ЕС Ф. Могерини во время своего выступления на Мюнхенской конференции по безопасности 15 февраля 2019 г. конкретизировала этот тезис, объясняя, что европейский путь к обеспечению безопасности и обороны заключается в сотрудничестве, инвестировании в развитие партнерских взаимоотношений и многосторонних отношений, развертывании «мягкой силы», являющейся «торговой маркой» Европы, и добавлении к этому убедительного компонента «жесткой силы» [21].

В Белой книге обороны за 2018 г. отмечается, что обстановка в сфере обеспечения безопасности вокруг Японии становится все более напряженной ввиду того, что различные проблемы и дестабилизирующие факторы становятся все более актуальными и их острота продолжает нарастать [9, 5]. Для Японии противоречивая политика президента США Д. Трампа дала большие основания для сомнений в его надежности. Формулировка Д. Трампа «Америка прежде всего» по отношению к торговле и внешней политике выражает американский экономический национализм и, возможно, становится основанием для пересмотра стратегии национальной безопасности Японии. И хотя альянс по-прежнему представляет собой большую ценность для обеих стран — сейчас и в будущем, Япония должна рассмотреть вопрос о повышении своего глобального лидерского статуса во взаимодействии с другими странами [17]. У Токио нет другого выбора, кроме

как поддержать администрацию США. Тем не менее проблемы, связанные с продолжением ядерной программы КНДР с 2006 г., наряду с морскими амбициями и территориальными притязаниями Китая, заставили Токио пересматривать свою концепцию безопасности.

Политика сочетания «мягкой» и «жесткой» силы в ЕС и Японии требует поиска большей автономии в отношении безопасности и обороны. В Глобальной стратегии ЕС отмечается, что «мягкая» и «жесткая» силы пестуют стремление ЕС к стратегической автономии. Она необходима, чтобы продвигать общие интересы граждан ЕС, а также европейские принципы и ценности [4]. Для поиска большей автономии в отношении безопасности и обороны потребуется время, потому что Япония и ЕС длительное время полагались на своего союзника США, но сейчас оба партнера начали процесс движения к самостоятельности. В условиях, когда наблюдается относительное снижение влияния США в международной сфере, Япония и ЕС теряют свою прежнюю фундаментальную опору, и естественным ответом на складывающиеся затруднения может стать глобальное лидерство, обеспеченное более чем одним государством. Интересной теорией международного сотрудничества является теория гегемонистской стабильности. В своей упрощенной форме она утверждает, что стабильность мировой системы и экономики зависит от присутствия гегемонистской силы, которая может обеспечивать соблюдение соглашений, придавать стабильность и, таким образом, уменьшать анархию.

Появление новых сильных держав ведет к снижению роли гегемона. Сложный вопрос, вызывающий академические и политические размышления, заключается в том, как можно обеспечить сохранение стабильности после снижения власти гегемона [23]. Америке пора признать, что она не гегемон, и поделиться властью, утверждает американский профессор К. Пребл: «Вместо того чтобы относиться к союзникам как к безрассудным подросткам, которым нельзя доверить что-либо без постоянного наблюдения дяди Сэма, или как к слабовольным хлюпикам, которые при любом удобном случае капитулируют перед ненасытными соседями, Вашингтону лучше уполномочить зрелые государства, которые мыслят схожим образом, отвечать на вызовы местного масштаба, прежде чем они станут региональными или глобальными кризисами» [6].

Подписанное стратегическое соглашение между Японией и ЕС является точным ответом на текущие затруднения, колебания, складывающиеся на международной арене. Учитывая их экономическое сотрудничество, прочные политические и культурные связи, а также общий взгляд на мировую систему, ЕС и Япония являются хорошими кандидатами на принятие на себя большей ответственности, от которой отказываются США. Однако ЕС и Япония еще должны доказать самим себе и продемонстрировать миру, что они способны на провозглашенную стратегическую самостоятельность и могут влиять на архитектуру и механизмы глобального управления.

Потенциальные возможности ЕС и Японии не означают, как может показаться, что администрация Д. Трампа отвергает традиционных союзников Америки. В действительности, подчеркивает А. А. Громыко, хозяин Белого дома заставляет европейцев расстаться с иллюзиями вечности патернализма со стороны США

и иждивенческими настроениями; ЕС следует перестать постоянно превозносить США как светоча демократии, одновременно претендуя на лидерские позиции в мире [2].

Первые попытки Токио адаптироваться к политической обстановке, которая становится все более враждебной, были предприняты еще в 2010 г., когда японское правительство утвердило «среднесрочную оборонную программу» и «новые директивы» для укрепления сотрудничества с Вашингтоном [18]. Амбициозные реформы внешнеполитических институтов, начатые С. Абэ, включали создание первого в истории Японии Совета национальной безопасности (2013) в стиле США и Секретариата Совета национальной безопасности, а также принятие Стратегии национальной безопасности. Неудивительно поэтому, что ведущие ученые назвали создание Совета национальной безопасности Японии крупной институциональной реформой, самой амбициозной реорганизацией аппарата внешней политики и политики безопасности после окончания Второй мировой войны [19, 20]. Правительство Японии начало новую серию реформ в 2015 г. под руководством С. Абэ, когда парламент Японии окончательно одобрил долгожданную реформу в области обороны и безопасности страны. Решимость С. Абэ победила оппозицию в парламенте и противодействие общественности. Статья 9 Конституции Японии была переосмыслена. Правящая Либерально-демократическая партия приняла план для реализации своей давней цели по пересмотру пацифистской конституции страны на своем ежегодном съезде 10 февраля 2019 г. С. Абэ планирует пересмотреть пацифистскую конституцию Японии к 2020 г., которая не менялась с момента ее создания семь десятилетий назад.

Европейский союз и Япония традиционно существенно различались в своих представлениях и стратегиях в области региональной безопасности. В Глобальной стратегии ЕС подчеркивается, что в мире, на который, с одной стороны, воздействуют глобальные вызовы, а с другой — локальное противодействие, на первый план выходит региональное сотрудничество. Для ЕС это основной принцип поддержания собственного мира и развития в XXI в. [4, 23]. Европейский союз считает национализм главной угрозой региональной безопасности и рассматривает региональную интеграцию в качестве основной стратегии безопасности. В отличие от этого Япония по-прежнему сосредоточена на традиционных угрозах, исходящих от Северной Кореи и Китая и только недавно начала предпринимать шаги, связанные с региональной безопасностью. Соответственно двустороннее сотрудничество между ЕС и Японией в области региональной безопасности по-прежнему ограничено периодическим сотрудничеством в рамках региональных форумов, таких как саммиты и региональные форумы АСЕАН. Тем не менее Япония адаптируется к меняющемуся ландшафту безопасности, а ЕС включает Японию в орбиту своих усилий по содействию региональной безопасности. Их совместная роль в качестве «мягкой силы» в международной политике должна обеспечить основу для более тесного сотрудничества в области региональной безопасности [11].

С точки зрения обеспечения собственной безопасности ни ЕС для Японии, ни Япония для Европы никакой практической роли не играют и в обозримом будущем вряд ли будут играть. Безопасность Евросоюза обеспечивается в рамках

НАТО и формирующейся европейской политики безопасности и обороны, а Япония сохраняет зависимость от США в обеспечении собственной безопасности [3, 415]. Однако с точки зрения обеспечения глобальной безопасности и содействия общей глобальной ответственности ЕС и Япония являются важнейшими участниками мировых процессов. Они сотрудничают в 12 секторах безопасности [11]. Большая часть сотрудничества в области безопасности между ЕС и Японией носит невоенный характер. В некоторых секторах безопасности уровень сотрудничества очень высокий (например, как было показано выше, в сфере экономической безопасности), в других сферах наблюдается скромный уровень сотрудничества (например, военная, региональная, миграционная безопасность).

В области энергетической безопасности можно отметить растущее сближение позиций ЕС и Японии, в то время как в области климатической безопасности оно остается относительно низким. Европейский союз все больше воспринимает изменение климата как мультипликатор угрозы, когда связь между климатом и энергетической безопасностью требует комплексного политического реагирования. Япония, напротив, не воспринимает их в целом. Важные отличия в ответных политических мерах включают традиционно сильную зависимость Японии от ядерной энергии, в то время как ЕС больше поддерживает альтернативные возобновляемые источники энергии [11].

Нераспространение ядерного оружия всегда рассматривается в качестве первостепенной проблемы в сотрудничестве ЕС и Японии. Однако уровень сотрудничества ЕС и Японии в области ядерного нераспространения не так высок, как это можно было бы ожидать, с учетом высокой степени приверженности двух партнеров этому вопросу. ЕС и Япония — единомышленники, когда дело касается киберпространства, их видение Интернета имеет общую основу — многосторонний, открытый, свободный и доступный для всех. Европейский союз и Япония существенно увеличили свои усилия по обеспечению безопасности киберпространства в последние десять лет перед лицом растущих кибератак. Япония и ЕС укрепляют сотрудничество в области кибербезопасности в преддверии Олимпийских и Параолимпийских игр в Токио в 2020 г.: в городе ожидают значительных киберугроз.

Сотрудничество с Японией в вопросах обеспечения безопасности имеет ключевое значение для Европы по целому ряду причин. Во-первых, безопасность Европы и ее способность оставаться глобальным игроком в немалой степени зависят от ее возможности оказывать влияние на Индо-Тихоокеанское пространство, поскольку оно становится центром нервной системы как мировой экономики, так и глобальной геополитики. Европейцы напрямую заинтересованы в сохранении там порядка, основанного на либеральных ценностях. Именно защита этих либеральных принципов объединяет европейцев и японцев. Во-вторых, важной движущей силой растущего интереса Европы к Японии является осознание большинством ключевых держав и институтов Европы того факта, что Китай вряд ли примет многосторонние, основанные на правилах подходы к урегулированию конфликтов, поскольку Пекин продолжает отстаивать свои территориальные притязания без учета интересов и взглядов своих морских соседей [22]. В-третьих, Япония,

занимающая в целом достаточно умеренную позицию в вопросах использования силы при решении международных конфликтов, служит Евросоюзу дополнительным моральным аргументом в дистанцировании от излишней агрессивности Вашингтона и подчеркивает стремление Европы к принципу многополярности мира [3, 415].

С точки зрения Японии сотрудничество с ЕС в невоенной сфере дополняет сотрудничество с США в области безопасности и отражает стратегии внешней политики и политики безопасности, разработанные Японией в 1990-х гг., в связи со становлением ЕС в качестве более активного субъекта внешней политики и политики безопасности, имеющего потенциально глобальный характер. Расширение взаимодействия Японии с ЕС после окончания холодной войны обусловлено диверсификацией внешней политики и политики в области безопасности Японии, которые до этого определялись почти полностью двусторонним союзом с США. Токио считает, что интенсификация отношений с ЕС укрепит равновесие международной дипломатии, сделав Японию менее уязвимой для обвинений в том, что ее региональная внешняя политика и политика безопасности должны быть поддержаны или даже одобрены Вашингтоном.

Несмотря на заинтересованность со стороны Европы в укреплении сотрудничества с Японией, существует ряд серьезных препятствий для развития тесных связей в будущем. Одно из них — отсутствие единства в ЕС. Несмотря на согласие между европейскими игроками, достигнутое на таких форумах, как саммиты ЕС и G7, каждый из них продвигается вперед индивидуально, в соответствии со своими национальными или институциональными приоритетами. Одним из последних примеров, подтверждающих данное положение, является встреча канцлера Германии А. Меркель с премьер-министром С. Абэ в Токио 4 февраля 2019 г. Оба лидера обязались и дальше укреплять двусторонние отношения, поскольку мир сталкивается с растущим протекционизмом и предполагаемым выходом Соединенного Королевства из ЕС [24]. Формирование единой политики среди европейцев в отношении Азии может стать еще более сложным процессом после Brexit, особенно если выход Великобритании из ЕС не будет сбалансирован новыми механизмами координации внешней политики и политики безопасности.

Еще одним сдерживающим фактором в ЕС с точки зрения развития отношений с Японией является необходимость поддерживать баланс либерального порядка среди стран-единомышленников в регионе в отношениях с Китаем. Европейцы не хотят, чтобы их ставили в положение, когда они должны встать на сторону той или иной стороны в случае обострения территориального конфликта в Индо-Тихоокеанском регионе. В то время как увеличивается скептицизм по поводу совместимости китайской модели управления с либеральным порядком, европейская экономика остается глубоко взаимосвязанной с китайской. И последнее, но не менее важное — географическая удаленность. Большинство европейских стран сосредоточено главным образом на своих географических соседях. И в последние годы количество и острота конфликтов там возросли — от Украины до Сирии. Лишь немногие из крупных европейских стран действительно считают, что они играют важную роль в Индо-Тихоокеанском регионе [22].

Заключение

Анализ документов Евросоюза, в частности, Глобальной стратегии ЕС, Соглашения о стратегическом партнерстве и Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и Японией, показывает, что наступила новая эра, расширяющая сотрудничество в области безопасности между Европой и Японией. Партнеры в равной степени обеспокоены ростом Китая, растущей напористостью России и перспективами относительного упадка США. Вышеупомянутые события заставляют как японцев, так и европейцев адаптировать свои соответствующие внешнеполитические стратегии в области безопасности. Становление и эволюцию формирования совместного стратегического партнерства в области экономической безопасности между ЕС и Японией можно разделить на три периода с четко выраженной целенаправленностью, которые обозначены Совместной декларацией 1991 г., Планом действий 2001 г. и Соглашениями об экономическом партнерстве и стратегическом партнерстве 2018 г. Подписание Соглашения об экономическом партнерстве отражает настоятельную необходимость сотрудничества ЕС и Японии в целях обеспечения их экономической безопасности как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Соглашение позволяет предприятиям и потребителям по всей Европе и в Японии воспользоваться самой большой открытой торговой зоной в мире. Соглашение о стратегическом партнерстве создает более прочную основу для развития глубоких политических связей и связей в области безопасности между Японией и ЕС. Соглашение представляет собой юридически обязательный пакт, охватывающий не только политический диалог и политическое сотрудничество, но и сотрудничество по региональным и глобальным проблемам, включая окружающую среду и изменение климата, политику в области гуманитарного развития, кибербезопасности, ликвидации последствий стихийных бедствий, а также политику в области нераспространения.

1. *Браттберг Э., Шофф Д. Л.* Что означает для США и мира торговая сделка ЕС и Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/72950> (дата обращения: 20.02.2019).

2. *Громыко А.* Расколотый Запад: последствия для евроатлантики // Современная Европа. 2018. № 4.

3. Доклад о Глобальной стратегии ЕС: год действий, направленных на решение «предсказуемой непредсказуемости» [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage/47694/node/47694_ru/ (дата обращения: 10.01.2019).

4. Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной, Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М., 2012.

5. Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

6. Специальный репортаж: Механизм «Группы двадцати» придает новый импульс развитию мировой экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1126/c95181-9521973.html> (дата обращения: 10.01.2019).

7. Америке пора признать, что она не гегемон, и поделиться властью [Электронный ресурс]. URL: <https://finansum.ru/154388-amerike-pora-priznat-chto-ona-ne-gegemon-i-podelitsya-vlastyu-new-york-times.html> (дата обращения: 07.03.2019).

8. China: No way U.S. can force trade deal [Electronic resource]. URL: <http://the-japan-news.com/news/article/0005540141> (accessed: 29.01.2019).
9. An Action Plan for EU-Japan Cooperation European Union – Japan Summit Brussels 2001 [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/summit/action0112.html> (accessed: 25.02.2019).
10. DEFENSE OF JAPAN 2018: Оборона Японии [Electronic resource]. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2018/DOJ2018_Digest_RU.pdf (accessed: 26.02.2019).
11. Developing EU-Japan relations in a changing regional context : a focus on security, law and policies / Ed. by D. Vanoverbeke, Takao Suami, Takako Ueta, N. Peeters, F. Ponjaert. 1-st Edition. L., Routledge, 2017.
12. EU – Japan Security Cooperation. Trends and Prospects. Edited By Emil J. Kirchner, Han Dorussen. 1st Edition. eBook Published 28 September 2018. London. Routledge. 246 pages [Electronic resource]. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781138315808> (accessed: 16.03.2019).
13. EU – Japan trade agreement enters into force [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/commission/news/eu-japan-trade-agreement-enters-force-2019-feb-01_en (accessed: 28.02.2019).
14. From Shared Vision to Common Action: A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Implementation Report. Year 2 June 2018 [Electronic resource]. URL: https://cdn2-eas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/OfPSzAknETQLzV4o-ymhDUAVK9KL8NfCN3aZb_7fKA/mtime:1529935241/sites/eeas/files/eugs_annual_report_year_2.pdf (accessed: 08.01.2019).
15. *Fukushima G.* The U. S.-China rivalry and Japan [Electronic resource]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/01/20/commentary/world-commentary/u-s-china-rivalry-japan/#.XExwNIUzbiU> (accessed: 26.01.2019).
16. *Hitoshi Suzuki.* The new politics of trade: EU-Japan // Journal of European Integration. Vol. 39. 2017. Iss. 7. P. 875–889 [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07036337.2017.1371709?scroll=top&needAccess=true&journalCode=geui20> (accessed: 20.01.2019).
17. *James L. Schoff* Political Change in America and Implications for the US-Japan Alliance, Asia-Pacific Review. 2018. 25:2. 45–63 [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13439006.2018.1545489> (accessed: 03.03.2019).
18. *Legrand Jérôme.* IN-DEPTH ANALYSIS. EU-Japan cooperation on global and regional security – a litmus test for the EU's role as a global player? // Policy Department for External Relations Directorate General for External Policies of the Union PE 570.492 – June 2018 [Electronic resource]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/570492/EXPO_IDA\(2018\)570492_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/570492/EXPO_IDA(2018)570492_EN.pdf) (accessed: 12.03.2019).
19. *Liff Adam P.* Japan's National Security Council Policy Coordination and Political Power [Electronic resource]. URL: http://www.adamphailiff.com/documents/Liff_JapansNationalSecurityCouncil.pdf (accessed: 14.03.2019).
20. *Mayumi Fukushima, Richard J. Samuels.* Japan's National Security Council: Filling the whole of government? // International Affairs 94(4) June 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/scientific-contributions/2144086557_Mayumi_Fukushima (accessed: 03.03.2019).
21. Mogherini in Munich: The European way to security. 18/02/2019 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/ru/eu-information-russian/58324/node/58324_en (accessed: 07.03.2019).
22. Natural partners? Europe, Japan and security in the Indo-Pacific. Luis Simón & Ulrich Speck (Eds.). Policy Paper 4/2018 – 12/11/2018 [Electronic resource]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/policy-paper-2018-natural-partners-europe-japan-security-indo-pacific (accessed: 10.03.2019).
23. *Radu Magdin.* Quest for Japan-EU leadership [Electronic resource]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/02/27/commentary/japan-commentary/quest-japan-eu-leadership/#.XHmE-MAZbiU> (accessed: 18.02.2019).
24. *Reiji Yoshida.* Abe and Merkel seek to take Japan-Germany ties to 'higher level' amid trade turmoil and Brexit [Electronic resource]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/02/04/national/politics-diplomacy/abe-merkel-seek-take-japan-german-ties-higher-level-amid-trade-turmoil-brexit/#.XFm8fIUzbiU> (accessed: 11.03.2019).

25. Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one Part, and Japan, of the other Part [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000381942.pdf> (accessed: 28.01.2019).

26. The EU – Japan Economic Partnership Agreement. Policy Department for External Relations Directorate General for External Policies of the Union PE 603.880 – September 2018 [Electronic resource]. URL: http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/10/EXPO_STU2018603880_EN.pdf (accessed: 07.01.2019).

27. *Tomohiro Osaki*. In annual policy speech, Abe omits passage on ties with South Korea [Electronic resource]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/28/national/politics-diplomacy/annual-policy-speech-abe-omits-passage-ties-south-korea/#.XE89YFUzbIU> (accessed: 29.01.2019).

Рукопись поступила в редакцию 27 марта 2019 г.

УДК 327(575.1) + 323.1(575.1) + 330(575.1)

Д. А. Борисов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА ПРИ Ш. МИРЗИЁЕВЕ: СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА

В статье проводится анализ изменений во внешней политике Узбекистана после избрания на пост президента Ш. Мирзиёева. На основе ситуационного анализа принятых доктринальных документов и первых дипломатических шагов нового президента отмечается, что Узбекистану за короткий период удалось занять выгодную дипломатическую позицию в качестве передаточного звена в развитии китайских транспортно-логистических проектов через евразийское пространство. Автор подчеркивает, что внешнеполитическое целеполагание Узбекистана тесно увязывается с задачами социально-экономического развития, а активная экономическая дипломатия КНР вынуждает Ташкент искать соразмерные экономические противовесы в регионе. Дополнительно в работе фиксируется изменение качества межгосударственных отношений Узбекистана со странами-соседями, которые во многом происходят под давлением трансграничного императива китайского проекта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Узбекистан, внешняя политика, Центральная Азия, социально-экономическое развитие, региональная кооперация, национальные интересы.

К началу второго десятилетия XXI в. экономика Узбекистана была одной из самых динамично развивающихся среди экономик стран региона: среднегодовой рост ВВП за первое десятилетие составлял почти 7 %. Одним из главных драйверов экономического роста в новом тысячелетии стала внешняя торговля. Соответственно сокращение показателей внешнеэкономической деятельности (ВЭД) во втором десятилетии привело к замедлению экономического развития страны: падение объемов внешней торговли с 25 млрд долл. США в 2012 г. до 19 млрд долл. США в 2016 г. сопровождалось падением роста ВВП с 8,2 % в 2012 г. до 6 % в 2017 г. [1]. Перед страной объективно возникла необходимость стимулирования сферы ВЭД для сохранения высоких темпов экономического

развития, где важной составляющей становится модернизация торгово-транспортной инфраструктуры для обеспечения конкурентного доступа узбекских товаров на мировой рынок.

В этом контексте объективные потребности социально-экономического развития Узбекистана совпали с объявленной в 2013 г. КНР инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП), у Ташкента появилась возможности как привлечения дополнительных инвестиций и льготного кредитования со стороны китайских финансовых институтов (прежде всего Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути), так и диверсифицирования своей транспортной инфраструктуры, обеспечивающего большую связанность транспортной системы страны с существующими и планируемыми транспортными коридорами в Центральной Азии (ЦА).

В то же время в последние годы правления И. Каримова наблюдался отход от традиционных внешнеполитических приоритетов Узбекистана (равноудаленность от основных центров мировой политики и активное участие в жизни ЦА). Ташкент под грузом накопившихся территориальных и водных проблем стал проводить курс на самоизоляцию и блокировку регионального межгосударственного диалога [2]. Баланс интересов начал смещаться в сторону китайской стороны, что моментально отразилось на показателях внешней торговли: доля РФ и Казахстана в экспорте узбекских товаров сократилась с 40,1 % в 2012 г. до 21,1 % в 2016 г. [3]. Однако в 2016 г. в силу естественных причин в Узбекистане начался новый политический цикл, новому руководству страны предстояла задача по преодолению сложившихся негативных инерций внешнеполитического курса И. Каримова.

После победы Шавката Мирзиёева на выборах президента Узбекистана транзит власти прошел без социально-политических потрясений, что позволило новому узбекскому руководству сфокусироваться на решении задач экономического развития страны. 7 февраля 2017 г. был представлен подход нового руководства страны к ключевым направлениям развития — Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития страны в 2017–2021 годах (далее — Стратегия) [4]. Стратегия получила подчеркнутые акценты на внутренних проблемах государства, а основные разделы выстраиваются вокруг задач интенсификации социально-экономического развития. В разделах, касающихся международного сотрудничества, воспроизводятся традиционные модели узбекской внешней политики с упором на равноудаленность от основных центров региональной и мировой политики, а также на активную роль Узбекистана в региональной политике. В частности, в тексте стратегии нет ни одного указания на конкретные экономические блоки, инициативы или международных партнеров.

Тем не менее контент-анализ текста разделов Стратегии показывает большое количество пересечений и совпадений как с китайскими, так и с российскими экономическими инициативами в регионе, что свидетельствует о фактическом встраивании планов социально-экономического развития Узбекистана в макроэкономический контекст Центральной Азии.

Во-первых, цель разделов Стратегии «Совершенствование государственного и общественного строительства» и «Обеспечение верховенства закона

и реформирование судебно-правовой системы» — сформировать заявку против сложившегося негативного реноме Узбекистана как государства с высоким уровнем коррупции и развитой клановой системой. Такие задачи, как укрепление независимости судебной власти, повышение эффективности системы противодействия преступности и профилактики правонарушений, усиление роли парламента и политических партий, реформирование системы государственного управления, практическая реализация механизмов общественного контроля, — все это с точки зрения внешней политики можно рассматривать как попытку нивелировать сдерживающие факторы развития инвестиционного климата страны. Основной посыл этих частей Стратегии — гарантии права частной собственности и эффективного использования вложенных иностранных капиталов для иностранных инвесторов и партнеров.

Во-вторых, в разделе Стратегии «Развитие и либерализация экономики» узбекское руководство поднимает вопросы развития внешнеторговых отношений и международной промышленной кооперации. Выстраивается взаимосвязанная система экономического развития, состоящая из задач по укреплению макроэкономической стабильности, сохранению высоких темпов роста экономики, повышению конкурентоспособности, модернизации сельского хозяйства, продолжению институциональных и структурных реформ по сокращению присутствия государства в экономике, усилению защиты прав и приоритетному развитию частной собственности, стимулированию развития малого бизнеса и частного предпринимательства, комплексному и сбалансированному социально-экономическому развитию регионов, районов и городов, активному привлечению иностранных инвестиций в отрасли экономики и регионы страны путем улучшения инвестиционного климата. Дополнительно можно отметить, что содержательное и смысловое наполнение этой части Стратегии является самым структурированным и объемным (почти 10 тыс. знаков из 31 тыс. знаков на русском языке), что также косвенно свидетельствует о приоритете внешнеэкономической деятельности в доктрине нового руководства Узбекистана.

В-третьих, раздел «Развитие социальной сферы» содержит указания на активизацию строительства, в том числе в сфере дорожно-транспортной и инженерно-коммуникационной инфраструктуры, что напрямую соотносится с основным смыслом инициативы ОПОП.

Новый президент Узбекистана Ш. Мирзиёев провозгласил амбициозные планы модернизации и интенсификации экономического развития страны, но выдвинутые внутренние задачи развития узбекской экономики были по многим позициям прямо или косвенно увязаны с внешними акторами. Макроэкономика Центральной Азии ограничена в направлениях межгосударственного сотрудничества для малых стран региона. Российская инициатива, предполагающая наднациональные формы сотрудничества, противоречит формуле внешней политики Ташкента. Поэтому условия китайского проекта наиболее точно подходят современному внешнеполитическому курсу Узбекистана, тесно коррелируя с задачами по диверсификации внешнеторговых транспортных маршрутов и привлечению инвестиций в развитие экономической инфраструктуры. Более

того, позиции китайской стороны заметно укрепились после того, как в июне 2016 г. был построен ключевой объект узбекско-китайской инфраструктуры — железнодорожная линия Ангрэн — Пап через перевал Камчик, которая завершила формирование единой целостной системы железнодорожного сообщения Узбекистана, а также стала потенциально крупным звеном международного транзитного железнодорожного коридора Китай — Центральная Азия — Европа [5].

Узбекистан, несмотря на ажиотаж вокруг проекта ОПОП, дистанцируется от китайского проекта на доктринальном уровне. В этом контексте основная внешнеполитическая цель Ш. Мирзиёева — переключиться с политики равноудаленности на политику динамического баланса внешнеполитических интересов: не допустить или максимально сгладить асимметрию в пользу китайской стороны и обеспечить более надежную переговорную позицию с Пекином. Ивент- и контент-анализы первых международных шагов нового президента Узбекистана демонстрируют, что свою цель Узбекистан осуществляет через решение двух внешнеполитических задач: первая — усиление экономических связей с РФ как противовес экономической кооперации с КНР; вторая — перезапуск региональной дипломатии по экономическим вопросам и проблемам безопасности при лидирующем участии Ташкента, чтобы утвердить узбекскую сторону в качестве мотивированного и деятельного участника общерегиональной повестки развития.

6–7 марта 2017 г. состоялся первый государственный визит Ш. Мирзиёева в Туркмению [6]. Визит в страну, реализующую политику нейтралитета, стал символом приверженности нового руководства Узбекистана принципам предыдущего руководства — равноудаленность и акцент на региональную дипломатию. В ходе переговоров были подняты важные практические темы сотрудничества, прежде всего во внешнеэкономической деятельности: строительство автомобильных и железнодорожных мостов, организация транзита и перевозки грузов, таможенные преференции.

22–23 марта 2017 г. состоялся государственный визит президента Узбекистана в Казахстан, который подтверждает внимание проблематике Центральной Азии во внешней политике Ташкента [7]. Ш. Мирзиёев воспользовался статусом «новоиспеченного руководителя», чтобы вывести казахско-узбекские отношения из кризиса, в котором они пребывали последнее время. С казахской стороны также обсуждались вопросы внешнеэкономической логистики: внешнеторговые преференции, скидки на транзит грузов, реконструкция автомобильных дорог.

4–5 апреля 2017 г. Ш. Мирзиёев совершил государственный визит в Россию. Во встрече приняли участие большое количество представителей политических и деловых кругов РФ и Узбекистана, а по итогам переговоров было заключено 50 договоров на общую сумму 15 млрд долл. США [8]. Такие результаты свидетельствуют о качественно новом этапе в российско-узбекских отношениях [9]. Важным итогом российско-узбекских переговоров стало формирование новой модели межгосударственных отношений, где РФ подтверждает особый статус отношений между Москвой и Ташкентом: активное развитие двухсторонних торгово-экономических и инвестиционных связей без включения Узбекистана в экономические и военно-политические проекты РФ.

И наконец, 11–13 мая 2017 г. Ш. Мирзиёев совершил государственный визит в КНР [10]. Как и ожидалось, в рамках этого визита было уделено большое внимание теме присоединения Узбекистана к китайским планам по развитию центральноазиатской промышленной и логистической инфраструктуры в фарватере ОПОП. Однако необходимо указать, что предшествующая дипломатическая активность Узбекистана способствовала достижению высоких практических результатов в переговорах с КНР: было подписано 105 договоров на общую сумму 23 млрд долл. США [11]. Более того, было подписано Совместное заявление о дальнейшем углублении отношений всестороннего стратегического партнерства, в котором были обозначены приоритетные направления экономического сотрудничества: торгово-экономическое, инвестиционное, финансово-техническое, транспортно-коммуникационное, сельскохозяйственное взаимодействие, а также создание промышленных парков.

Первые дипломатические шаги Ш. Мирзиёева демонстрируют намерения Узбекистана восстановить динамический баланс в треугольнике Москва – Ташкент – Пекин. В качестве практического результата можно отметить, что внешняя политика нового узбекского руководства повлияла на динамику торгово-экономических связей между Узбекистаном и ЕАЭС: в 2017 г. доля РФ и Казахстана в экспорте Узбекистана составила 23,3 %, а по результатам девяти месяцев 2018 г. экспорт возрос до 27,4 % [12]. Таким образом, экономика ЕАЭС потеснила КНР с позиции лидирующего внешнеторгового партнера Узбекистана, переломив негативные тенденции последних лет.

В качестве дополнения можно отметить, что на саммите глав-государств ШОС в Циндао в 2018 г. повторилась последовательность дипломатических встреч на высшем уровне в треугольнике Москва – Ташкент – Пекин: сперва Мирзиёев – Путин, после Мирзиёев – Си, что косвенно свидетельствует о формировании определенной дипломатической тактики президента Узбекистана.

Дальнейшая внешнеполитическая активность нового руководства Узбекистана демонстрирует намерение укрепить переговорные позиции страны в качестве координатора общерегиональной повестки стран Центральной Азии, где в основе лежит идея формирования пояса благополучия с акцентом на взаимное социально-экономическое развитие народов стран Центрально-Азиатского региона. Послание Олий Мажлису и выступление в ГА ООН Ш. Мирзиёева в 2017 г. четко обозначили основную идею внешней политики Узбекистана: Центральная Азия – главный приоритет внешней политики на основе диалога, добрососедства и взаимных компромиссов [13, 14].

Практическое отражение внешнеполитических задач просматривается в экономической дипломатии Узбекистана со странами-соседями, где красной линией через все заявления и соглашения проходит идея создания единого экономического и транспортно-логистического пространства между странами ЦА как залог успешного социально-экономического развития и модернизации стран региона.

Казахстан. Восстановление и перезапуск двустороннего диалога с казахской стороной являлось важным условием для эффективной внешней политики Узбекистана. В период с 2017 по 2018 г. казахское направление стало самым

активным: президент Узбекистана совершил шесть поездок в Казахстан [15]. Важным результатом стали Совместная декларация о дальнейшем углублении стратегического партнерства и укреплении добрососедства между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, Стратегия экономического сотрудничества на 2017–2019 гг. и Соглашение о межрегиональном сотрудничестве. Эти документы являются отражением нового статуса межгосударственных отношений между странами. В ходе данного двухлетнего дипломатического процесса постоянной темой для переговоров стала сфера транспорта и развития транзитных коридоров для обеспечения кратчайших и эффективных выходов на внешние рынки. В частности, подчеркивается, что установление взаимных преференций во внешней торговле и дополнительных скидок на осуществление транзитных перевозок внешнеторговых грузов по своим территориям позволит кардинально расширить сотрудничество в данной сфере и привлечь значительные объемы транзитных грузов. Отмечается заинтересованность в скорейшей реализации проекта реконструкции автомобильной дороги Бейнеу — Акжигит — граница Узбекистана.

Туркмения. За 2017–2018 гг. Ш. Мирзиёев четыре раза посетил Туркменистан, была существенно обновлена нормативно-правовая фактура двухсторонних отношений. Среди наиболее значимых документов можно отметить Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Туркменистаном, Договор об экономическом сотрудничестве на 2018–2020 гг. В современном туркмено-узбекском диалоге прослеживается явный акцент на торгово-экономические и транспортно-логистические направления сотрудничества. Президенты двух стран прямо подчеркивают, что транспортная отрасль является одним из приоритетных направлений экономического сотрудничества. Дается высокая оценка открытию автомобильного и железнодорожного мостов Туркменабад — Фараб, а важным ориентиром в развитии отношений между Ташкентом и Ашхабадом декларируется Транскавказский транспортный коридор в страны Южной и Центральной Европы, Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии и реализация международного транспортного коридора Узбекистан — Туркменистан — Иран — Оман.

Киргизия. Под влиянием противоречий по территориальному вопросу киргизо-узбекские отношения накануне избрания Ш. Мирзиёева находились в дипломатическом тупике. Однако Кыргызстан является важным партнером в обеспечении логистики по маршруту Европа — Узбекистан — Китай, гарантируя перспективные проекты для включения Узбекистана в евразийские логистические маршруты Термез — Мазари-Шариф — Андхой — Герат — Иран и Герат — Андхой — Мазари-Шариф [16]. Соответственно новый внешнеполитический курс Ташкента не мог обойти стороной вопросы налаживания отношений с Бишкеком. Три визита и три приема на высшем и высоком уровне в течение двух лет кардинальным образом перезапустили киргизо-узбекские отношения [15]. 2017 год стал прорывным в отношениях между Ташкентом и Бишкеком: удалось согласовать прохождение 85 % государственной границы и активизировать работу межправительственной комиссии для выработки решения по остальным 15 %; подписана Декларация о стратегическом партнерстве, укреплении дружбы, добрососедства и доверия

между Республикой Узбекистан и Кыргызской Республикой. Киргизо-узбекский дипломатический процесс не стал исключением, в документах и заявлениях подчеркивается стратегический характер двухстороннего сотрудничества в сфере транспорта и развития транзитных коридоров, обеспечивающих кратчайший и эффективный выход на внешние рынки.

Таджикистан. К началу 2017 г. таджико-узбекские отношения под влиянием водных и территориальных конфликтов также пребывали в замороженном состоянии. Тем не менее дипломатическая активность Ш. Мирзиёева смогла переломить негативную тенденцию в отношениях между Душанбе и Ташкентом. Четыре встречи на высшем уровне в течение 2018 г. позволили подписать 29 двухсторонних договоров, в том числе Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан, а президенты двух стран констатировали, что между Узбекистаном и Таджикистаном не осталось нерешенных вопросов [15]. В таджико-узбекских переговорах также прослеживаются внешнеэкономический лейтмотив и акцент на развитие транспортно-логистической кооперации. Во время встречи с таджикским лидером Ш. Мирзиёев заявил: «Сегодня перед нами открываются огромные возможности для полной реализации торгово-экономического и транспортно-коммуникационного потенциала наших стран, активизации культурно-гуманитарных обменов. Мы хотим, чтобы этот визит стал по-настоящему историческим, а наши соглашения долгие годы служили нашим народам» [17].

За короткий период Узбекистан смог добиться значительных успехов во внешней политике со своими соседями, удалось установить или обновить стратегические основания двухсторонних отношений с явным акцентом на прагматичные направления социально-экономического развития, особенно в области общерегиональной транспортно-логистической кооперации. Узбекской стороне, используя двухсторонние форматы, удалось запустить новую содержательную региональную повестку дня, где главными информационными паттернами стали транзитный потенциал, увеличение объемов перевозки грузов, взаимные экономические интересы, преференции, транспортные коммуникации, инфраструктура и др.

Дипломатическая инициатива Узбекистана на основе принципа «Центральная Азия прежде» распространилась и на многосторонний формат внешней политики Ташкента. Презентация основных детерминант многосторонней дипломатии Ш. Мирзиёева состоялась 27 марта 2018 г. на Ташкентской международной конференции высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». Президенту Узбекистана в течение 2017–2018 гг. удалось согласовать с региональными и международными партнерами открытие нового дипломатического трека по решению проблем Афганистана.

Можно заметить ряд установок многосторонней внешней политики нового президента Узбекистана. Во-первых, Ташкентская конференция стала заявкой на лидерство Узбекистана в деле сплочения стран Центральной Азии и налаживания работы по созданию образа совместного будущего. Узбекистан выступил с позиции выразителя общерегиональных интересов центральноазиатских

стран, последовательно продвигая идеи: Центральная Азия — мост между Европой и Азией; будущее региона — в руках самих стран региона; процветание ЦА — главный мотив внешней политики, неделимости безопасности стран ЦА. Президент Узбекистана указывает на необходимость повысить коллективную субъектность стран региона на фоне растущих амбиций глобальных акторов [18]. Во-вторых, Ташкент увязал вопросы коллективной безопасности с вопросами социально-экономического развития, подчеркивая прямую зависимость между этими сферами жизнедеятельности. Более того, экономическое развитие формулируется предельно утилитарно: реализация региональных торгово-транзитных, транспортных, энергетических, инфраструктурных и коммуникационных проектов [19].

В этом контексте накануне Ташкентской конференции было проведено первое заседание нового формата сотрудничества «Центральная Азия + Афганистан» (С5+1), нацеленного на обсуждение конкретных направлений взаимодействия между странами Центральной Азии и Афганистаном. Работа данного формата будет способствовать успешной интеграции Афганистана в систему торгово-экономических и инфраструктурных связей с государствами Центральной Азии, эффективной реализации конкретных проектов и программ общерегионального масштаба.

Действие вышеуказанных детерминант многосторонней дипломатии Узбекистана можно проследить и во время выступления узбекской стороны на саммите ШОС в Циндао, которое получило наполнение экономической проблематикой, что не характерно для сложившегося дискурса внутри этой организации [20]. Узбекистан прямо заявил о развитии торговых и транспортных связей в рамках ШОС и выступил в поддержку строительства железнодорожных линий Мазари-Шариф — Герат, Китай — Кыргызстан — Узбекистан, а также за развитие трансрегиональных коридоров Центральная Азия — Персидский залив, Север — Юг и Восток — Запад.

Первые годы президентства Шафката Мирзиёева позволяют зафиксировать как переосмысление традиционных принципов внешней политики, так и появление новых теоретических и практических аспектов в двухсторонней и многосторонней дипломатии Узбекистана. На стратегическом уровне Узбекистан продолжил дистанцирование от основных центров мировой политики, декларируя в документах внутренние проблемы социально-экономического и политического развития страны.

Однако логика поставленных задач внутригосударственного развития Узбекистана во многом пересеклась и была увязана с планами экономического развития крупных государств, прежде всего КНР с его инициативой «Пояса и пути». Руководство Узбекистана выработало ответ на вызовы в сложившихся экономических и политических реалиях Центрально-Азиатского региона. С одной стороны, продолжилось развитие внешнеэкономических связей с КНР и участие в китайской транспортно-логистической инициативе с целью дальнейшей диверсификации транспортных торговых маршрутов, привлечения инвестиций и увеличения товарооборота, с другой — начала реализовываться новая дипломатическая

стратегия для повышения переговорных позиций Ташкента в экономической дипломатии с Пекином, чтобы компенсировать дисбаланс в пользу китайской стороны во внешней политике Узбекистана.

Новый внешнеполитический курс условно можно разделить на три направления. Первое — интенсификация торгово-экономических, инвестиционных и кооперационных связей в промышленности с экономиками ЕАЭС, прежде всего — с РФ. Второе — повышение роли Узбекистана как координатора взаимосвязанной социально-экономической повестки между странами Центральной Азии с помощью пересмотра стратегических основ двухсторонних отношений со странами-соседями в пользу конкретных общерегиональных экономических задач в области транспорта и либерализации внешнеэкономической деятельности. Третье — формирование имиджа Узбекистана как ответственного участника в области многосторонней региональной безопасности, который способен формулировать и осуществлять инициативы регионального значения в решении проблем безопасности.

Дипломатический стиль президента Ш. Мирзиёева продемонстрировал свою работоспособность: удается эффективно обеспечивать национальные интересы Узбекистана, балансируя между интересами глобальных и региональных акторов в ЦА. В общем, можно отметить, что Узбекистан становится заметным партнером для КНР в реализации китайских транспортно-логистических проектов через евразийское пространство как в идеологическом, так и в практическом смысле, что формирует сильную переговорную позицию в экономической дипломатии между Узбекистаном и Китаем.

1. ЮНКТАД. Статистические данные по экономическому развитию и внешней торговле Узбекистана за 2012–2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 10.01.2019).

2. *Мальшева Д. Б.* Обновление внешней политики Узбекистана // Запад–Восток–Россия 2017 : ежегодник / отв. ред. Д. Б. Мальшева, В. Г. Хорос. М., 2018. С. 92–98.

3. Центр международного развития Гарвардского Университета. Статистические данные по внешнеторговым партнерам Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu> (дата обращения: 10.01.2019).

4. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017–2021 гг. от 07.02.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy> (дата обращения: 10.01.2019).

5. Сайт МИД Узбекистана. Узбекистан: интеграция в интересах развития [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.uz/ru/press/news/2017/04/10719/> (дата обращения: 10.01.2019).

6. Сайт Президента Узбекистана. Узбекистан и Туркменистан — стратегические партнеры. 06.03.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/292> (дата обращения: 10.01.2019).

7. Сайт Президента Узбекистана. Подписаны перспективные документы между Узбекистаном и Казахстаном. 23.03.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/342> (дата обращения: 10.01.2019).

8. ИА Спутник. Визит Мирзиёева в РФ: третий по очереди — первый по важности. 05.04.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/20170405/5132722/Mirziyev-Uzbekistan-vizit-Putin.html> (дата обращения: 10.01.2019).

9. Сайт Президента Узбекистана. Исторический визит, открывший новые горизонты сотрудничества Узбекистана и России от 06.04.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/383> (дата обращения: 10.01.2019).

10. Сайт Президента Узбекистана. Высокие результаты сотрудничества, основанного на взаимном доверии и прочной дружбе. 15.05.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://president.uz/ru/lists/category/8?page=18&per-page=10> (дата обращения: 10.01.2019).

11. ИА Sputnik. Юани в кармане, или Гостинцы из Поднебесной. 16.06.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/20170515/5409178/Mirziyev-itogi-vizit-kitai.html> (дата обращения: 10.01.2019).

12. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан за январь — декабрь 2017 г. и январь—июль 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost-i-torgovlya/analitika-torgovlya> (дата обращения: 10.01.2019).

13. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 23.12.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.uz/main/page?id=293> (дата обращения: 10.01.2019).

14. Выступление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 20.09.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/0OI_DAz8Tvk (дата обращения: 10.01.2019).

15. Сайт Президента Узбекистана. Зарубежные визиты Президента Узбекистана в 2016–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/category/8> (дата обращения: 10.01.2019).

16. *Эргашев Б.* Экономический пояс шелкового пути и Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <http://china-uz-friendship.com/?cat=8> (дата обращения: 10.01.2019).

17. Сайт Президента Узбекистана. В узбекско-таджикских отношениях открываются огромные возможности. 17.08.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1941> (дата обращения: 10.01.2019).

18. Заявление МИД Узбекистана. Ташкентская международная конференция высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.uz/ru/press/statements/2018/03/14123/> (дата обращения: 10.01.2019).

19. Ташкентская декларация по Афганистану 27 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ut.uz/ru/politika/tashkentskaya-deklaratsiya-po-afganistanu/> (дата обращения: 10.01.2019).

20. Сайт Президента Узбекистана. Выдвинуты практические предложения по развитию торговых связей на пространстве ШОС. 10.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1775> (дата обращения: 10.01.2019).

Рукопись поступила в редакцию 14 января 2019 г.

УДК: 327(5-191.2) + 329.12 + 316.44

Б. Х. Бахриев

**ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ
(на примере Организации Ага Хана по развитию)**

В настоящей статье автор на примере деятельности Организации Ага Хана по развитию рассматривает социально-гуманитарную деятельность негосударственных акторов в постсоветской Центральной Азии. Утверждается, что, несмотря на возросшую роль негосударственных акторов в социально-гуманитарном измерении мировой политики, их деятельность не всегда воспринимается позитивно. Сложным регионом в этом отношении для работы негосударственных акторов является и Центральная Азия, хотя социально-экономические проблемы государств на ее территории генерируют значительный запрос на участие в их решении международных негосударственных акторов. На малоизученном кейсе — примере результатов деятельности Организации Ага Хана по развитию (в области гуманитарной помощи, образования, культуры и здравоохранения) — демонстрируется позитивное влияние государственно-частного партнерства в решении насущных социально-гуманитарных проблем государств Центральной Азии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: негосударственные акторы, неолиберализм, Организация Ага Хана по развитию, Центральная Азия, социально-гуманитарная деятельность.

В современной мировой политике возросшая роль негосударственных акторов (далее — НГА) является очевидным фактом. Их возникновение оказало существенное влияние как на теоретические аспекты мирополитических исследований, так и на политическую практику в рамках Вестфальской системы международных отношений. Последняя, по мнению американских политологов Дж. Ная и Р. Кохейна, начала трансформироваться под влиянием *новых* акторов. Эту идею упомянутые ученые выдвинули еще в 1973 г. в своем классическом труде «Транснациональные отношения и мировая политика» [29]. Изначально скептически воспринятая идея (в основном со стороны неореалистского лагеря) об акторности НГА впоследствии стала основой одного из популярных и солидно разработанных направлений неолиберальной школы теории международных отношений — транснационализма, или плюрализма.

Дискуссии о сущности, подлинной акторности НГА не утихают до сих пор, однако одним из очевидных мирополитических мегатрендов современности можно назвать диффузию влияния акторов на широкий спектр международных процессов, его распределение между государствами и негосударственными участниками; последние становятся весьма активными игроками в мировой политике [9]. Негосударственные акторы, однако, очень разнородны по самому широкому спектру параметров — начиная от сферы деятельности и преследуемых целей до степени независимости и потенциала влияния на мировую политику. Если инструментальной достижения целей одних НГА (крупные ТНК; транснациональные частные

военные компании; акторы, использующие насилие) схож с государственными аналогами и его можно рассматривать в дихотомическом ключе «жесткая сила» — «мягкая сила», то у других (таких большинство) средства достижения целей ограничиваются «мягкими» ресурсами. К последним НГА относятся те, которые функционируют в социально-гуманитарной области мировой политики. Они, как справедливо отмечает российский ученый П. Цыганков, «вносят серьезный вклад в развитие международного права; формируют в международных отношениях и мировой политике новый моральный климат; стимулируют активность гражданского общества и солидарность в причастности к глобальным проектам по справедливому переустройству мира» [21, 262]. Другими словами, используя свою «мягкую силу», путем мирного убеждения (*peaceful persuasion*) НГА обращают внимание на морально-этические проблемы международных отношений [26], которые часто оказываются вне фокуса внимания государств и межправительственных организаций.

В социально-гуманитарном измерении НГА работают на разных направлениях. Они оказывают гуманитарную помощь наиболее уязвимым группам населения в развивающихся странах, поддерживают беженцев и пострадавших во время конфликтов, стихийных бедствий и после них. Хрестоматийным примером являются действия гуманитарных международных неправительственных организаций (МНПО) во время конфликта в Руанде в 1994 г., когда за несколько дней были построены лагеря для более полумиллиона беженцев [11]. Активно работают НГА и в сфере защиты прав человека, охраны окружающей среды, культуры, науки, образования и здравоохранения.

Общий позитивный эффект от деятельности НГА в социально-гуманитарной сфере, однако, не «спасает» их от регулярно возникающего скепсиса в отношении преследуемых ими целей. Объектом критики НГА становятся не только в связи с работой в таких чувствительных политических сферах, как, например, правозащитная деятельность, но и в таких, кажущихся аполитичными, областях, как культура, образование и здравоохранение. Этот момент специалисты связывают с бэкграундом НГА; многие крупные неправительственные организации имеют западное происхождение, и их деятельность невольно приводит к навязыванию западных норм поведения, ментальности, моделей поведения, что не совсем подходит для социальных реалий в других частях света [Там же]. На основе вышесказанного можно говорить, что наиболее успешными будут те НГА, которые, дистанцируясь от политической вовлеченности, осуществляют свою деятельность на благо обществ-субъектов с учетом их социальных и других особенностей. Особенно это касается работы НГА в тех регионах, в которых сохраняются традиционные общества; политические вопросы для местных элит очень чувствительны, а в отношениях между государствами региона накопилось большое число противоречий. В этом отношении хорошим примером представляется постсоветская Центральная Азия, в которой «из-за наличия многих проблем и противоречий социально-гуманитарные аспекты начинают играть особую, а порой и определяющую роль» [10, 187].

Особенности центральноазиатского контекста для социально-гуманитарной деятельности НГА

После распада Советского Союза новообразованные государства Центральной Азии столкнулись со значительными проблемами в политико-экономической и социально-гуманитарной областях. К их решению активно подключилось международное сообщество — в лице государств, международных организаций и негосударственных акторов (НПО, фонды). Именно последние в основном выступали в качестве посредников, исполнителей конкретных гуманитарных задач и дистрибуторов помощи в регионе. Их деятельность, с одной стороны, предотвращала голод, распространение инфекционных заболеваний, но с другой, как отмечают исследователи из региона, «насаждала иждивенческие настроения у бедных и беднейших слоев населения» [12]. Однако в реалиях того периода альтернативных механизмов решения социально-гуманитарных проблем в регионе не было. Поэтому, несмотря на критические замечания, внешнее гуманитарное содействие, в том числе со стороны негосударственных игроков, способствовало нормализации жизни в регионе, разработке локальных программ борьбы с бедностью, формированию систем финансовой поддержки сельхозпроизводителей, решению экологических проблем, адаптации лучшей мировой практики по широкому спектру социальных и других вопросов. Немаловажной оказалась социально-гуманитарная роль негосударственных акторов и в разрешении гражданской войны в Таджикистане, в постконфликтном восстановлении и поддержании социальной стабильности в этой республике [2].

Центральноазиатские государства хотя и преодолели эти кризисные явления социально-гуманитарного характера начального периода независимости, однако многие проблемы в этой сфере до сих пор актуальны. Согласно данным ООН по показателям Индекса человеческого развития, который является комбинированным индексом, измеряющим среднюю величину достижений в трех основных измерениях человеческого развития — здоровья и долголетия, знаний и достойных условий жизни в Центральной Азии, лучшие показатели демонстрирует Казахстан (56-е место), далее располагаются Узбекистан (105-е), Туркменистан (111-е), Кыргызстан (120-е) и Таджикистан (129-е) [28]. Анализ отдельных показателей показывает, что проблемы бедности, медицинских услуг низкого качества, гендерного неравенства, возможности получения образования по-прежнему актуальны для стран региона. Вдобавок к названным социально-экономическим проблемам страны Центральной Азии регулярно сталкиваются с разрушительными последствиями стихийных бедствий. По подсчетам Всемирного банка, от одних только наводнений и землетрясений ежегодно в регионе в среднем страдают более 3 млн человек, а ВВП государств региона наносится ущерб в 9 млрд долл. [34]. Решение гуманитарной составляющей данных проблем страдает из-за слабой подготовленности властей, высоких человеческих жертв и сложности оказания медицинских услуг в изолированных районах [13].

На современном этапе, несмотря на то что основными игроками в социально-гуманитарной области в Центральной Азии являются ведущие внерегиональные

государства, негосударственные акторы тоже играют весомую роль в этом направлении. Работа последних в основном направлена на борьбу с бедностью, оказание помощи в решении проблем окружающей среды, на предоставление консультационных услуг и стипендий в сфере образования, на развитие медицины и на вопросы, связанные с правами человека. Многие программы социально-гуманитарного характера в регионе государствами или международными организациями реализуются с привлечением различных НПО и фондов [3], что, с одной стороны, позитивно влияет на качество реализации проектов с учетом опыта и знания местных реалий НПО, с другой — часто вызывает критическое настроение местных элит в отношении степени независимости негосударственных акторов. Особенно это касается деятельности последних в сфере прав человека в широком смысле этого слова [7].

В целом сложившийся центральноазиатский контекст решения социально-гуманитарных проблем генерирует значительный запрос на участие внешних акторов — как государств, так и негосударственных игроков. В регионе в социально-гуманитарной сфере достаточно проблем, решение которых без содействия широкого круга международных акторов кажется проблематичным. Но, с другой стороны, повышается недоверие государств региона в отношении деятельности НГА, если она так или иначе соприкасается с чувствительными политическими вопросами. В таком контексте не все негосударственные игроки могут рассчитывать на формирование доверительных взаимоотношений с местными правительствами. Однако выбранный нами кейс показывает, как негосударственному актору, Организации Ага Хана по развитию, удается сохранять статус надежного партнера государств региона и как его деятельность позитивно влияет на решение социально-гуманитарных проблем в постсоветской Центральной Азии.

Социально-гуманитарная деятельность Организации Ага Хана по развитию в Центральной Азии

Организация Ага Хана по развитию, или АКДН (Aga Khan Development Network), является одной из крупнейших частных неправительственных организаций мира. Глава АКДН Принц Карим Ага Хан IV (Шах Карим аль-Хусейни) является духовным лидером мусульман шиитов-исмаилитов — 20-миллионной общины, проживающей в 25 странах мира, в том числе и в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. Личность Ага Хана IV не так хорошо знакома широкой российской общественности. Сам Ага Хан IV не является главой какого-либо государства, а возглавляет лишь религиозную общину, однако, как отмечает С. Плеханов, Имам исмаилитов является одним из видных лидеров современного мира, которого «регулярно принимают главы великих держав» и к мнению которого «прислушиваются в ООН и в самых влиятельных международных организациях». Такое влияние не в последнюю очередь связано с тем, что духовный лидер исмаилитов «возглавляет крупнейшую неправительственную организацию — Организацию Ага Хана по развитию, включающую много

подразделений, действующих в области экономики, здравоохранения, образования, культуры» [16].

Организация Ага Хана по развитию представляет собой крупную сеть различных агентств, работающих по разным направлениям — от экономического развития, продвижения гражданского общества, образования и культурного возрождения до здравоохранения и предоставления финансовых услуг (см. рисунок). Все агентства в своей деятельности взаимосвязаны и подчинены общей цели — улучшению качества жизни людей независимо от их вероисповедания путем создания институтов и программ, способных решать проблемы, которые возникают перед развивающимися государствами. При этом акцент делается на максимальном использовании существующего потенциала той страны, в которой АКДН работает. Организация ежегодно тратит 925 млн долл. на реализацию программ социально-культурного развития. В целом по всему миру АКДН реализует более 9000 проектов, ее штат составляет более 80 000 человек, что делает ее одной из крупнейших мировых организаций в области развития [15]. Хотя АКДН и не является религиозной организацией, ее деятельность, согласно Исламитской конституции, принятой Ага Ханом IV в 1986 г., направлена на «воплощение в жизнь социального сознания ислама через институциональные действия» [33].

Структура Организации Ага Хана по развитию

Источник: <https://www.akdn.org/about-us/organisation-information>

Теперь, когда у нас сформировалась относительно полная картина масштаба международной деятельности АКДН, рассмотрим основные направления ее социально-гуманитарной деятельности в Центральной Азии. Сразу хотелось бы уточнить, что в названном регионе АКДН работает в основном в трех странах — в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Гуманитарная помощь и повышение устойчивости к природным катаклизмам

Организация Ага Хана по развитию начала свою работу в Центральной Азии в тяжелый для региона период. Особенно сложной была ситуация в охваченном гражданским конфликтом Таджикистане. В этих условиях один из регионов страны — ГБАО, населенный в основном исмаилитами, оказался на грани гуманитарной катастрофы. Именно там в 1993 г. и началась деятельность Фонда Ага Хана, учредившего Программу помощи и развития Памира. Программа была направлена на предотвращение в ГБАО гуманитарной катастрофы и улучшение жизни населения этого горного региона. В ее рамках осуществлялись доставка и распределение гуманитарной помощи, донорами которой выступали не только сам Фонд Ага Хана, но и отдельные страны (США, Канада, Франция). В 1995 г. население региона получило товары первой необходимости: муки — 20 тыс. т, масла — 500 т, сухого молока — 815 т [19, 56]. По словам представителей АКДН, в тот период в ГБАО была ввезена гуманитарная помощь на 160 млн долл. [5].

Одновременно предпринимались усилия, чтобы добиться перехода от гуманитарной помощи к самообеспечению региона. Началась реализация другой программы — Программы поддержки развития обществ горных регионов (Mountain Societies Development Support Programme — MSDSP). В рамках данной программы осуществлялись строительство оросительных каналов и освоение новых земель, оказывалась помощь развитию малого бизнеса через предоставление населению низкопроцентных кредитов. Как отмечают специалисты, благодаря MSDSP уровень продовольственной обеспеченности в ГБАО повысилась с 15 % в 1997 г. до 70 % в 2005 г. Помимо этого Фонд Ага Хана выделил более 1 млн долл. на реконструкцию существующих ГЭС и строительство малых электрических станций. Фонд за 1,7 млн долл. построил и отремонтировал пять мостов через реку Пяндж, что стало толчком к развитию приграничной торговли между афганским Бадахшаном и ГБАО [20].

Начиная с 1997 г. географические границы названной программы АКДН были расширены. На данный момент в Таджикистане проекты MSDSP реализуются в 32 из 54 районов республики, охватывая жизнедеятельность почти 1,5 млн человек. В рамках программы проводятся тренинги и обучение населения рациональному использованию земли, совместно с другими международными агентствами реконструируется или строится важная социальная инфраструктура [32], поддерживаются инициативы населения в создании малого бизнеса, особенно туристического направления [1].

Значительная помощь Таджикистану, который уязвим перед природными катаклизмами, оказывается по линии агентства «Фокус — Гуманитарная помощь» (Focus Humanitarian Assistance — FOCUS). Начиная с 1997 г. оно реализует мероприятия по уменьшению риска стихийных бедствий на уровне общин во всех районах области, а также способствует повышению потенциала местных институтов в сфере управления стихийными бедствиями. Программа осуществляется в партнерстве с правительством и Комитетом по чрезвычайным ситуациям

и гражданской обороне Республики Таджикистан. Последнему оказывается и техническая помощь, например, предоставляется необходимая поисково-спасательная техника. FOCUS организует семинары, тренинги и региональные конференции. В 2015 г. такая конференция, по вопросам изменения климата и механизмов предупреждения природных бедствий, была проведена в Таджикистане с участием 70 человек — представителей академических кругов стран региона, официальных властей, гражданского общества, межправительственных организаций, НПО и прессы. Продуктивный обмен знаниями и опытом на таких площадках позволяет FOCUS повысить эффективность своих проектов [27]. Для реализации проектов FOCUS получает финансовую помощь от Всемирного банка, правительств Японии, Швейцарии, Канады. В ГБАО Программа подготовки к стихийным бедствиям (DIPECHO) Департамента Еврокомиссии по оказанию гуманитарной помощи (ECHO) тоже реализуется через FOCUS [3].

Проблемы стихийных бедствий и деградации сельскохозяйственных угодий актуальны и для северного соседа Таджикистана — Кыргызстана. Там в основном реализуются проекты MSDSP, нацеленные на улучшение условий жизни и возможностей людей в сельской местности. Для достижения этой цели совместно с местным населением и органами власти MSDSP реализует ряд многосекторных программ по развитию сельского хозяйства, снижению рисков стихийных бедствий, усилению местного самоуправления и улучшению адаптации к изменению климата. В основном программа работает в наиболее бедных районах Ошской, Нарынской, Джалалабадской и Нарынской областей с охватом более 440 тыс. человек [30]. В рамках программы осуществляются и проекты раннего развития детей, программы улучшения качества медицинского обслуживания. Основное внимание уделяется рациональному использованию природных ресурсов, именно на этот аспект расходуется большая часть бюджета MSDSP в Кыргызстане [31].

В целом рассмотренное направление деятельности АКДН в Центральной Азии востребовано в контексте не только повышения устойчивости к стихийным бедствиям, но и повышения туристической конкурентоспособности стран региона. Развитию туризма в государствах Центральной Азии в последние годы уделяется особое внимание, более активное использование потенциала государственно-частного партнерства могло бы стать дополнительной движущей силой развития упомянутой сферы.

Образование и культура

Образовательная деятельность является одним из ключевых направлений работы АКДН. В этом сегменте работают пять ведущих подразделений организации: Служба Ага Хана по образованию, Академии Ага Хана, Фонд Ага Хана, Университет Ага Хана и Университет Центральной Азии. Особое внимание отводится программам раннего развития детей (Early Childhood Development): ежегодно агентства АКДН охватывают более 75 тыс. детей по всему миру. Также ежегодно более 1 млн учеников начальных и старших классов предоставляют различные

возможности и программы стимулирования. В сегменте высшего образования в семи странах работают Университет Ага Хана и Университет Центральной Азии, которые готовят специалистов в сфере медицинского обслуживания, образования, медиакоммуникации и бизнеса [24].

На территории Центральной Азии в образовательном измерении АКДН работает в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Самым крупным проектом организации на современном этапе в регионе является Университет Центральной Азии (УЦА), учрежденный в 2000 г. в качестве некоммерческого светского университета. Кампусы УЦА расположены в Нарыне (Кыргызская Республика), Хороге (Таджикистан) и Текели (Казахстан). Примечательно, что место расположения кампусов в горных районах выбрано также по определенным стратегическим критериям. По мнению Ага Хана IV, горные регионы во всем мире являются наиболее отсталыми, они страдают от изоляции, отсутствия подъездных путей, инфраструктуры и т. д. С другой стороны, в этих богатых полезными ископаемыми регионах образуются сырьевые города, но как только заканчиваются запасы богатств, начинают процветать такие печальные социальные явления, как безработица, алкоголизм, наркомания и даже терроризм — тоже своего рода способ существования. Глава АКДН уверен, что «если бы в этих районах люди были образованны, если бы у них была работа, то они никогда бы не пошли на подобные преступления» [8].

Учредительный договор и Устав УЦА были подписаны президентами Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Ага Ханом IV, ратифицированы парламентами трех республик и зарегистрированы в ООН. Президенты названных стран имеют статус Покровителей УЦА, а Ага Хан IV — Канцлера Университета. В учредительном договоре отмечается, что в Центральной Азии существует «потребность в экономическом, социальном и культурном развитии через экономическое развитие, социальные и культурные инициативы, современное образование и средства связи, которые сохраняют и улучшают естественное и культурное наследие народов Центрально-Азиатского горного региона» [6]. Университет Центральной Азии, который будет предлагать образование международного стандарта, призван решать эти вопросы. На церемонии открытия первого кампуса УЦА в Нарыне в октябре 2016 г. тогдашний вице-премьер, а нынешний президент Кыргызской Республики Сооронбай Жээнбеков заявил, что УЦА — «это не простое учебное заведение, это академическая мастерская для подготовки лучших кадров и современных профессионалов» [17].

Открытие двух других кампусов УЦА ожидается в ближайшие годы, однако и сейчас на территории будущих кампусов находится Школа профессионального и непрерывного образования (ШПНО), которая оснащена современными технологиями обучения, компьютерными лабораториями, библиотекой. В Казахстане, например, ШПНО с помощью двух своих учебных центров стала ведущим учебным заведением, предлагающим услуги непрерывного обучения и образования для взрослых, обучившим к настоящему моменту более 17 200 человек. Обучение в ШПНО в таджикском Хороге прошли еще больше студентов — около 47 000 человек. Деятельность хорогской ШПНО носит трансграничный характер:

в ней на данный момент прошли обучение более 3300 студентов из соседнего Афганистана.

Значимость УЦА в контексте Центральной Азии заключается не только в том, что данный университет будет предлагать образование высокого стандарта и готовить высококвалифицированных специалистов для решения насущных проблем региона. Кампусы УЦА являются точкой притяжения для студентов со всего региона и его окружения, что может способствовать развитию контактов между народами Центральной Азии, формированию эпистемических сообществ и общей доверительной атмосферы, что в перспективе способно позитивно повлиять на гуманитарное сотрудничество в Центральной Азии и конструктивный диалог по урегулированию существующих региональных противоречий.

Помимо УЦА в Центральной Азии, в частности в Таджикистане и Кыргызстане, функционируют и множество других проектов АКДН. В таджикском Хороге с 1998 г. работает Лицей Ага Хана, в котором учатся 1000 школьников. Основным языком обучения в лицее является английский, поэтому многие его выпускники обычно продолжают свое обучение в западных университетах или ведущих вузах стран СНГ. Еще одно школьное учебное образование АКДН функционирует в киргизском Оше. Школа Ага Хана там основана в 2002 г. Она предлагает учебу на двух языках, английском и русском, более чем 500 ученикам. По лицензии Министерства образования Кыргызской Республики Школа Ага Хана проводит программы повышения квалификации для учителей государственных школ [22].

Наряду с образованием АКДН в регионе Центральной Азии продвигает программы культурного характера. Основным проектом в этой области является Инициатива Ага Хана в области музыкального творчества (Aga Khan Music Initiative — АКМИ), учрежденная в 2000 г. В сотрудничестве с профильными институтами в странах региона она занимается возрождением музыкальных традиций народов Центральной Азии. В рамках программы студенты музыкальных школ и институтов обеспечиваются музыкальными инструментами, необходимыми книгами и видеогuidaми. АКМИ оказывает помощь в организации концертов не только в регионе, но и за его пределами, знакомя таким образом иностранную аудиторию с богатым музыкальным наследием Центральной Азии. В 2002 г. АКМИ поддержала участие исполнителей и мастеров традиционной музыки из стран региона на Смитсоновском фольклорном фестивале (Smithsonian Folklife Festival) в Вашингтоне. Мероприятие посетили более 1,3 млн человек. В тот период, когда из-за сложных экономических проблем в регионе многие ведущие исполнители бросили свое музыкальное ремесло, их поддержка в рамках АКМИ, содействие их участию в вышеуказанном фестивале и других мероприятиях стали значительным стимулом для возрождения и сохранения музыкального наследия центральноазиатских народов. Тогда и появились идея и проект создания сети музыкальных школ и центров в Центральной Азии и Афганистане — Программы поддержки носителей традиционного музыкального творчества (Tradition-Bearers Programme) [25]. Она реализуется не только в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, но и предоставляет гранты профильным проектам в Узбекистане.

Здравоохранение

В развивающихся странах Азии и Африки АКДН реализует многие крупные проекты в сфере здравоохранения. Например, при Университете Ага Хана в пакистанском Карачи с 1984 г. функционирует крупнейшая в стране частная клиника — Университетская клиника Ага Хана (Aga Khan University Hospital), которая предоставляет по сниженным ценам широкий спектр высококачественных медицинских услуг. Аналогичные медцентры АКДН работают в нескольких странах Восточной Африки и в Афганистане.

В Центральной Азии в сфере здравоохранения АКДН активно работает в Кыргызстане и Таджикистане. В отдаленных горных районах региона структуры АКДН занимаются информированием населения о заболеваниях и превентивных мерах по борьбе с ними. При этом работа ведется не только среди населения, но и среди профессиональных медработников, для которых организуются специальные тренинги и курсы повышения профильной квалификации. К примеру, в Кыргызстане на данный момент 607 профессиональных работников из сферы здравоохранения при поддержке АКДН прошли курсы повышения квалификации как в столице страны, так и за пределами республики — в Казахстане и Пакистане. В киргизском Нарыне в 2016 г. Служба Ага Хана по здравоохранению открыла первый в стране частный некоммерческий медико-диагностический центр [14].

В соседнем Таджикистане здравоохранительная деятельность АКДН представляется более масштабной. Там организация стремится к достижению четырех из восьми целей развития тысячелетия — к содействию равноправию полов и расширению прав женщин, сокращению детской смертности, улучшению охраны материнского здоровья и борьбе с ВИЧ/СПИДом, малярией и прочими заболеваниями. Для этого АКДН по всей стране — среди населения и в профильных учреждениях — организует тренинги, мобилизует волонтерские дружины для разъяснительной работы. В рамках программы «Семейная медицина и совершенствование качества больничного обслуживания» (Family Medicine and Clinical Excellence) улучшается материально-техническая база медицинских учреждений в горных регионах, доктора и медсестры регулярно проходят тренинги с привлечением ведущих специалистов из Университета Ага Хана. Важно, что в приграничных областях Таджикистана и Афганистана АКДН содействует реализации трансграничных проектов в сфере здравоохранения. Таджикские медики регулярно оказывают помощь нуждающимся в соседней стране, в которой из-за сложной социально-экономической ситуации остро стоит проблема своевременного и качественного медицинского обслуживания [23]. В 2015 г. Служба Ага Хана по здравоохранению открыла в Душанбе Медицинский и диагностический центр. В АКДН уверяют, что данный центр — вклад в реформирование сектора здравоохранения республики, он улучшит доступность, качество, эффективность диагностических услуг для населения столицы Таджикистана и ее окрестностей [18].

Несмотря на то что деятельность АКДН в сфере здравоохранения в Центральной Азии кажется не такой масштабной, на деле она содействует государствам

и обществам региона в решении насущных социально-гуманитарных проблем. Помощь в подготовке кадров для профильных служб может оказать позитивное влияние на повышение профессионализма местных специалистов и улучшение качества медицинского обслуживания. Более того, содействие АКДН международному обмену опытом и знаниями способно формировать транснациональные профессиональные связи не только между специалистами внутри региона, но и устанавливать рабочие контакты с их коллегами из других государств.

Негосударственные акторы в современной мировой политике играют значительную роль. Несмотря на временами возникающий скептицизм в отношении их работы в разных странах, функционирующие в социально-гуманитарной сфере мировой политики НГА являются важными игроками в решении социальных проблем. Их гибкость, инициативность, мобильность, адаптивность к изменяющимся условиям и знание дел на местах дает им большие преимущества для достижения поставленных целей. Хотя часто деятельность НГА в социально-гуманитарной сфере подвергается политизации, практика показывает, что в случае конструктивного взаимодействия между государством и негосударственным актором их усилия хорошо друг друга дополняют в решении социальных и гуманитарных проблем. Рассмотренный нами кейс — деятельность АКДН в Центральной Азии — демонстрирует в целом эффективную модель такого взаимодействия.

Масштабы и значимость деятельности АКДН в регионе Центральной Азии еще не стали объектом солидного анализа, о них не так часто пишут в прессе. Как утверждают специалисты в регионе, вклад АКДН в решение социально-гуманитарных проблем в Центральной Азии часто по личным/политическим мотивам игнорируется, а потенциал организации не используется в должной мере [4]. Однако реализация АКДН в регионе крупных проектов, таких как Университет Центральной Азии, вкупе с уже имеющимися достижениями повышает уровень доверия к ее деятельности среди местной элиты, интеллигенции и широкой общественности. Такие тенденции, в свою очередь, могут способствовать росту числа социально-гуманитарных проектов АКДН, а также расширению географии деятельности организации в Центральной Азии.

1. *Алексеева А.* Роль Организации развития Ага Хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана. Пути к миру и безопасности. 2018. № 1(54). С. 308–323. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-308-323

2. *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия государств Центральной Азии // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М., 2017. С. 177–193.

3. *Бруно Де Кордые.* Гуманитарная помощь Евросоюза и гражданская защита в Центральной Азии: прошлые и будущие кризисы. EUCAM. Брифинг № 29. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_ictcontent/EUCAM-PB-29-Humanitarian-aid-RU_01.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

4. *Бухари-заде Н.* 1995–2015: Его Высочество Ага Хан IV и его таджикские единоверцы. ИА «Фергана». 26.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferghananews.com/articles/8559> (дата обращения: 13.12.2018).

5. Глава фонда Ага-Хана в РТ: Ежегодно в страну вкладываем 70 млн долл. Портал «Россия для всех». 12.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://tjk.rus4all.ru/interview/20151012/726211718.html> (дата обращения: 22.12.2018).
6. Договор между Республикой Таджикистан, Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Имаматом Исмаилитов по созданию Университета Центральной Азии. Бишкек, 31 августа 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17042> (дата обращения: 13.12.2018).
7. *Егоров М.* Западные НПО в Центральной Азии: благодетели или агенты влияния? // ЦентрАзия. 14.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1513272240> (дата обращения: 15.12.2018).
8. *Куржиков Ж.* Ага-Хан выделяет 250 миллионов долларов на развитие университета под Текели // Радио «Азаттык». 05.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/Aga_Khan_in_Kazakhstan_Tekeli_university/1948978.html (дата обращения: 11.12.2018).
9. *Лебедева М. М.* Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 1(28). С. 38–42.
10. *Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А.* Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М., 2016.
11. *Наумов А. О.* Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // Государственное управление : электрон. вестн. 2013. Вып. № 39. С. 49–76.
12. *Нуришаихова А.* Внешняя помощь странам Центральной Азии: основные доноры, их стратегии и позиции партнеров // Вестн. КазНУ. Сер. востоковедения. 2009. № 1(46). С. 33–40.
13. О стихийных бедствиях в Центральной Азии, Аральском море и последствиях выхода США из Парижского соглашения — Стефанос Ксенариос // Портал CAAN. 20.07.2017. URL: <http://caan-network.org/archives/9694> (дата обращения: 11.01.2019).
14. О деятельности АКДН в РК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akdn.org/where-work/central-asia/kyrgyz-republic/health> (дата обращения: 23.12.2018).
15. Официальный сайт АКДН. URL: www.akdn.org/ (дата обращения: 11.01.2019).
16. *Плеханов С.* Ага Хан IV: «Я верю в основополагающие человеческие ценности...» // Обозреватель — Observer. 2009. № 2. С. 118–126.
17. Речь Сооронбай Жээнбекова на торжественном открытии кампуса Университета Центральной Азии в Нарыне. Нарын, 19 окт. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akdn.org/ru/speech/mr-sooronbay-jeenbekov> (дата обращения: 02.01.2019).
18. Служба Ага Хана по здравоохранению открыла в Душанбе Медицинский и диагностический центр [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tj/ru/news/sluzhba-aga-khana-pozdravookhraneniyu-otkryla-v-dushanbe-meditsinskii-i-diagnosticheskii-tsentr> (дата обращения: 12.01.2019).
19. *Собиров К.* Вклад Фонда Ага Хана в развитие ГБАО. Душанбе, 2005.
20. *Худоёров М. М.* Исмаилизм на постсоветском Памире // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Всеобщая история. 2010. № 2. С. 78–85.
21. *Цыганков П. А.* Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // Мир и Политика. 2013. № 10. С. 257–265.
22. Aga Khan Schools in Osh [Electronic resource]. URL: <http://www.agakhan-schools.org/KyrgyzRepublic/AKSO> (accessed: 14.12.2018).
23. AKDN Health Projects. Tajikistan [Electronic resource]. URL: <http://www.akdn.org/where-work/central-asia/tajikistan/health> (accessed: 12.12.2018).
24. AKDN and Education [Electronic resource]. URL: <http://www.akdn.org/what-we-do/education> (accessed: 07.12.2018).
25. *Амун В. Sajoo* (ed). Muslim Modernities: Expressions of the Civil Imagination. L. ; N. Y., 2008. P. 99–103.
26. *Chong A.* Non-State Actors and Soft Power. Non-State Actors in International Law. Ed. Math Noortmann, August Reinisch, Cedric Ryngaert. Oxford, 2015. P. 323–344.

27. Focus Humanitarian Assistance. Tajikistan [Electronic resource]. URL: <http://www.akdn.org/where-we-work/central-asia/tajikistan/habitat> (accessed: 12.12.2018).
28. Human Development Report 2016 [Electronic resource]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed: 07.12.2018).
29. *Keohane R. O., Nye J. S.* Introduction // *Transnational Relations and World Politics* / R. O. Keohane, J. S. Nye (Eds.). Cambridge, 1972.
30. Kyrgyz Republic. Rural development [Electronic resource]. URL: <http://www.akdn.org/where-we-work/central-asia/kyrgyz-republic/rural-development-kyrgyz-republic> (accessed: 12.12.2018).
31. MSDSP KG – 2012 Annual Report [Electronic resource]. URL: <http://www.akdn.org/publication/msdsp-kg-2012-annual-report> (accessed: 11.12.2018).
32. Tajikistan. Rural development [Electronic resource]. URL: <http://www.akdn.org/where-we-work/central-asia/tajikistan/rural-development-tajikistan> (accessed: 11.12.2018).
33. The Constitution of the Shia Imami Ismaili Muslims [Electronic resource]. URL: <http://ismaili.net/source/legal-documents/1998-ismaili-constitution.pdf> (accessed: 07.12.2018).
34. World Bank. 2016. Europe and Central Asia – Country risk profiles for floods and earthquakes (English). Washington, D.C.: World Bank Group [Electronic resource]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/264621492590916682/Europe-and-Central-Asia-Country-risk-profiles-for-floods-and-earthquakes> (accessed: 07.12.2018).

Рукопись поступила в редакцию 13 февраля 2019 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:004.032.6 + 008 + 004.77:82-7

Л. Ф. Гайнуллина
А. М. Сафина

ТРОЛЛИНГ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ИРОНИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена иронии как философской категории, указывающей на специфическое отношение к миру, суть которого заключается в имплицитном непринятии реальности при эксплицитном ее принятии и одобрении. Цель исследования — показать, каким образом ирония в ее философском понимании реализуется в процессе онлайн-коммуникации. Опираясь на историко-логический и герменевтический подходы, авторы исследуют специфические черты иронии в интернет-пространстве, одной из доминирующих форм проявления которой выступает троллинг. Подчеркивается, что троллинг вскрывает антиномичный характер интернет-коммуникации и заставляет усомниться в претензии онлайн-сферы быть пространством полноценных социальных взаимодействий, заставляя рассматривать ее как пародию на самое себя. Тем самым троллинг осуществляет аксиологическую дискредитацию и метафизическое отрицание онлайн-активизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ирония, Интернет, коммуникация, онлайн-общение, троллинг, закон По.

Ирония представляет собой сложное полиструктурное понятие: это и речевой троп и/или риторический прием, а также эвристический прием, и специфический эстетический вид рефлексии, и особый способ существования. Традиционно иронии характеризуют как обнаружение смысла через нечто ему противоположное. Приведем достаточно объемную, но точно выражающую значение данного феномена цитату из работы А. Ф. Лосева и В. Н. Шестакова: «Ирония возникает тогда, когда я, желая сказать “нет”, говорю “да”, и в то же время это “да” я говорю исключительно для выражения и выявления моего искреннего “нет”. Представим себе, что тут есть только первое: я говорю “да”, а на самом деле думаю про себя “нет”. Естественно, что это будет только обманом, ложью. Сущность же иронии заключается в том, что я, говоря “да”, не скрываю своего “нет”, а именно выражаю,

выявляю его. Мое “нет” не остается самостоятельным фактом, но оно зависит от выраженного “да”, нуждается в нем, утверждает себя в нем и без него не имеет никакого значения» [11, 326–327].

Интерес к категории иронии возникает еще в античной философии в работах Платона, Аристотеля, Демосфена, Цицерона, Квинтилиана, Плутарха, однако здесь преобладало понимание иронии как риторического приема и фигуры речи. В трудах же представителей немецкого романтизма (Ф. Шлегеля, А. Мюллера, К. В. Ф. Зольгера) на первый план выходит философский (эстетический и этический) аспект этого феномена. В философии Ф. Шлегеля понятие иронии занимает центральное место и собственно впервые приобретает статус философской категории. Именно философию Ф. Шлегель считает родиной иронии.

Понимаемая в философском ключе, ирония указывает на имплицитное неприятие реальности, лишение ситуации статуса действительности, законности и серьезности при эксплицитном (демонстрируемом) ее принятии и одобрении. Наиболее ярким примером иронии в ее философском аспекте является сократовская ирония, которая ассоциируется не только и не столько с эвристическим методом греческого философа, а — в качестве экзистенциального принципа — с личностью самого мыслителя. В связи с этим особый интерес представляют размышления об иронии С. Кьеркегора, и прежде всего его диссертация «Понятие иронии, рассмотренное с постоянным обращением к Сократу». Объясняя суть иронии на примере Сократа, философ говорит, что ее нужно рассматривать не только как специальный познавательный прием афинского мыслителя, как это традиционно принято в истории философии. Кьеркегор характеризует иронию Сократа как бесконечную абсолютную отрицательность: отрицательность — потому что она только отрицает, не предлагая, не создавая ничего взамен, бесконечную — потому, что отрицает не просто тот или иной феномен, а всю современную ему действительность [10, 178]. По Кьеркегору, ироничным было отношение Сократа ко всему греческому укладу жизни и системе ценностей: «вся субстанциональная жизнь, вся “греческость” перестала быть законной для Сократа, вся существующая действительность была для него недействительной... он предоставил существующее самому себе и тем самым заставил его погибнуть (курсив наш. — Л. Г., А. С.)» [Там же, 183–184]. Но, с другой стороны, уничтожая «греческость», он использовал иронию. Его поведение по отношению к ней всегда было ироническим [Там же, 180].

Поскольку в задачу авторов не входит подробное историко-философское изучение эволюции категории иронии, приоритетным методом исследования является логический, а не исторический подход. Изучение троллинга как коммуникативного феномена осуществляется в рамках теории коммуникации, культурной антропологии и культурологии. В то же время анализ троллинга как формы иронии, специфичной для сетевой культуры, необходимо выводит исследование в поле философского дискурса. С позиции философской рефлексии феномены иронии и троллинга предстают уже не как маргинальные коммуникативные практики, но как значимые социокультурные феномены, позволяющие диагностировать состояние современного общества.

Заметим, лингвистическо-коммуникативное понимание иронии (ирония как речевой троп), культурно-антропологическое понимание (ирония и троллинг как культурные практики) и ее философское понимание (ирония как специфическое отношение к миру) не исключают друг друга, а дополняют. Указанное единство трех аспектов иронии реализуется в феномене коммуникативного действия как вида социального взаимодействия. При этом фактором, который определяет специфику коммуникативных взаимодействий в современном мире, является развитие инфокоммуникационных технологий и преобладание онлайн-общения. В современной отечественной и зарубежной науке достаточно много исследований, посвященных иронии как риторическому приему, используемому при онлайн-коммуникации (см., например, [5, 13, 17, 18, 21–23]). Отталкиваясь от лингвистическо-коммуникативного аспекта иронии, в данной статье авторы ставят перед собой цель показать, каким образом в онлайн-сфере реализуется *философский* аспект данного феномена.

Особенности феномена иронии в Интернете обусловлены спецификой самой онлайн-коммуникации [9, 16]. К отличительным чертам последней относятся:

- экстерриториальность;
- анонимность пользователей;
- интерактивность;

– пунктирный характер коммуникации (онлайн-коммуникация не является непрерывной, она может приостанавливаться и возобновляться; поскольку форумы модерированы, то администратор может удалить некоторые комментарии, поэтому вновь присоединившиеся участники не всегда владеют «полной картиной» диалога);

– наличие формальных правил коммуникации, которые выполняют цензурную функцию (например, запрет на нецензурные выражения, пропаганду экстремизма, терроризма и т. д.).

Последний фактор вынуждает участников форума искать пути обхода установленных правил. Чаще всего для этой цели используется непрямо́ная коммуникация [6], разновидностью которой является ирония [14]. Последняя позволяет пользователю обходить «цензуру», формально соблюдая все правила и не рискуя быть изгнанным из форума.

Вследствие указанных особенностей, во-первых, иронию в онлайн-коммуникации не всегда можно распознать и «уловить». В живом общении распознать ироничный характер высказывания, как правило, не представляет трудности. Знание контекста высказывания, личности автора (пол, возраст, мировоззрение, образование и т. д.), косвенные невербальные признаки (мимика, жесты, интонация) — все это позволяет достаточно точно определить, следует ли понимать высказывание в прямом, буквальном смысле или же оно содержит скрытую насмешку, игру слов и смыслов. В силу того что указанные сопутствующие факторы коммуникации отсутствуют в онлайн-общении, идентифицировать иронию как иронию и отграничить ее от серьезного высказывания становится зачастую невозможным.

Во-вторых, ироничный эффект в интернет-пространстве может возникать в некоторых случаях почти произвольно. Так, исследователь А. Санина

указывает, что «ирония возникает как эхо, в результате отсылки к тому, что уже было сказано раньше, в новом контексте» [15, 83–84]. Будучи помещенным в иной контекст (другой сетевой ресурс, другая подборка пабликов на личной странице пользователя, другая ситуация), сообщение (пост, музыка, видео и т. д.) сталкивается, соотносится с иными культурными пластами и кодами и в результате такого соотнесения обнаруживает самые неожиданные смыслы. Так, один из авторов «Живого журнала» недоумевал по поводу того, что один из его «фрэндов» (виртуальных друзей) состоит одновременно и в виртуальном сообществе поклонников творчества И. Бродского, и в фан-группе популярного исполнителя Ф. Киркорова. Очевидно, что соседство двух столь разнородных культурных пластов заставляет подозревать «второе дно», какой-то скрытый смысл в каждом из них. В результате смены контекста и многократного «шеринга» и «репоста» возникает эффект культурного «эха» (многократного повторения), искажающего изначальный смысл любого произведения, высказывания, поста. Это и порождает их ироничное восприятие.

Кроме того, в пространстве сетевой культуры любое произведение, высказывание, пост и т. д. обрастают бесконечным количеством комментариев и интерпретаций, ни одна из которых не может претендовать на преимущество относительно других. В контексте интернет-коммуникации любое произведение, пост начинают восприниматься как неоднозначные, амбивалентные. Поэтому, будучи участником онлайн-коммуникации, конкретный пользователь всегда смотрит на предмет обсуждения не только с собственной позиции, но и с позиции других пользователей, то есть держит в уме другие интерпретации. Участник онлайн-общения словно перестает быть хозяином в собственном «доме»: его собственная позиция по поводу того или иного произведения перестает быть однозначной и априори авторитетной для него самого. Участник онлайн-коммуникаций рискует превратиться в расщепленного децентрированного субъекта, который психологически дистанцирован как от предмета обсуждения, так и от собственных эмоций по поводу него. А. Санина видит в этом еще один возможный источник иронического отношения: «...ситуация считается иронической, если она задумана как имеющая бикогерентную структуру и вызывает соответствующие формы эмоций. Другими словами, чувство иронии формируется посредством нашего восприятия с учетом восприятия, происходящего со стороны других людей, которое мы легко можем наблюдать, например в собственной френдленте» [Там же, 84].

Учитывая вышесказанное, можно вывести еще одну особенность феномена иронии в интернет-среде. В силу невозможности ее четкой дифференциации и «прямого» схватывания (однозначного определения ситуации или высказывания как ироничных) в Интернете ирония приобретает потенциально тотальный характер. Иными словами, в онлайн-сфере невозможно провести четкую границу между серьезно-однозначным, буквальным содержанием какого-либо феномена, высказывания и их ироничным толкованием. Почти любое высказывание, фото, пост могут быть поняты как имеющие ироническое содержание, даже если изначально такового не подразумевалось самим автором. Эта закономерность является

следствием так называемого закона По¹. Основную идею этого закона предложил в 2005 г. Натан По в процессе дискуссии по вопросу о креационизме на одном из англоязычных христианских форумов. В первоначальной формулировке этот закон звучит следующим образом: «Без смайлика или другого явного обозначения юмора совершенно невозможно пародировать креационистов таким образом, чтобы кто-нибудь не принял это за искренние убеждения» [7].

Пользователь Том Чиверс в 2009 г. привел более широкую формулировку: «Невозможно создать пародию на экстремизм или фундаментализм без явного указания, что это пародия, чтобы не нашелся человек, который принял бы все за правду» [Там же]. При этом, заметим, что если наличие специального значка «смайлик» [22] или прямое указание (например, в англоязычном Интернете буквально пишут «Здесь действует закон По») указывают на необходимость понимать некоторые высказывания иронически, то их отсутствие не исключает иронического подтекста, не означает, что высказывание или ситуацию нужно понимать буквально. Получается, что в ситуации анонимной коммуникации, коммуникативного «эха» (смены контекста ситуации или высказывания) становится невозможно однозначно распознать иронию. Любое ироничное сообщение может быть прочитано как серьезное, искреннее убеждение; и наоборот, любое искреннее убеждение, при условии, что оно кажется читателю невероятным или неуместным, может быть истолковано как ирония.

Одним из механизмов, за счет которого реализуется феномен иронии в Интернете, является троллинг как специфическая коммуникативная практика.

Троллинг — это «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» [3, 49]. Суть троллинга состоит в привлечении внимания аудитории за счет информационных «пустышек» (дезинформации, незначительных информационных поводов), что и объясняет этимологию термина², так как англ. *troll* означает «ловля рыбы на блесну». В роли «блестящей приманки» в интернет-троллинге могут выступать провокативное высказывание, вопрос на животрепещущую тему, оскорбление других участников форума, совершенное с целью вызвать негативную реакцию, ложное обвинение и т. п. Троллинг создает иллюзию глубокой личной заинтересованности тролля в обсуждаемом предмете, он реагирует на каждую фразу оппонента как на личное оскорбление. На самом же деле троллю совершенно безразлично, с кем и о чем спорить. Истинной целью троллинга является отнюдь не установление истины в процессе дискуссии, а разжигание скандала («холливар» на интернет-сленге) и «флейма» (спор ради спора), увод дискуссии в сторону

¹ Закон По как разновидность профессионального юмора представляет собой «народную мудрость», выведенную в среде интернет-пользователей. Но при этом авторы статьи в Википедии приводят описание социально-психологического эксперимента, который, по их мнению, может быть использован как подтверждение закона По [23].

² В русскоязычном Интернете распространено представление о том, что этимология термина «троллинг» связана с «Тролями» — злыми сказочными существами из скандинавской мифологии. Однако эта точка зрения не находит подтверждения в среде специалистов.

(«оффтоп»), превращение беседы в бессмысленную пустопорожнюю болтовню («флуд») и т. п. В любом случае тролль добивается привлечения внимания к дискуссии и собственной персоне, поэтому показателем успешности деятельности тролля является увеличение числа комментариев и повышение посещаемости сайта. В силу своей эффективности как коммуникативной стратегии троллинг сегодня имеет тенденцию к профессионализации и коммерциализации. Он стал очень востребован в «черном» PR, «желтой прессе», SEO-маркетинге; его приемами не брезгают даже политтехнологи [8].

Особой формой троллинга является эльфинг. Если «классический» троллинг строится в основном на активном противостоянии тролля и жертвы (в ход идут оскорбления, угрозы и т. д.), то эльф, напротив, активно соглашается с жертвой, потворствует, хвалит и льстит ей, сыплет комплиментами. Все это поначалу радует жертву, но, настойчиво повторяясь, через некоторое время начинает раздражать. Раздражение, ярость, досада, испытываемые жертвой, — это то удовольствие, за которым и гонится эльф и которое роднит его с «классическим» троллем. «Тролль объясняет человеку, что он плохой, эльф — что он хороший, но, по сути, эльф и тролль “подкармливаются” одним и тем же — раздражением и негативной реакцией участников общения» [17]. Кроме того, «и для эльфа, и для тролля слова значат больше, чем факты и здравый смысл» [Там же]. Однако, в отличие от «классического» троллинга, эльфинг распознать гораздо сложнее.

Психологи склонны видеть в троллинге лишь проявление психически нездоровой личности [4]: троллям приписываются такие качества, как садизм, психопатия, макиавеллизм (мания величия), нарциссизм, энергетический вампиризм. Не отрицая непосредственной психологической составляющей троллинга, авторы считают необходимым показать, что эффект, оказываемый этим феноменом на интернет-коммуникацию, выходит за пределы сферы психологии и имеет более масштабное социокультурное значение и метафизическую глубину.

С философской точки зрения троллинг как механизм реализации иронии в Интернете заключается в том искомом, желательном для тролля несовпадении эксплицитной (открыто демонстрируемой) коммуникативной интенции и имплицитного эффекта, который на самом деле возникает в результате его действий. В силу этого в ситуации троллинга иронический эффект обнаруживает себя лишь на уровне метасмысла и может быть замечен лишь при взгляде на анализируемую ситуацию извне, но не в пределах интернет-коммуникации. Дело в том, что при анализе конкретных актов троллинга в интернет-коммуникации изначально создается впечатление, что тролль как раз избегает иронии в своем речевом поведении: он подчеркнуто серьезен, демонстрирует глубокую заинтересованность обсуждаемой проблемой, в ситуации участия в профессиональных форумах выдает себя за эксперта, хотя на деле некомпетентен в данной области. Именно личной заинтересованностью в обсуждаемой проблеме он объясняет свою неприимую позицию к оппонентам, проявляющуюся в ригористичности, грубости, безапелляционности и язвительности его высказываний, а также в использовании аргументов *ad persona*. В то же время под этой маской серьезного и искреннего в своих проявлениях человека скрывается тролль, которому глубоко безразличны

и сам предмет обсуждения (относительно которого он может быть абсолютно некомпетентен), и личности других участников полилога, форума и их позиция по обсуждаемой проблеме. Тролль извлекает «дулз» (удовольствие) из осознания того, что все участники обсуждения воспринимают его личность и высказывания всерьез, тратят на это время, психическую энергию, выдают живые эмоции, в то время как он один понимает абсурдность происходящего и сумел «обвести вокруг пальца» других участников форума. Поэтому более глубокий анализ показывает, что за действиями тролля скрываются намерения, противоположные внешне демонстрируемым: *вопреки изображаемой серьезности, на деле тролль обесценивает не только конкретную беседу (форум) и конкретную обсуждаемую проблему, но всю интернет-коммуникацию как таковую.*

В силу того что для тролля не существует табуированных тем, а также в силу действия закона По любой пользователь может быть заподозрен в троллинге, а интернет-коммуникация заражается «вирусом» тотальной подозрительности. Поэтому побочным эффектом троллинга (помимо сомнительного психологического удовольствия самого тролля) оказывается то, что его существование дискредитирует саму возможность обсуждать в Интернете какую-либо проблему всерьез. Троллинг снижает эффективность онлайн-обсуждения серьезных социальных проблем и, более того, ставит под сомнение претензии онлайн-сферы быть (дополнительным к «реальному») пространством полноценного социального взаимодействия.

Троллинг вскрывает (выводит на поверхность, делает явным) некоторую абсурдность, антиномичность интернет-коммуникации и онлайн-активизма, хотя в то же время сам же эти противоречия и усиливает. Антиномичный характер онлайн-активизма (комментирование, шеринг, репост, лайки) заключается в том, что, по сути, это активизм без активизма, коммуникация без коммуникации (отсутствие у участников сетевых сообществ реальных общих интересов, общих ценностей и т. д.) [1]. Противоречивый характер сетевого активизма зафиксирован в термине «слактивизм», предложенном американским журналистом Е. Морозовым. К. Мартынов объясняет суть сетевого активизма следующим образом: «В отличие от реального активизма, который требует усилий, временных затрат и зачастую связан с риском, слактивизм просто имитирует участие и приносит моральное удовлетворение» [12, 24]. Слактивист шаблонно возмущается социальной несправедливостью, политическим режимом, демонстративно критикует его сторонников и требует... «максимального репоста» (!).

Парадоксально, получается, что *троллинг редуцирует интернет-коммуникацию к ее внешнему, феноменальному проявлению* — простой беседе, потоку высказываний, «слова, слова, слова». Троллинг словно призван напомнить тем, кто склонен переоценивать значение онлайн-сферы в жизни общества, что, какой бы серьезной ни была проблема, когда она становится предметом интернет-дискуссии, слова, имидж и аватары будут важнее фактов и здравого смысла. А потому ни сама проблема, ни тем более ее решение, найденное в процессе интернет-дискуссии, не будут восприниматься как руководство (призыв/достаточное основание) к реальному действию. И в то же самое время вызываемые

троллингом раздражение и гнев со стороны «добропорядочных» пользователей свидетельствуют, что последние не спешат согласиться с тем, к чему редуцируется интернет-коммуникация усилиями самих же троллей. Троллинг словно вбивает клин между тем, чем претендует быть онлайн-коммуникация, и тем, к чему она на деле сводится усилиями троллей. Из этого «зазора», несовпадения и рождается и ироничный (в философском понимании) потенциал троллинга.

Ирония здесь есть результат того эффекта, который возникает при несовпадении действительности с самой собой или даже ее противоречии себе самой. Пример такого понимания иронии мы можем найти у Кьеркегора: «Он (иронизирующий. — Л. Г., А. С.) уничтожает действительность с помощью самой же действительности» [10, 178].

Смеем предположить, что в отношении онлайн-коммуникации троллинг выполняет те же функции, что и сократовская ирония по отношению к полисному укладу жизни: обесценивание (аксиологическая дискредитация) и метафизическое отрицание. Троллинг, хотя и не обращается к специфическим комическим приемам и не содержит явных иронических высказываний, представляет собой иронизирование над интернет-коммуникацией в некотором метасмысле. Троллинг не просто пародия на онлайн-общение, он заставляет саму интернет-коммуникацию рассматривать как пародию на самое себя, то есть перестать воспринимать ее всерьез и тем самым вскрывает ее антиномичный характер. Между тем противоречивый характер онлайн-активизма рекурсивно отражается в противоречивом характере самого троллинга: эксплицитно принимая активное участие в интернет-коммуникации, на деле троллинг ее блокирует, не дает состояться полноценному диалогу (либо за счет агрессии, либо, наоборот, за счет навязчивой похвалы и лести), заражает всех «вирусом подозрительности».

Вместе с тем эта же антиномичность троллинга дает основания если не для апологии, то по крайней мере для переоценки этого феномена. Конечно, в описании троллинга преобладает, как правило, негативный оценочный ряд: «провокация, подстрекательство, обман, клевета, агрессия, издевательство, оскорбление, шельмование» [17]. Однако встречаются и попытки увидеть иную сторону этого феномена. Так, автор статьи «Блеск и нищета Википедии»³ считает, что тролля можно охарактеризовать просто как «лишнего человека». Роль троллей в интернет-дискурсе сравнима с той, которую выполняют Онегин, Печорин и Чацкий в отечественной культуре, сформированной на базе классической русской литературы.

Морально-этическая оценка троллинга может быть различной. Но в любом случае, если учесть, что основой троллинга являются прежде всего лишь непосредственная психологическая мотивация и личностные особенности самих троллей, то удивительными по своим масштабам и силе, значительно превосходящими изначальный импульс, оказываются тот эффект, который троллинг производит на сферу интернет-коммуникации, и то социокультурное значение

³ Автор указанной статьи — один из легендарных участников русскоязычного раздела Википедии, известный под «ником» *Smartass* (рус. Смартасс или Смартесс). Несмотря на принципы этики научных публикаций, персонифицировать автора, скрывающегося под этим псевдонимом, не представляется возможным, так как он намеренно хранит в секрете свои личные данные.

и метафизический смысл, которые в конечном итоге приобретает этот феномен в пространстве современной культуры.

Таким образом, феномен иронии в интернет-сфере имеет ряд специфических черт. Во-первых, в силу ряда особенностей онлайн-общения здесь не всегда можно распознать иронию и отграничить ее от серьезного высказывания. Во-вторых, ироничный эффект в интернет-пространстве может возникать в некоторых случаях почти произвольно, как результат коммуникативного «эха» (смены контекста высказывания или произведения, «обрастание» комментариями, превращение в мемы и т. д.). В-третьих, в силу невозможности ее четкой дифференциации и «прямого» схватывания, в Интернете ирония приобретает потенциально тотальный характер, что зафиксировано в так называемом законе По. В-четвертых, специфическим механизмом реализации иронии (в ее философском смысле) в онлайн-сфере является троллинг. Несмотря на то что как конкретный речевой акт троллинг как раз не обращается к специфическим комическим приемам (в том числе к самой иронии), он представляет собой иронизирование над интернет-коммуникацией в некотором метасмысле. Троллинг вскрывает антиномичный характер интернет-коммуникации и заставляет усомниться в претензии онлайн-сферы быть пространством полноценных социальных взаимодействий. Он заставляет рассматривать интернет-коммуникацию как пародию на самое себя. Тем самым троллинг не только снижает пафос онлайн-активизма и обесценивает его, но и выступает средством ее метафизического отрицания.

Мы уже отмечали, что ирония — сложный феномен: это и риторический прием, и специфическое отношение к миру, и способ бытия в мире. Смеем предположить, что эти аспекты не просто сосуществуют параллельно друг другу, мы можем выявить их имплицитную причинно-следственную взаимосвязь. Так, А. А. Горностаева подмечает, что, постоянно усложняясь и развиваясь, «ирония постепенно превращается из стилистического приема в способ мировосприятия, особенность человеческого характера и даже отличительную черту поколения» [5]. Иными словами, ирония как риторический прием становится массовой — и оттого гораздо более «заметной» в общественном сознании — в кризисные, переломные периоды исторического развития. «Задавая тон» в риторике социальных коммуникаций, она становится доминирующим способом мировосприятия и мироощущения в это время. На этот факт обращали внимание философы, историки, поэты. Так, С. Кьеркегор отмечал, что чем чаще происходит ироническое восприятие действительности, тем «вернее и неизбежнее гибель окружающего» [10, 179]. О. Шпенглер проводит параллель между иронией и закатом культуры: «...то, что Сократ и немецкие романтики обозначали словом “ирония”, тот тонкий редкий цветок диалектики, которая утомилась от самой себя и, изумленно и горько улыбаясь, смотрит на дело рук своих — разрушенную картину мира...» [20, 469]. Александр Блок в 1908 г., в кризисный для России период между двумя революциями, в преддверии Первой мировой войны, пишет статью под названием «Ирония». В этой небольшой, полной отчаяния статье поэт называет иронию болезнью «сродни душевным недугам», которой поражены «самые живые, самые чуткие дети нашего века» [2, 100].

Современное общество, общество постмодерна — это общество симулякров и симуляции, общество, в котором символы заменяют реальность. «Это мир эфемерности, непрочности, стремительного распространения, фрагментарности, галлюцинаций и одновременно хаоса» [19, 298]. Это мир тотальной иронии: ирония проявляет себя во всех сферах общественной жизни, во всех формах общественного сознания и, безусловно, в виртуальном пространстве, онлайн-коммуникациях. Экспансия иронии в Интернете, самыми очевидными проявлениями которой выступают троллинг, эльфинг, а также хоббитинг, пранк, кашенизм, наполеонинг, снусмуринг, гноминг и прочие «инги», суть неприятие, отрицание «онлайнности» как вида современной коммуникации. Возможно, здесь неуместна аллюзия к тезису Кьеркегора об отрицании Сократом «греческости», но какие времена, такая и ирония: «O tempora, o ironia!».

1. Аронсон О. В. Коммуникативный образ. М., 2007.
2. Блок А. Ирония // Блок А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. Л., 1982. С. 100–105.
3. Внебрачных В. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. : Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
4. Голубицкий С. От Лулзов к Черной Тетраде: печальная эволюция форумных активистов [Электронный ресурс]. URL: <http://computerra.ru/9447> (дата обращения: 23.03.2019).
5. Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестн. РУДН. Сер. : Лингвистика. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-ironii-v-rechevyh-portretah-sovremennyh-politicheskikh-deyateley> (дата обращения: 23.03.2019).
6. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006.
7. Закон По // РадиоВики [Электронный ресурс]. URL: https://ru.rationalwiki.org/wiki/Закон_По (дата обращения: 23.03.2019).
8. Коняева Ю. М. Троллинг как коммуникативный феномен (из наблюдений над культурно-просветительскими медиатекстами) // Научные ведомости БелГУ. Сер. : Гуманитарные науки. 2015. № 18(215) [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bs.u.edu.ru/bitstream/123456789/15252/1/Коняева_Trolling.pdf (дата обращения: 23.03.2019).
9. Ксенофонтowa И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20130514073550/http://centrfolk.ru/edition/publication_online/publication_collection/IF_25-ksenofontova.pdf (дата обращения: 23.03.2019).
10. Кьеркегор С. О понятии иронии // Логос. Философско-литературный журнал. 1993. № 4. С. 176–198.
11. Лосев А. Ф., Шестаков В. Н. История эстетических категорий. М., 1965.
12. Мартынов К. От slackтивизма к республике. Почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19–27.
13. Мощева С. В. Полифункциональный характер речевого акта иронии // Вестн. ЮУрГУ. Сер. : Лингвистика. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polifunktsionalnyu-harakter-rechevogo-akta-ironii> (дата обращения: 23.03.2019).
14. Паремузашвили Э. Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) // Вопр. когнитив. лингвистики. 2012. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepryamaya-kommunikatsiya-v-strukture-agressivnogo-rechevogo-akta-na-primere-ironii-i-nasmeshki> (дата обращения: 23.03.2019).
15. Санина А. Визуальная политическая ирония в Рунете : кейс сообщества «Potsreotizm» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 9. С. 79–98.

16. Сафина А. М. Интернет-пространство как фактор трансформации современного искусства // Вестн. Север. (Арктического) федер. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 118–128

17. Синельникова Л. Н. Дискурс троллинга // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-trollinga> (дата обращения: 23.03.2019).

18. Фенина В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») // Вестн. ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-v-obydennom-politicheskom-diskurse-na-materiale-internet-kommentarijev-polzovateley-sayta-echo-moskvy> (дата обращения: 23.03.2019).

19. Фоксол Г., Голдсмит Р., Браун С. Психология потребителя в маркетинге. СПб., 2001.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1 : Образ и действительность. Новосибирск, 1993.

21. Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // Вестн. РУДН. Сер. : Лингвистика. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irony-as-inferred-contradiction> (дата обращения: 23.03.2019).

22. Garber M. How to Tell a Joke on the Internet. The new typography of irony [Electronic resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2013/05/how-to-tell-a-joke-on-the-internet/309293/> (accessed: 23.03.2019).

23. LaMarre H. L., Landreville K. D., Beam M. A. The Irony of Satire: Political Ideology and the Motivation to See What You Want to See in The Colbert Report. The International Journal of Press/Politics. 14(2). 212–231 [Electronic resource]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=38A99DFB72771ABF011A9328FBA5BA88?doi=10.1.1.505.250&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 23.03.2019).

Рукопись поступила в редакцию 28 марта 2019 г.

УДК 7.038.1 + 316.346.2 + 316.422

Л. В. Чеснокова

ПРИВАТНОСТЬ, СКУКА И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНА

В статье рассматриваются изменения в буржуазной семье в эпоху модерна. В результате индустриализации происходит разделение публичного и частного пространства, мужской и женской деятельности, основывавшееся на представлениях о различной природе полов. Активный, рациональный мужчина занимается профессиональной деятельностью, а слабая и эмоциональная женщина самой природой предназначена для семьи и материнства. Буржуазная женщина не имеет возможности работать вне дома, а ее домашняя деятельность лишается характера полезного труда, воспринимаясь как бессмысленная и монотонная и порождая ощущение скуки как состояния бесконечно длящегося, бесцельно прожитого времени. Хотя возможность не работать была лишь у небольшого процента женщин, идеология сепаратных сфер понималась как идеал семьи для всех слоев общества. Этот влиятельный ментальный конструкт продолжает существовать и в наше время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модерн, буржуазное общество, частность, публичность, идеология сепаратных сфер, скука, гендерные отношения.

С определением эпохи Нового времени существуют и терминологические, и хронологические сложности. В русскоязычных публикациях словом «модерн» называют, как правило, стиль в искусстве начала XX в. В западной науке понятие «модерн» обозначает также эпоху Нового времени (англ. *modernity*, фр. *les temps modernes*, нем. *die Moderne*), определяющей чертой которой является модернизация, то есть стремительные перемены в общественной жизни, экономике и культуре по сравнению со стабильностью традиционных эпох.

У историков нет единства относительно хронологических рамок этого процесса, не говоря о том, что в разных обществах процессы модернизации начались в разное время и протекали с разной скоростью. В качестве предпосылок процесса модернизации европейского общества можно назвать буржуазные революции в Нидерландах, Англии и особенно во Франции, Реформацию и идеологию Просвещения. Эти события привели к масштабным переменам в обществе: к индустриализации, урбанизации, индивидуализации сознания, развитию научно-технического прогресса и рационального мышления, определившим особенности европейской цивилизации.

Вторая половина эпохи модерна, или «долгий XIX век», продлившийся с Великой Французской революции до начала Первой мировой войны (1789–1914), характеризуется ускорением модернизационных процессов. Динамичное развитие получает капиталистическая система отношений, основывавшаяся на частной собственности. Ведущую роль в обществе начинает играть средний класс, отделяющий себя как от аристократии, так и от пролетариата. Девятнадцатый век называют «золотым веком буржуазии»: временем, когда она пришла

к наибольшему могуществу. Хотя представители буржуазии составляли относительно небольшой процент населения, ее ценности оказали сильное влияние и на другие слои общества. «Она определяла облик этого века в области экономики, науки и культуры, в формах семейной жизни, в области морали больше, чем какая-либо иная социальная формация. Речь идет о купцах, банкирах и фабрикантах, о врачах, адвокатах, профессорах и чиновниках» [18, 7–8]. Отличительными чертами буржуазного класса были индивидуализм, стремление к высокому социальному статусу, высокий престиж образования и культуры, а также особая ценность дома и семьи.

В результате процессов индустриализации и урбанизации усиливается разделение публичной и приватной сфер. Появляется «досуг», то есть свободное время, которое можно провести в семейном или дружеском кругу. В результате новую ценность приобретают семья и дом. Социально-экономические изменения, вызванные промышленной революцией, повлияли на желание создать отделенное от тревог и проблем внешнего мира домашнее пространство, в котором можно отдохнуть, реализовать индивидуальные вкусы и потребности.

В эту эпоху на смену расширенной традиционной семье, включавшей в себя и дальних родственников, приходит нуклеарная семья, состоящая из отца, матери и детей. В традиционном обществе, когда проживание и производительные функции были объединены под одной крышей, все члены семьи участвовали в хозяйстве. Дом был доступен для публичности в лице покупателей, клиентов, соседей и т. п. Хозяин дома принимал участие в домашней жизни, а хозяйка и дети помогали в лавке, конторе или мастерской. Ученики и подмастерья часто проживали в доме хозяина и рассматривались как часть семьи. Женщина часто выступала помощницей мужа в семейном бизнесе, например, вела бухгалтерские книги или продавала произведенную продукцию. Женщины играли важную роль в домашней экономике. Если муж, как правило, выполнял одну трудовую функцию, «его жена могла делать самые разные работы. Занятия мужа, которые были четко установлены, начинались и завершались в определенное время и обычно оставляли ему немного свободного времени, которое он проводил в таверне или на деревенской площади. В отличие от них женский труд никогда не кончался» [8, 46] и имел решающее значение для выживания семьи.

Женщина занималась менеджментом домашнего хозяйства. По описанию Р. Хабермас, хозяйка богатого буржуазного дома в конце XVIII в. занималась присмотром за персоналом, руководила производством и обработкой сельскохозяйственной продукции, часть из которой шла на продажу, закупкой необходимых для дома товаров, заготовкой домашней одежды и текстиля — помимо неустанной заботы о многочисленной семье и детях. Примечательно, что еще в XVIII в. жена описывает в письмах свою трудовую деятельность с гордостью и удовлетворением. Она знает, «как важна эта работа для благосостояния семьи и как сильно она ценится ее мужем, всей семьей и друзьями. И действительно, она имела все основания гордиться своим трудом, поскольку ее работа по руководству домом требовала значительных профессиональных знаний и не меньших деловых способностей и представляла собой существенный источник доходов семьи» [15, 43].

В XIX в. представления об идеальной буржуазной семье начинают меняться. Несмотря на то что хозяйка дома все так же активно руководила слугами, сельским хозяйством, заготовкой продукции, покупкой и продажей товаров, в ее самопрезентации на передний план выходят совсем другие ценности. В результате разделения дома и работы появляется буржуазная модель «муж–кормилец, жена–домохозяйка». Теперь только он должен обеспечивать пропитание семьи, а она — заботиться о семейном уюте и создавать тыл уставшему от борьбы и конкуренции во внешнем мире мужчине.

К краеугольным камням буржуазной культуры относилось позитивное отношение к добросовестному труду и такие добродетели, как прилежание и тщательность, уважение к образованию и науке и, не в последнюю очередь, реализация определенного семейного идеала. Утратившая производительные функции, основанная на взаимной симпатии и отделенная от экономики и политики, семья должна была образовывать закрытый от тревог и забот мир благодаря доходу мужчины и работе слуг, освободивших пространство для досуга жены и детей. Семья воспринимается как гавань покоя в лихорадочном и торопливом обществе буржуазного успеха. Одним из важнейших показателей буржуазного статуса была праздность супруги. «Возможность нанять прислугу являлась индикатором социального положения, и поскольку ее труд был дешевым и доступным, он был одним из первых предметов роскоши, которые позволяла себе иметь даже семья со скромным достатком» [8, 31].

Новая практика ведения домашнего хозяйства была подкреплена идеологией «раздельных сфер» — публичного и приватного пространства, согласно которой мужчина был создан для публичной сферы, женщина — для приватной. Буржуазное общество было «высокоспециализированным по половому признаку миром, который имел разные нормы и ритуалы для мужчин и для женщин. Мужские и женские сферы влияния считались “дарованными от природы” и строго разделенными, однако гармонично дополняющими друг друга» [10, 3]. Особенности, присущие тому или иному полу, понимались как сущностный признак, определяемый биологической природой человека. В результате подобных представлений женщинам приписывались такие черты характера, как пассивность и эмоциональность. «“Традиционная роль” предполагает определенную преемственность и стабильность. Концепт гендерной роли — застывший, неподвижный» [14, 59]. В рамках этой роли субъекту даются основания для определенной социализации. Различным полам приписываются противоположные свойства и задачи, за которыми стоят определенные представления о правильном поведении, прежде всего женщин, которые были изобретены в ходе развития буржуазного общества. Считалось, что эта модель обеспечивает стабильность общества и правильное распределение обязанностей, когда мужчина отвечал за содержание семьи, а женщина — за домашнее хозяйство, мужчина уходил заниматься производительным трудом и творчеством, а женщина — на кухню и в детскую комнату.

В результате укоренения этих представлений усиливается гендерное неравенство. Отстраненная от возможности принимать организационные и финансовые решения, женщина становится еще более зависимой, чем ранее. Это разделение

полов получает философское обоснование. Изобретателями особенностей женского характера были преимущественно философы и ученые рубежа XVIII–XIX вв. Просветители, выступая против абсолютизма и привилегий дворянства, провозглашают идеалы разума, индивидуальности и гуманизма. Теперь настоящее и будущее человека меньше зависят от его происхождения, а личные таланты и трудолюбие дают шанс завоевать более высокое социальное положение.

Однако не все люди были в равной степени наделены свободой. Для полноценного гражданства требовалось быть отцом семейства в патриархальном смысле. «Тем самым женщины по признаку пола неизменно стояли вне политически-правовых отношений буржуазного общества. Ориентация на успех, принцип мобильности, прогресс — все эти присущие буржуазному самосознанию термины не относились к женщинам» [12, 22]. Хотя это не означало для женщин отказ в наличии человеческого достоинства, они не наделялись полностью гражданскими правами. Наличие прав и свобод считалось результатом природного превосходства мужчины, вытекающего из его большей физической силы и большего мужества.

«Получила распространение идея о природной женской пассивности и покорности, вера в то, что домашняя сфера “естественна” для женщин и что барьер между полами — это единственно возможная основа социальной гармонии» [16, 84]. Природа выступает как нормативный принцип. Делаются попытки объяснить правовой, экономический, образовательный, интеллектуальный подчиненный статус женщины, исходя из ее иной, чем у мужчины, сущности. «Обращение к природе позволяет создать рациональную теорию феминного. Считается, что женщина находится в непосредственной связи с природой. Без сомнения, мужчины — также природные существа, но их отношения с природой опосредованы» [4, 334]. Сама природа метафорически описывается как женщина.

Особенностью идеологии модерна было жесткое дихотомическое разделение таких категорий, как «природа» и «культура», «разум» и «чувства», «мужчина» и «женщина», «публичность» и «приватность», «улица» и «дом». «Пол в этой дихотомии был нагружен “биологией”, что на долгое время повлекло за собой физиологически-анатомическую онтологизацию отношений полов и закрепило социо-культурные и телесно-материальные различия. В процессе натурализации социального различия полам были приписаны биполярные, ориентированные на телесные различия мужские и женские гендерные характеры» [21, 117]. Вытекающие из этого представления о «естественном порядке» приписывали такие востребованные в эпоху модерна качества, как активность, рациональность, самостоятельность, предприимчивость и индивидуализм мужской природе, в то время как слабость, пассивность и чувствительность считались характеристиками женского пола.

В результате апелляции к природному порядку были заложены стереотипы касательно мужской и женской природы и произошло закрепление гендерно-специфических ролей, определяемых через понятия силы и слабости. На основании «врожденных» половых характеров идеология модерна предписывала для мужчины мир профессии и политики, а буржуазным женщинам указывала

на сферу семьи. «Вследствие такого полярного разделения качеств закреплялись не только неравенство, но и система господства и подчинения. Решения принимал муж и отец, его абсолютному авторитету подчинялись все члены семьи» [10, 25].

С разрушением сословного общества и ростом экономики у многих представителей буржуазного общества появились новые возможности для карьеры. Возникают рабочие места, требующие специального образования. Мальчики его получали, девочки — нет, что еще сильнее изолировало их в приватной сфере, лишало возможностей самореализации. Мир учености должен был быть исключительно мужским. В разговорах в обществе женщинам также нежелательно было высказываться на тему права, экономики и политики, считавшихся мужской прерогативой. Предполагалось, что единственно возможная сфера деятельности для слабой, эмоциональной, зависимой по природе женщины — забота о муже и детях. «Это разделение между мужским и женским мирами имело также религиозную коннотацию, поскольку рыночная площадь стала считаться опасно безнравственной. Мужчина, действующий в этой сфере, мог сохранить себя только благодаря постоянному контакту с нравственным миром дома, где женщины функционировали как носители нравственных ценностей, которые могли нейтрализовать деструктивные тенденции рынка» [16, 74]. Дом был спокойной гаванью для мужчины, ответственного за материальное благосостояние семьи. Женская хрупкая личность была бы разрушена, если бы ей пришлось вступить в профессиональную конкуренцию и борьбу за материальные блага. Муж выступал для нее кормильцем и буфером от жестокого внешнего мира.

Отсюда же берут начало представления об особой уязвимости женщин в публичном пространстве. Считается, что пребывание вне дома чревато для них как угрозой физического насилия, так и возможностью утраты репутации. Многие представительницы буржуазного общества опасаются выходить без сопровождения, особенно в темное время суток, что приводит их к ограничению мобильности и еще большей зависимости от супруга. Ограничения на пребывание представительниц слабого пола в публичном пространстве и противопоставление «проституток» и «порядочных женщин» привело к тому, что «подозревать в проституции могут любую женщину, которая в темное время суток выходит в публичное пространство» [21, 184]. Из опасений за свою репутацию женщины ограничивали свое пребывание вне дома в вечерние и ночные часы. Долгое время важнейшей задачей «порядочных женщин» было избегать возможных ситуаций, которые могли нанести урон их репутации, поэтому возник особый страх перед публичным пространством, усиливший ограничение мобильности женщин. Публичное пространство — городские улицы и площади — в любое время представлялись опасными местами, где царили грубость, насилие и сексуальное искушение. В многочисленных книгах хороших манер запрет на выход из дома подавался как правило приличия, которое обосновывалось заботой о женской безопасности. Место женщины теперь — защищенный мир приватности, «домашний рай», где она должна была создавать уют. «Свой дом как приватное пространство противопоставляется отчуждению, спешке и эксплуатации эпохи модерна» [9, 47].

Однако, несмотря на разделение мужской и женской сфер, оно затрагивало в первую очередь слои образованной буржуазии и ни в коем случае не было универсальным. Только высшие слои общества могли себе позволить женскую праздность. Хотя идеологический конструкт «муж — добытчик, жена — домохозяйка» прочно укоренился в общественном сознании, большинство женщин всегда занимались производительным трудом. Иногда в небогатых буржуазных кругах это было лишь имитацией праздного образа жизни. Положение буржуазной женщины также было различным — в зависимости от статуса, достатка, места проживания, числа детей и т. п. «Демонстративный досуг супруги из высших слоев в течение веков превратился в символ статуса мужчины-добытчика, но можно также найти примеры тяжелой работы за фасадом праздной репрезентации» [17, 99].

Индустриализация вызвала потребность в женском труде вне дома — на заводах и фабриках, однако одновременно в XIX в. озаботились нравственностью работниц. Женский труд за пределами дома приобрел характер проблемы, грозящей утратой женственности. Поскольку считалось, что истинное место женщин — дом, их работа рассматривалась обществом как временная, не требующая квалификации и, естественно, плохо оплачиваемая. Конечно, задолго до наступления эры промышленного капитализма существовали женщины-работницы, но в XIX в. трудящаяся женщина стала «предметом наблюдения, изучения, беспрецедентного внимания. Современники спорили о приемлемости, моральности и даже законности ее трудовой деятельности» [7, 375]. Вопрос вызвала сама возможность одновременного сохранения женственности и необходимости зарабатывать на жизнь.

Если в доиндустриальную эпоху возможность совмещения продуктивной и репродуктивной деятельности женщин не вызвала сомнений, разделение сфер работы и дома поставило под вопрос такое сочетание. В качестве компромиссного варианта предполагалось, что женщины могут работать на производстве только до замужества, так как их истинным природным предназначением являются семейные и материнские обязанности. Поскольку считалось, что женщины работают лишь короткий период в своей жизни (независимо от реального положения дел), они могли претендовать только на неквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места. «Проблема работающей женщины, таким образом, заключалась в том, что она воспринималась как аномалия в мире, где как труд, так и семейные обязанности требовали полного рабочего дня и были разделены в пространстве» [Там же, 376].

В идеологии модерна изменилось также отношение и к женской домашней работе. Теперь она воспринимается не как труд, приносящий материальные блага, а как «служба любви» по отношению к мужу и детям. Работа мужчины вне дома, в отличие от труда домохозяйки, оплачивалась. В дальнейшем мужская работа рассматривалась как деятельность по производству материальных ценностей, в то время как работа по дому в глазах современников постепенно утрачивала свое экономическое значение — и это несмотря на то, что фактическая работа хозяйки дома только незначительно изменилась, она, как и раньше, была значима

для экономики семьи. В идеологии модерна подчеркиваются трудовая деятельность буржуазного мужчины и демонстративное ничегонеделание буржуазной женщины.

Однако, как отмечает Р. Хабермас, «из этого ни в коем случае не следует, что она действительно ничего не делает, скорее, наоборот, это старательная работа по демонстрации ничегонеделания» [15, 37]. Хотя требования к домашнему уюту в связи с ростом уровня жизни усиливаются, отнимая у женщины много времени и сил, работы по дому теперь в меньшей степени рассматривались с точки зрения экономической перспективы, пользы. Поскольку, несмотря на значительные затраты труда и времени, деятельность домохозяйки более не воспринималась как направленная на создание экономических ценностей, произошло изменение женской трудовой самоидентификации.

Примечательно повсеместное увлечение рукоделием дамами XIX в. Его популярность связана с тем, что в общественном сознании эта деятельность лишается своей экономической составляющей и воспринимается как легкий, необременительный труд. Большинство изготавливаемой таким образом продукции было не предметами потребления, необходимыми в домашнем хозяйстве, а скорее декоративным рукоделием, которое использовалось в качестве подарков. Эти подарки укрепляли социальные отношения — как ценность, сделанная своими руками и помогающая поддерживать социальные отношения семьи. Таким образом, деятельность, которую избавили от характера труда и вместо этого обратили к сфере чувств, стала признаком новой буржуазной женственности, призванной «радовать и украшать». Часы, проведенные за рукоделием, описываются в источниках того времени как мир по ту сторону рынка, работы и усилий.

Благородный образ хранительницы домашнего очага предполагал такие качества, как смирение, усидчивость и прилежание, а также внимательность к мельчайшим деталям. Поэтому уроки шитья или вязания зачастую были «дисциплинарными актами обучения добродетелям терпения и скромности, якобы от природы присущими женщинам. И это было одной из причин того, что рукоделие в школах для девочек получило настолько привилегированное место, что нередко вплоть до половины учебного времени приходилось на обучение ему» [15, 66–67].

Часто именно занятия вязанием или шитьем были для женщин первым опытом скуки. Утратив характер полезной деятельности, необходимой для домашней экономики, они перестали поддерживать самооценку женщин. «Как непродуктивная, но репрезентативная деятельность, рукоделие развилось в XIX в. как символ неподвижности и дисциплинирования, которые требовались от женщины... как классическая женская деятельность, которая сковывает голову, сердце и руки» [17, 113]. Занятия рукоделием требовали самодисциплины и самообладания. Некоторые девочки из буржуазных семей вспоминали начало обучения вязанию как «величайшее мучение нашего детства». Во взрослом возрасте «рукоделие или заполняло время ожидания супруга, или все же скрытно служило средством экономии семейного бюджета, однако без того, чтобы этот женский труд был бы виден за презентабельным фасадом» [Там же, 117] обеспеченной буржуазной семьи.

Считалось, что домашний труд — это естественная, самой природой предназначенная для женщины деятельность. Поскольку это биологический инстинкт, вызывающий потребность заботиться об окружающих, он не требует специального обучения и опыта, подобно мужской квалифицированной работе, и соответственно ценится гораздо меньше. «Люди склонны понимать заботу как часть женской биологической природы или как фундаментальную женскую черту, которая связана с женской репродуктивной ролью. Они не видят осуществление заботы как некий тренируемый навык, умение, которому следует обучаться на практике и которое сформировано культурными ценностями и экономическими условиями» [11, 3]. Считалось, что осуществление ухода за слабыми и больными членами семьи естественно присуще женщинам как матерям, женам и дочерям, подобно тому как добывание пропитания естественно присуще их отцам и мужьям.

Исторические корни подобных представлений также лежат в «идеологии сепаратных сфер». Считается, что приватная сфера семейного осуществления заботы полностью отделена от публичной сферы работы и политики. Приватная сфера семейных отношений — это домен женщины, в которой не существует мужской установки на соревновательность. Осуществление заботы в семьях должно быть передано женщинам, потому что жесткая и безличная публичная сфера является неподходящей для осуществления заботы. Обесценивание семейной заботы имеет негативные последствия для женских доходов, времени для досуга и самооценки. «Паттерны осуществления заботы связаны с неравным распределением власти, престижа и материальных ресурсов» [Там же, 10].

Поскольку домашний труд часто вообще не считается трудом и не ценится обществом, он вызывает ощущение бессмысленности и скуки, которая возникает из чувства бесцельно растрчиваемого времени. Скука представляет собой культурный феномен Нового времени, предполагающий индивидуалистическое, субъектное самосознание. «Чтобы скучать, субъект должен воспринимать самого себя как индивида, который может оказаться в разных обстоятельствах, и требовать смысла и от мира, и от самого себя. Без подобного требования смысла скука и не сможет возникнуть» [6, 19].

Особенностью Нового времени является отделение человека от традиционного порядка — социального или религиозного, ранее придававшего смысл и устойчивость его жизни. В Новое время человек оказывается предоставлен сам себе, что вызывает развитие индивидуализма, рост интереса к собственному душевному состоянию, усложнение внутреннего мира, «постепенное повышение степени рефлексии, уровня интроспекции сознания. Взгляд, направляемый раньше в первую очередь на внешний мир, теперь обращается на самого человека» [3, 161]. Напряженная рефлексия становится чертой новоевропейской культуры. Теперь человек обращает внимание на собственные душевные состояния, которые ранее не замечал. С усложнением социальных отношений и индивидуализацией усложняется эмоциональная организация человека.

В Новое время упрощается доступ к образованию у более широких слоев населения, что дает вариативность, возможность самостоятельного выбора жизненного пути и профессии, отсутствовавшие в традиционной культуре. Конечно,

это касается в первую очередь представителей привилегированных групп населения и мужчин. Возможности для женщин участвовать в политической, общественной или профессиональной деятельности в мобильном, ориентированном на успех обществе модерна были весьма ограничены. «Вероятно, тем сильнее они ощущали противоречие между своими политическими ожиданиями, надеждами и собственным негативным жизненным опытом. В свете новых буржуазных эмансипационных идей женщины более молодого поколения должны были еще сильнее ощущать ограниченность своих социальных ролей, чем поколение их матерей» [19, 96].

Отсюда возникает проблема отсутствия женской идентичности в бурно развивающемся буржуазном обществе. В то время как труд стал масштабом личности, домашняя работа утратила свой статус и признание в качестве деятельности, приносящей моральное и материальное удовлетворение. В источниках той эпохи она описывается как скучная, мелочная и ничтожная, вызывающая чувство остановившегося времени и отрезанности от мира.

Ощущение пустоты и отсутствия смыслов ведет к скуке. По мнению С. А. Лишаева, причинами скуки могут быть «монотонное повторение того же самого, дление-застывание в чем-то одном, незаполненность времени новыми впечатлениями, бессобытийность» [5, 363]. Однообразие, монотонность при невозможности вырваться за пределы этого замкнутого круга вызывают ощущение бессмысленности и безысходности. Еще одной причиной возникновения скуки можно назвать ситуацию ожидания какого-либо события. Это ожидание лишает интереса настоящее. В скуке ощущается недостаточность бытия. Человек ждет что-то, что может наполнить жизнь смыслом. Все существующее становится пустым, условным, необязательным.

Скука открывает длительность времени. «Ощущение пустоты времени в состоянии скуки — это не отсутствие событий: события происходят везде и всегда. Просто иногда время кажется только полотном, на котором сохнут краски. Пустота времени — это пустота смысла» [6, 18]. Если интересные моменты в жизни кажутся быстротечными, в скуке время тянется бесконечно долго, создавая ощущение своей избыточности. «Настоящее в скуке растягивается, прошлое и будущее ощущаются в моменте настоящего, в поглотившей все и всех скуке. Время становится пустым и незаполненным, его слишком много. “Я” взирает на мир из пустоты и с точки зрения бесконечности» [2, 46].

Для модерна характерно специфическое восприятие времени. Время мужчин становится историческим, линейным, направленным на развитие и достижение успеха, женское же время остается циклическим. Мужчина ассоциируется с цивилизацией и достижениями прогресса, женщина — с природой и ее повторяемостью годового цикла и неизменностью. Идеологами эпохи Просвещения была введена не-развивающаяся антропология женственности. «Идентификация Природы и женщины с начала рационализма Нового времени кодировала женственность как вневременную и неизменную. Если линейное время и история идентичны, то линейное время не было временем для женщин, так как было невозможно акцептировать женщин в качестве автономных субъектов в ходе истории» [17, 91–92].

Искусство и культура Нового времени определяли женщин как символ целостности и вневременности, что лишало их возможности развития и порождало ощущение пустоты и бесцельности жизни.

По словам Л. Сведенборга, «когда частная жизнь находится в центре бытия, то потребность обрести смысл жизни в тривиальной повседневности становится настоятельнее. Именно поэтому пару веков назад люди начали воспринимать себя как индивидуальные существа, которые должны реализовать себя, а каждодневное существование стало восприниматься как тюрьма. Скука связана не с физическими потребностями, а именно с духовной жаждой. Скорее всего, с жадой переживаний» [6, 16].

Х. Арендт замечает, что именно возможность действовать в публичной сфере — типично человеческая способность человека. То, что может быть воспринято другими, означает принадлежность к действительности. «В сравнении с реальностью, образующейся, когда тебя слышат и видят, даже самые мощные силы нашей внутренней жизни — сердечные страсти, душевные мысли, чувственные наслаждения — ведут какое-то неуверенное, тенеобразное существование» [1, 66].

Безусловно, необходима и приватная сфера, так как есть вещи, которым необходима тайна, которые убьет яркий свет публичности. Приватность — это место, где люди появляются на свет и умирают, но не проводят жизнь, где защищенный от увиденности и услышанности человек одновременно укрыт и сокрыт. Приватная сфера связана с необходимостью выживания. Она не сфера свободы, а находится под властью необходимости. Постоянно в приватном пространстве находились женщины, которые своим телом обеспечивали физическое продолжение рода, и рабы, труд которых обеспечивал телесные жизненные потребности членов семьи.

Для полноценного человеческого существования необходимы обе сферы. Невозможно прожить жизнь только в публичности — она рискует стать плоской. Свету публичности требуется и тень. Вместе с тем, по мнению Х. Арендт, жизнь, проведенная только в приватности, недостойна человека, так как в этом случае человек лишен сущностно необходимых ему вещей: быть увиденным и услышанным другими, возможности достичь чего-то большего, чем просто жизнь. «Приватный человек не выступает в явленность, словно как если бы его вообще не было. Все, что он делает или упускает, остается лишено значения, не имеет последствий, и что его задевает, не касается больше никого» [Там же, 76].

В Античности второе рождение человека происходило, когда он покидал порог родного дома и выступал в публичность. Для того чтобы покинуть защищающее пространство дома, требовалась такая добродетель, как мужество, бывшая условием любой политики и тем самым любой свободы. Арендт приходит к выводу, что греческий гражданин Античности имел две жизни: приватную и публичную, принадлежа тем самым к двум порядкам бытия. «Первое рождение» гражданина — это биологическое рождение в защите приватности, событие, которое совершается в укромности и тайне во всех цивилизациях. «Второе рождение» — это «вступление юного взрослого в свет публичности, в область политического действия. До этого существуют пороги, переходы, промежуточные области,

например, школа, где дети готовятся вступить в публичность» [20, 69]. «Второе рождение» не вынуждено необходимостью, это типично человеческое действие. Дальнейшая сущностно человеческая деятельность, по мнению Х. Арендт, невозможна без этой предпосылки.

В эпоху модерна для мужчин имеется возможность реализовать себя в публичном пространстве. Он свободно перемещается между публичной и приватной сферами. Для женщин возможности проявления себя в общественной политической жизни были значительно ограничены. В этом заключалась немая трагедия женской повседневности. Приватное пространство при определенных обстоятельствах может быть репрессивным местом.

Однако считалось, что женщины должны быть довольны выполнением своего истинного предназначения — службой любви мужу и детям. В доминировавшей буржуазной системе ценностей, где ценились прилежание, экономия времени и контроль над эмоциями, чувство скуки при исполнении своих считавшихся естественными обязанностей стало табу. Популярная литература, книги по воспитанию и манерам требовали, чтобы женщина, которая скучает, стыдилась своего эгоизма. В них рекомендовалось не тратить попусту драгоценное время, а всегда быть чем-то занятой. Возможные другие причины для скуки не рассматривались, когда говорилось о том, что женщины в результате отсутствия смысла жизни погружаются в глухую тоску, печаль, не имеющую оснований, в болезненное состояние души, излечить от которого может только работа. «Без радостного исполнения своего долга женщины будут жаловаться на пустоту своего бытия и скуку, мечтать о чем-то, что положит конец такому существованию, не зная, как назвать это что-то... Отсюда делался вывод, что женщина, которая скучает, свидетельствует против себя. Если такие мысли возникают во время шитья, следует быстро занять себя чем-то другим» [17, 103]. Если же женщины пытались заняться иной, помимо предписанной им, деятельностью, тогда считалось, что их время не только «тратится», но и «убивается» на деятельность, не предназначенную для семьи.

Легитимным способом обретения смыслов становится религия. В результате отсутствия у женщин возможности созидательной деятельности религия в XIX в. получает у них компенсаторный характер. Поскольку жизнь казалась им слишком пустой, традиционная набожность является возможностью обретения смысла. Происходит феминизация религии. Мужчины разделяют идеи секуляризации, в большей степени интересуются политикой и бизнесом. Церковь становится делом женщин, как одна из немногих возможностей выхода в публичную сферу. По словам У. Фреверт, «религия открывала женщинам дверь в пространство публичного, давала возможности коммуникации с другими людьми. Они могли вырваться из тесных рамок семьи — семьи, которая в XIX в. с его культом приватности и семьи становилась еще более тесной, чем ранее» [13, 14].

В конце XIX в. в результате роста самосознания женщин, все сильнее ощущавших отсутствие жизненных смыслов в своей роли исключительно частных людей, маргинальных для публичного мира, они начали требовать доступа в публичное пространство и возможности участия в политической и профессиональной деятельности.

Таким образом, в течение «долгого XIX века» в европейском обществе происходят процессы индустриализации и урбанизации, разделение дома и работы, публичного и приватного пространства. Ведущим классом становится буржуазия. Хотя ее представители составляют меньшинство населения, она распространяет свои ценности на все слои общества. Социально-экономические изменения сопровождаются усилением гендерных стереотипов. Популярность приобретает теория двух сфер: публичного и приватного пространства, согласно которой муж — кормилец семьи, а жена — хранительница домашнего очага. Этот нормативный конструкт выступает как естественное, заданное самой природой положение вещей, хотя является не культурно-антропологической универсалией, а изобретением модерна.

Установление дихотомического порядка было связано с произошедшим отделением жилого дома и приватной нуклеарной буржуазной семьи от внедомашней публичности. Исключение женщин из экономической и политической сферы буржуазного общества сопровождается потерей их прав и статуса. Домашний труд утрачивает свою экономическую составляющую и начинает рассматриваться как форма досуга, предназначенная для того, чтобы радовать и украшать. Отсутствие осмысленной деятельности и невозможность самореализации вызывают душевную скуку и пустоту, ощущение бесплодно затрачиваемого времени. Хотя в действительности возможность не заниматься продуктивной деятельностью была лишь у небольшой части женщин, идеология сепаратных сфер распространяется как идеал на все слои общества. Феминистская критика указывает на то, что пространственное разделение приватного дома и внедомашней публичности одновременно было связано с ригидными гендерно-специфическими отношениями власти и подчинения, когда женщина эксплицитно была исключена из публичной сферы, а ее единственно возможной сферой деятельности было исполнение роли домохозяйки, жены и матери. Этот влиятельный ментальный конструкт пользовался мощной общественной поддержкой как заданное от природы, естественное разделение гендерных ролей. Эссенциалистский взгляд относительно того, что женщины «по природе» принадлежат приватной сфере, оказался очень влиятельным, и эти стереотипы до сих пор воздействуют на массовое сознание. Созданный на их основе идеал семьи продолжает существовать и в наше время.

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. СПб., 2000.

2. *Аригунова Е. В.* Скука и время // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия, социология, политология. 2010. № 340 (нояб.). С. 45–47.

3. *Глебкин В. В.* Скука // Культурология. 2014. № 1(68). С. 158–171.

4. *Крамп-Канабе М.* Глазами авторов философских сочинений XVIII в. // История женщин на Западе : в 5 т. Т. 3 : Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. С. 323–357.

5. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого. СПб., 2008.

6. *Сведенсен Л.* Философия скуки. М., 2003.

7. *Скотт Д. У.* Женщина-работница // История женщин на Западе : в 5 т. Т. 4 : Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под общ. ред. М. Перро. СПб., 2015. С. 375–402.
8. *Хафтон О.* Женщины, труд и семья // Там же. Т. 3 : Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. С. 26–58.
9. *Чеснокова Л. В.* Сферы частного и публичного как дихотомия природы и культуры // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2018. № 2(19). С. 44–47.
10. *Budde G.* Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Darmstadt, 2009.
11. *Cancian F. M., Olike S. J.* Caring and Gender. Walnut Creek, 2000.
12. *Frevert U.* Bürgerliche Meisterdenker und das Geschlechterverhältnis. Konzepte, Erfahrungen, Visionen an der Wende von 18. zum 19. Jahrhundert // Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge (hrsg. von U. Frevert). Göttingen, 1988. S. 17–48.
13. *Frevert U., Haupt H.-J.* Der Mensch des 19. Jahrhunderts // Der Mensch des 19. Jahrhunderts (hrsg. von U. Frevert, H.-J. Haupt). Frankfurt a/M, 2004. S. 9–18.
14. *Gather C.* Zu einigen Begrifflichkeiten: Geschlechterrollen und Weiblichkeitsmythen // Soziologie des Privaten (hrsg. von K. Hahn, C. Koppatsch). Wiesbaden, 2011. S. 53–70.
15. *Habermas R.* Frauen und Männer des Bürgertums. Göttingen, 2002.
16. *Hall C.* The Sweet Delights of Home // A History of Private Life. Vol. 4 : From the Fires of Revolution to the Great War (ed. by M. Perrot, P. Ariès, G. Duby). Cambridge, 1990. P. 47–94.
17. *Kessel M.* Langeweile. Zum Umgang mit Zeit und Gefühlen in Deutschland von späten 18. Bis zum frühen 20. Jahrhundert. Göttingen, 2001.
18. *Kochka J.* Einleitung // Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert (hrsg. von J. Kochka). Göttingen, 1995. S. 7–34.
19. *Koschuba W.* Deutsche Bürgerlichkeit nach 1800. Kultur als symbolische Praxis // Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert (hrsg. von J. Kochka). Göttingen, 1995. S. 92–127.
20. *Moenig J.* Vom "oikos" zum Cyberspace. Das Private in der politischen Philosophie Hannah Arendts. Bielefeld, 2017.
21. *Ruhne R.* Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum. Wiesbaden, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 14 января 2019 г.

РУССКИЙ АВАНГАРД 1920-х гг.: ДВА ПУТИ СХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ И ИСКУССТВА

В статье рассматривается судьба новаторских художественных идей и эстетических проектов в 1920-е гг., направленных на достижение гармонии бытия и духа, чувства и творчества человека. Сопоставляются две эстетические концепции — метафизическая и практическая. Их различие заключается в трактовке понятия «жизнь»: как космического или как социального мира. Метафизическая эстетика шла по пути развития новых потенциалов сознания человека, практическая эстетика стремилась к вовлечению человека в функциональное взаимодействие с материальным формотворчеством. Раскрываются черты утопизма идеи об определяющей роли искусства в достижении идеала совершенства мира и человека, трактовки «совершенства» как высшей степени внутренней интеграции человека и осуществления всеобщности человечества. Подвергается критике позиция Б. Гройса, утверждающего преемственную связь между авангардистским и тоталитаристским проектами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: авангард, эстетика, искусство, Кандинский, Малевич, конструктивизм, жизнь, форма, творчество, красота, совершенство, Гройс.

Авангард — интернациональное новаторское движение, ставшее ответом на произошедший в начале XX в. культурно-цивилизационный перелом. Оно было направлено на разрушение традиционных принципов и форм искусства ради создания принципиально нового языка, выходящего за пределы художественной рамки непосредственно в жизненную реальность. Следует учитывать, что многие позиции авангарда не являлись специфичными именно для русской культуры и эстетики, а шли в русле общих тенденций европейской культуры (символизм, футуризм, кубизм, экспрессионизм). Особенностью русского авангарда является превалирование позитивной жизнестроительной направленности над свойственными европейскому авангарду негативистскими и абсурдистскими тенденциями (дадаизм, сюрреализм).

Многим русским авангардистам казалось, что революция открыла возможности для реализации их проектов в новых социальных условиях, поэтому они с энтузиазмом начали искать пути для практического внедрения своих идей. Государственная политика Советской России первой половины 1920-х гг. сначала пыталась совместить грандиозные жизнестроительные замыслы авангарда с задачами выработки единой стратегии культурной политики страны, которая должна была перестроить всю жизнь на новых началах — куда входят и «культура быта, и культура труда, культура отдыха, физическая культура и даже культура эмоций» [11, 39]. Этой цели отвечало создание новых институтов, предназначенных для формирования продуманной и целенаправленной культурной политики строящегося государства, — Государственной академии художественных наук (ГАХН), Института художественной культуры (ИНХУК). Впоследствии отношение государственной власти к новаторским проектам стало резко негативным,

ею был избран консервативный путь развития культуры и искусства, руководствовавшийся политической и идеологической целесообразностью. Это нашло выражение в утверждении абсолютного господства доктрины «социалистического реализма». В 1930-е гг. Россия вступила в долгий период тоталитарного управления культурой и искусством, а многие творцы и деятели новаторских проектов были подвергнуты политическим репрессиям.

Общая идея всех ветвей русского авангарда в сфере визуальной культуры — стремление к созданию нового мира во взаимном проникновении жизни, искусства и человека. Этой цели отвечали две радикально новые эстетические концепции. Первую можно было бы назвать «художественно-метафизической». Другая, которая также зародилось еще в досоветский период, была ориентирована на практическое преобразование материального мира (конструктивизм, «производственное искусство»). Обеим этим концепциям был присущ утопизм, поскольку они исходили из веры в осуществимость идеала совершенного мира на пути создания нового универсального языка, преобразующего человека в свободного творца во всех сферах деятельности. На основе этих идей был выдвинут единый художественный проект претворения жизни как целостности. Так, программной целью Института художественной культуры (ИНХУК) было создание Большого стиля нашего времени путем установления связи между всеми видами искусства и промышленным производством [19, 45].

В основе проекта «художественно-метафизического» крыла авангарда лежали идеи, сформулированные К. Малевичем, В. Кандинским и их единомышленниками, о назначении искусства создать новый мир, внешне не имеющий отношения к наличной реальности, а подчиняющийся общим законам живого духа «космического мира». Искусству отводилась великая созидательная миссия соединения стихии природы (бытия) с человеком (без посредничества культуры как системы смыслов), что должно было привести к подлинной реальности как единству человечества: «...Единство всего человечества необходимо, ибо нужен единый человек действия. Мы хотим себя выстроить... по-новому, так, чтобы вся стихия природы соединилась с человеком и образовала единый всемогущий лик, объединяющий обособленные индивидуальности» [14, 210].

В. Кандинский в работе «О духовном в искусстве» писал, что наступает эпоха целеустремленного созидания великой духовности как имматериальной энергии, дающей миру жизнь. Пробудить в человеке новое отношение к жизни под силу только искусству, которое создаст проект совершенной жизни человечества, возвысит материальную и социальную жизнь до духа красоты и превратит ее в художественную, эстетическую жизнь. В этом смысле искусство выступало уже и в роли новой религии, несущей миру трансцендентные абсолюты, и в роли новой детерминирующей силы, преобразующей всю человеческую деятельность [9].

И Малевич, и Кандинский считали, что рождающаяся художественная форма *происходит* из взаимопроникновения бытия и интуиции творчества художника, который возвышается до объективности животворящей силы самого творческого духа мира: «Живопись — краска, цвет заложены внутри нашего организма... Моя нервная система окрашена ими. Мозг мой горит от их вспышек» [16, 48].

Вместе с тем художник не является только инструментом материализации Космического Духа в художественных формах. Художник активно, сознательно, деятельно участвует в его творческом созидании, синтезируя разнонаправленные воздействия энергии животворящей силы творческого духа мира, превращая их в художественное произведение, а через него воздействуя на сознание других людей.

Идеи Кандинского об осмысленном формировании нового языка искусства отвечали общему стремлению представителей разных сфер гуманитарного знания к созданию фундаментальной науки о языках культуры. Целью основанной в 1921 г. Государственной академии художественных наук (ГАХН) было интегративное исследование искусства гуманитарными, естественными и социальными науками во взаимодействии теории с художественными экспериментами, а также разработка общей концепции гуманитарного и художественного образования. Кандинский выдвинул проект Новой науки об искусстве, предполагавший совместное изучение «элементов искусства» и их синтеза художниками и представителями естествознания. Результатом этого объединения должна была стать «Энциклопедия искусствознания», систематизирующая все дискурсы об искусстве [6]. Этот проект новой языковой парадигмы культуры и искусства широко обсуждался художниками и учеными.

Кандинский сразу после революции активно включился в процесс создания новых художественных организаций: в 1920 г. он возглавил Институт художественной культуры (ИНХУК), позднее стал сотрудником ГАХН. В статье «О Великой утопии» он призывал к созыву конгресса деятелей искусства всех стран во имя построения «всемирного здания искусств» [10, 40].

Главным направлением исследований ИНХУКа и ГАХН был анализ воздействия произведений искусства на человеческую психику через выразительные средства разных видов искусства и изучение способов их взаимодействия. В соответствии с концепцией художественного творчества как полного синтеза субъективного и объективного, духовного и реального Кандинский положил в основу идеи «монументального искусства», или «искусства в целом», теорию синтеза искусств, согласно которой художественный язык выстраивает гармонию контрапунктов как образ мировой гармонии. Исследование взаимодействия пространственных и временных искусств (живописи, музыки, поэзии, танца, театра) было направлено на открытие их общего «внутреннего смысла», который Художник творит подобно тому, как композитор сочиняет симфонию.

Хотя Кандинский считал, что творческий процесс начинается с бессознательной чувственной интуиции, он подчеркивал, что творчество художника пронизано саморефлексией, духовной углубленностью, что и делает искусство духовной деятельностью, подобной философии и религии. Вместе с тем идея целостности как сущности самой жизни приводила к пониманию науки об искусстве как аналогичной натурфилософии. Кандинский привлек к деятельности института представителей разных видов искусства и ученых: физиков, психологов, физиологов, химиков, историков, искусствоведов, композиторов, архитекторов.

Но проект «монументального искусства», задуманный Кандинским и продолженный в стенах ГАХН А. Г. Габричевским, В. П. Зубовым, Д. С. Недовичем,

не был осуществлен по причине отсутствия взаимопонимания художников-практиков, ученых-естествоиспытателей и теоретиков искусства, хотя масштабность замысла новой художественной науки-практики, направленность на интеграцию психологии восприятия и онтологии художественного произведения сохраняют свою актуальность и сегодня.

В отличие от главной идеи Кандинского о синтезирующей природе искусств Малевич считал, что, поскольку «мир неделим, ибо в нем все равно и неразделяемо», единственным соответствием реальности станет беспредметный супрематизм, так как «супрематизм есть единоформие... все пришло к единому белому. Все спектры всего стали в одном сознании, в одном возбуждении и движении», «...все стало безыдейно беспредметным, или освобожденным *ничто*» [15, 244–245].

По мнению Б. Гройса, в этом проявился революционный радикализм Малевича, который все же нельзя считать нигилизмом, поскольку Малевич, с одной стороны, полагал историческую конечность любых культурных форм, но, с другой стороны, верил в неразрушимость Искусства как такового, поэтому и работал с первоэлементами формы [5, 76]. Сам Малевич поясняет: «ничто» не есть образ не-бытия, «...в действительности “Ничто” не есть только пустошь, а только то действие, во что проникнуть не может человеческое» [3, 156]. Он видел в супрематизме путь к освобождению от вторичных форм и смыслов, рожденных в социуме и культуре, чтобы выйти к сфере изначальных трансцендентных абсолютов, полагая, что дело супрематического искусства не в том, чтобы передавать явления, «а только являть явление явлений» [15, 234]. Эту созидующую силу искусство получает благодаря тому, что говорит не на языке отражения реальности, а на языке форм, которые «произошли от интуитивной энергии, преодолевающей бесконечное», но «...все же имеют рациональное назначение гигиены претворения хаоса в гармонию красоты» [13, 276]. Поэтому вряд ли можно согласиться с Б. Гройсом, который называет концепцию Малевича «диалектикой несовершенства», поскольку он будто бы вдохновлялся идеей хаоса и не верил в идеал совершенства [5, 82]. Напротив, Малевич, как и многие другие авангардисты, думал о преобразении мира художником в совершенную картину, связывая ее с совершенством человека: «преображая мир, я иду к своему преобразению» [17, 159].

При всем различии понимания *формы* художниками авангарда по существу она являлась для них проводником энергетического воздействия мироздания на сознание художника и человека, воспринимающего язык искусства. Художник не только является средством проявления мира, но и активно-деятельно участвует в его творческом созидании через формотворчество и через воздействие языком форм на сознание людей. Следуя этой деятельной миссии художника, Малевич, как и Кандинский, участвовал в разработках программ распространения принципов нового искусства для их практического осуществления в жизни общества. Он возглавил Ленинградское отделение ИНХУКа, подчеркивая необходимость связи художественных исследований с психофизиологией, строительством и архитектурой, участвовал в создании советского дизайна, работал над проектом музея живописной культуры, исходя из того, что форма — это краеугольный камень всей истории изобразительной и конструирующей деятельности.

Несмотря на попытки практического внедрения универсалистских идей «метафизического» крыла русского авангарда о достижении единства Бытия, Искусства и Человека, их концепции все же по сути были утопическим художественным мифотворчеством. Имена В. Кандинского и К. Малевича остались в памяти культуры прежде всего благодаря их новаторским художественным произведениям, оказавшим большое влияние на язык изобразительного искусства XX в.

Жизнестроительная концепция «практической эстетики» («производственное искусство», конструктивизм) вкладывала в понятие *жизнь* иной смысл, связанный с единством социальной и материальной реальности. Ее представители (в основном архитекторы и дизайнеры) считали, что новые технологические возможности, открывшиеся в ходе технического прогресса, должны изменить принципы мышления человека, направив его на реорганизацию всей материальной среды, что приведет к переустройству всей жизни людей, создав новые принципы мироощущения, новые формы деятельности, общения, поведения.

Этот проект, исходивший из эстетической утопии имманентного возникновения организующей энергии, присущей совершенной функционально-целесообразной форме, дал начало развитию двух направлений: одно было занято поиском универсальных законов формообразования, соотношения архитектоники предметных форм и организации пространства (В. Татлин, Л. Лисицкий), другое занималось практической разработкой форм материальной культуры (конкретных вещей, мебели, одежды, рекламы, плаката, фотографии, архитектуры, прикладного искусства (В. Степанова, Л. Попова, А. Лавинский, А. Родченко)). Параллельно шло освоение нового языка форм в разных видах искусства — в кино (С. Эйзенштейн, Д. Вертов), в театре (В. Мейерхольд).

Революционный романтизм с его обоготворением техники питал замыслы эстетики «производственности» 1920-х гг., рисуя грандиозные перспективы культурного и художественного строительства. В России после 1917 г. эти устремления совпали с началом радикальных революционных изменений всей социальной структуры и жизненного уклада, что не могло не повлиять на социальную ангажированность «практической эстетики». Это особенно очевидно в переплетении идей «производственников» с идеологией Пролеткульта, который идеализировал пролетариат, считая культуру прямым выражением классового сознания.

Оставив за скобками политически идеологизированную фразеологию лидеров Пролеткульта, признающую будущее искусства только в процессе трудовой деятельности рабочего и провозглашающую будущее господство социально-производственного утилитаризма, согласно которому следует заменить живопись материальной вещью, театр — массовым действием, отметим только главную идею «производственников» о том, что необходимо устранить разрыв между искусством и жизнью, что искусство должно быть творчеством жизни, а не ее внешним украшением.

Направленность этих идей была во многом инициирована идеями дореволюционного интернационального футуризма, так же противопоставлявшего традиционное «станковое» искусство, как отжившее, конструированию беспредметных форм, поэтизирующего индустриальную реальность, введение

в искусство материалов из утилитарного обращения. В основу эстетической деятельности предлагалось положить принцип целесообразности, аналогично технической целесообразности, и новые эстетические критерии, отождествляющие пользу и красоту, техническое и эстетическое. Эти принципы новой эстетики были восприняты и развивались как «производственным искусством», так и конструктивизмом, они стали теоретической базой для опыта советского дизайна. Подчеркнем, что эти идеи не были следствием социальной революции, а были логическим продолжением проявившейся раньше реакции искусства на техническую и технологическую революцию в материальной культуре. Социальная революция лишь предоставляла, как тогда казалось, новые возможности для внедрения идей футуризма-конструктивизма в жизнь, создавала ощущение их общественной востребованности.

После 1921 г. российские футуристы отошли от беспредметных экспериментов и переключились на работу в сфере конструирования утилитарных вещей, так как считали, что разрушительная часть их программы выполнена и можно приступить к позитивному созиданию. Идеологи «ЛЕФа» (О. Брик, Б. Арватов) призывали к культу полезной материальной вещи, к отказу от профессионализма. Оценивая реальное содержание «производственного искусства», следует отделять лозунги радикальных идеологов этого направления от практической деятельности его художников и трезвой позиции теоретиков движения (Н. Пунин, Н. Тарабукин) [8].

В осуществлении идеи «искусство — в производство» новое предметное творчество ориентировалось все же не на политическую идеологию, а на экономический прогресс. В работах теоретиков производственного искусства звучала мысль, что конечная цель эстетической реорганизации материальной среды состоит в формировании творческого потенциала человека труда. Здесь акцент делался на слове «творчество», и свобода эстетического творчества противопоставлялась механическому ремеслу. Вещь трактовалась не однозначно утилитарно, а как образующий элемент новой эстетической среды жизнедеятельности человека.

Следующим этапом развития идей эстетического преобразования предметной среды стал *конструктивизм*, который отошел от идеи отождествления искусства и труда, утверждая необходимость нового типа художественного профессионализма. По мысли Н. Пунина, художественная деятельность, как высшая модель творчества, расчистит путь к раскрытию творческой природы целостного человека, к расширению панорамы всей культуры, тогда искусство реализует в полной мере свою творческую суть [12, 148–149]. Следовательно, только сознательно-творческое отношение к целесообразности конструирования предметной среды приведет к целесообразности социально-преобразовательных процессов. Теоретики конструктивизма считали, что внутренняя разумность системы «интеллектуально-материального производства» наложит печать на весь характер оформления городов и предметов бытового и производственного назначения, создавая стиль будущей коммунистической эпохи.

В основу нового типа формотворчества был заложен эстетико-художественный принцип, поскольку технически целесообразная форма была для конструктивистов свидетельством красоты и совершенства, а формотворческое

мастерство — качеством профессиональной художественной деятельности, понимаемой по аналогии с античным определением искусства как *техне*. В борьбе умеренного (Л. Лисицкий, В. Татлин, А. Родченко, А. Ган, Л. Попова, В. Степанова) и радикального («производственного») крыла конструктивизма рождался советский дизайн. История сохранила имена и произведения тех художников, которые соединяли в своем творчестве и художественный профессионализм, и формотворческие поиски, и социальную направленность, и создание языка взаимопонимания с современным массовым зрителем. Концепция конструктивизма выдвигалась как общеэстетическая программа, универсальная для всех видов искусства, а не только для сферы дизайна.

Но уже во второй половине 1920-х гг. практические возможности советской индустрии показали свою полную неспособность к широкомасштабной реализации принципов *конструктивизма*, что вынудило многих художников этого направления уйти в сферу прикладного искусства, выполнения отдельных дизайнерских или архитектурных заказов или даже чисто проектных вариантов в так называемых «бумажном дизайне» и «бумажной архитектуре».

Во второй половине 1920-х гг. в разработках концепции практической эстетики наметился новый ракурс, который был связан с влиянием философии культуры А. А. Богданова. В концепции культуры, изложенной в его труде «Тектология», он выстроил четырехэтапную модель истории культуры в направлении от сращения искусства с трудом в древности к последующей специализации видов и форм деятельности, к обособлению искусства при капитализме и, наконец, к завершающей стадии коммунистической коллективистской культуры и труда. Согласно такому видению исторической эволюции меняется образ культуры: из стихийного потока она превращается в целесообразно организованную систему [3]. А. Богданов приходит к функционалистской концепции культуры как высшего способа организации Целого, трактуя культуру как универсальную технологию организационного переустройства жизни. Он полагал, что выражение единства коллективного опыта должно стать организующим принципом всех сфер деятельности, в том числе труда, идеологии и искусства. Отсюда следует, что суть прогрессивной модели культурной деятельности состоит в овладении технологией интеграции единиц в организованное целое, в результате чего из материала — человеческих единиц — организуется коллектив [2, 325–334].

Идеи Богданова повлияли на развитие «практической эстетики» в социально-прагматическом направлении, связывающем эстетический проект с политической идеологией и социальной практикой, придавая ему воспитательную установку. Его последователь Б. Арватов в конце 1920-х гг. писал, что пролетарское искусство должно руководствоваться целью воспитательного воздействия на членов общества ради формирования социума нового типа. Теперь «производственное искусство» трактуется как универсальный метод организации всех форм жизни человека, как «тотальный дизайн», в котором художник мыслится как мастер-инженер [1, 232–263].

Ошибочность попытки теоретиков «производственного искусства» создать на этой базе универсальную эстетику была доказана последующим опытом

развития культуры. С одной стороны, стала очевидной утопичность претензий «производственного искусства» на универсальность модели тотальной организованности всей жизни, с другой — эта концепция стала, хоть и косвенно, поддержкой утвердившейся в СССР в 1930–1950-е гг. тоталитарной эстетики, в которой человек лишался свободы личностного творчества и превращался в элемент воспитуемой массы.

Борис Гройс в полемически остром произведении «Gesamtkunstwerk Сталин» [7] обратил внимание на то, что политическая воля и власть и художественные проекты могут сойтись в стремлении к осуществлению. Он утверждает, что советская социальная практика времен сталинизма является прямым наследованием идей русского авангарда. Эту преемственность он усматривает в том, что они будто бы вдохновлялись общей идеей установления тотального единства жизни, искусства, общества и человека, — только для авангарда она была утопической мечтой, а социализм ее реализовал практически.

С этой логикой нельзя согласиться, поскольку социальная и культурная политика сталинского тоталитаризма 1930–1950-х гг. изначально исходила из желания визуализировать и внедрить политическую идеологию таким образом, чтобы она превратилась в унифицирующий индивидуальности людей коллективный «дизайн подсознательного», открывающий путь для установления тотальной власти государства над всей жизнью общества и людей [4, 107]. Эта идеологическая установка в корне противоположна устремлениям русского авангарда первой половины 1920-х гг., который вдохновлялся идеалом гармоничной целостности бытия, искусства и свободного творческого человека, возлагая на искусство миссию пробуждения в человеке духа красоты, который творчески преобразит человеческое существование.

Направленность идей и художественных экспериментов русского авангарда 1920-х гг. по-прежнему сохраняет свою значимость для современной культуры и искусства в их поисках новых способов гармонизации человека и мира, пробуждения и реализации полноты творческих возможностей человека, обновления языков искусства. Черты идейной переключки современной эстетической культуры с самосознанием эстетической культуры 1920-х гг. с ее ценностно-мировоззренческими поисками обнаруживаются в стремлении вывести искусство за рамки классической традиции, включив его в широкий контекст жизненного мира, в проекции понятия эстетического опыта на сферу всей человеческой практики.

-
1. *Арватов Б.* Искусство и производство // Мазаев А. И. Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М., 1975.
 2. *Богданов А. А.* Программа культуры // Вопросы социализма (статьи разных лет). М., 1990.
 3. *Богданов А. А.* Тектология. Кн. 2. М., 1989.
 4. *Гройс Б.* Утопия и обмен: Статьи и эссе. М., 1993.
 5. *Гройс Б.* «Gesamtkunstwerk Сталин». М., 1987.
 6. *Гройс Б.* В потоке. М., 2018.
 7. Искусство как язык — языки искусства: ГАХН и эстетическая теория 1920-х годов. Т. 1 : Исследования / под ред. Н. С. Плотникова, Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко. М., 2017.

8. Из истории советской эстетической мысли, 1917–1932. М., 1980.
9. *Кандинский В. В.* О духовном в искусстве // Кандинский В. В. Избранные труды по теории искусства. Т. 1. М., 2001.
10. *Кандинский В. В.* О Великой утопии // Там же. Т. 2. М., 2001.
11. *Луначарский А. В.* Революция и культура // Революция и культура. 1928. № 5.
12. *Пунин Н. Н.* Искусство и пролетариат // Мазаев А. И. Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М., 1975.
13. *Малевич К. С.* Архитектура как степень наибольшего освобождения человека от веса // Малевич К. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. М., 2003.
14. *Малевич К. С.* К вопросу изобразительного искусства // Там же. Т. 1. М., 1995.
15. *Малевич К. С.* Мир как беспредметность // Там же. Т. 3. М., 2000.
16. *Малевич К. С.* От кубизма и футуризма к супрематизму // Там же. Т. 1. М., 1995.
17. *Малевич К. С.* О новых системах в искусстве // Там же.
18. *Мазаев А. И.* Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М., 1975.
19. *Подземская Н. П.* Наука об искусстве ГАХН и теоретический проект В. В. Кандинского // Искусство как язык — языки искусства: ГАХН и эстетическая теория 1920-х годов. Т. 1.

Рукопись поступила в редакцию 4 февраля 2019 г.

УДК 78.08 + 7.071.1 + 111.7

Т. Н. Смирнова

ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ТИШИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. СИЛЬВЕСТРОВА

Поиск новых смыслов и методов воплощения в художественном творчестве экзистенциально-онтологических состояний бытия приводит композиторов к тишине. В статье рассматривается воплощение экзистенциала тишины в творчестве композитора Валентина Сильвестрова. Экзистенциал тишины раскрывается как онтологический феномен, связанный с Ничто и истиной, показывается, что в творчестве композитора он воплощается в процессе самопознания — «вслушивания в самого себя»; выявляется, что В. Сильвестров придает экзистенциалу тишины сакральное значение, его музыка берет свое начало из Ничто. Особое внимание обращается на вокальный цикл «Тихие песни», в котором экзистенциал тишины воплотился наиболее ярко.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тишина и молчание, экзистенциал, «Тихие песни», сакральное, бытие, время, В. Сильвестров, Ничто.

Актуальность обращения к исследованию экзистенциала тишины в музыке обусловлена тем, что к экзистенциальному осмыслению бытия, выявлению его сущности и значимости для человеческой личности, проживающей процесс непрерывного становления, обращаются многие философски мыслящие композиторы второй половины XX — начала XXI в. Одним из таких композиторов является В. Сильвестров. Его художественное творчество раскрывает экзистенциал тишины во всей сложности бытийных смыслов, при этом акцент в его музыке делается на воплощение тишины как сакрального явления, это отличает произведения В. Сильвестрова от ряда других творческих исканий современных композиторов.

Поэтому мы предлагаем анализ того, что такое экзистенциалы и экзистенциал тишины, в качестве инструмента для понимания творчества композитора В. Сильвестрова.

Экзистенциалы выступают конкретными модусами бытия на уровне экзистенции. Как замена термина «категория», экзистенциал появляется у Мартина Хайдеггера, который не соотносил с ней экзистенциал, поскольку экзистенциалы имеют более сложную психокогнитивную природу. В экзистенциалах синтезируются чувственные, рациональные и волевые конституанты бытия индивидов, а в категориях в рациональной, эксплицитной форме отражается мир вещей. Экзистенциалы не являются феноменами и не используются в качестве понятий, так как они необходимы для анализа онтологических систем, произрастающих из экзистенции. В трудах А. С. Гагарина мы находим следующие свойства экзистенциалов: изначальная предикатность, некатегориальность, не-структурованность, не-иерархичность, антиномичность, оппозиция объективистскому детерминизму [6, 71], также можно добавить безобъектность, отсутствие предмета [2, 64]; напряжение пограничных ситуаций, субъективность, временность, ценностно-ориентированное значение и т. д. Различные экзистенциалы могут иметь сходные основания, при этом являясь противоположными, в этом проявляется антиномичность проявлений экзистенциально-онтологических состояний.

Развитие теории экзистенциалов в трудах А. С. Гагарина [6], Р. А. Бурханова [4] и др., а также в философии тишины и молчания у М. Хайдеггера [10], М. Эпштейна [12], В. Бибихина [1], М. Логиновой [8] пришло к тому, что следует отличать экзистенциалы тишины и молчания. Экзистенциал тишины связан с Ничто, Началом и истиной, Бытием и его непрерывным становлением. Тишина — это мир, застывший в молчании. Озвученный мир — это мир непрерывного движения, сопровождаемого звуком. Тишина является феноменом онтологическим (это характеристика бытия, времени и движения), а молчание — антропологическим (это характеристика языка и человека, мышления).

В искусстве, являясь экзистенциально-онтологическими основаниями художественного творчества, тишина и молчание выступают не как феномены, а как темы, способствующие самораскрытию бытия в художественном произведении.

Тишина, музыка, композиции Валентина Сильвестрова рождаются из Ничто. Композитор сам определяет появление композиций из Ничто: «творческий процесс как бы состоит из противоборства двух противников — сделанности и некоторого недоумения, неопределенности...» [5, 95], «про свои композиции я помню, что не знаю, как они начинаются... начало словно скрыто от сознания... ты не в состоянии осознать, когда “ничто” делается “чем-то”» [Там же, 100]. Ничто соответствует пустоте, из которой не только Сильвестров, но и многие философы (М. Фуко, Ж. Делез) образуют тишину. В буддизме пустота имеет основополагающее значение, это шуньята — пустота, отсутствие постоянства. Через пустоту-тишину проявляется то, что не может быть выражено речью. Для Мартина Хайдеггера пустота отождествляется с Ничто. В буддизме отрицаемое трудноопределяемо, так как пустота является отсутствием, что не всегда может быть определено как Ничто. В буддизме отсутствие ответа тоже ответ, точнее

один из вариантов ответа, а молчание свидетельствует о невозможности выразить словами смысл. Если рассматривать Ничто: Ничто как пустота, Ничто как противоположность сущего, Ничто как небытие, то его статус в буддизме — статус абсолютный, статус тишины, молчания и присутствия.

Тишина в работах Валентина Сильвестрова носит сакральный характер. Сильвестров приходит к сакральному через самопознание, он «стремится “вернуться к себе” из сакральной реальности, то есть взглянуть на себя через призму высокой Духовности» [3, 35]. Яркой иллюстрацией данной мысли выступают «Тихие песни» для фортепиано и баритона на стихи Е. Баратынского, С. Есенина, В. Жуковского Дж. Китса, М. Лермонтова, О. Мандельштама, А. Пушкина, Ф. Тютчева, Т. Шевченко, П.-Б. Шелли. В названиях некоторых стихотворений обнаруживаются созерцательность, спокойствие («Белеет парус одинокий», «Горные вершины», «Несказанное, синее, нежное», «Шуберт на воде»), отношение к природе («Зимняя дорога», «Несказанное, синее, нежное», «Зимний вечер», «Когда волнуется желтеющая нива», «Были бури, непогоды», «Унылая пора, очей очарованье!»), печаль («Я скажу тебе с последней прямокой», «Осенняя песня», «Топа да болота...», «Выхожу один я на дорогу», «Болящий дух врачует песнопенье», «Несказанное, синее, нежное», «Я не знаю, с каких пор», «О милых спутниках», «Я встретил вас», «Унылая пора, очей очарованье!»). Стоит отметить, что многие названия песен — первые строчки стихотворений.

Приходя к тишине через приглушенное слово, ведь весь цикл исполняется вполголоса — *sotto voce*, а не через безмолвие, Сильвестров озвучивает сакральные слова Творца. «По мысли Сильвестрова, путь “обратного преодоления слова” приводит к тишине как “оставлению всякого умственного действия”, прорыву к смыслу, очищенному от искажений, ибо в христианском мирозерцании Божественное молчание онтологически предшествует слову» [Там же, 36].

Сакральный смысл тишины в «Тихих песнях» носит конкретный музыкальный характер, когда композитор использует ее в знаках музыки и текста и возводит ее до уровня духовного постижения. «...Сильвестров рассматривает тишину как знак осязания профанной реальности, провоцируя тем самым процесс самопознания (“вслушивания в самого себя”). Таким образом, сакральный смысл тишины в “Тихих песнях” может быть воспринят как авторский жест, посылаемый из профанной в сакральную реальность...» [Там же].

В. Мартынов понимает тишину через молчание, для него молчание выступает онтологическим основанием, молчаливым созерцанием Абсолюта, а не антропологическим феноменом, который сопровождает внутренняя речь. Тишина, в отличие от молчания, имеет естественную природу. В тишине обнаруживаются бытийные основания, проявление бытия, наряду с Ничто. Отличие тишины от молчания состоит в том, что тишина выступает как воплощение бытия, а молчание — как одно из воплощений языка, звука, речи. Молчание — феномен культуры, человеческой речи, оно имеет социокультурную природу и проявляется только в отсутствие разговора.

Существует несколько взглядов на сакральное и профанное в тишине и музыке. Один из них принадлежит Владимиру Мартынову. Как пишет И. А. Бродова,

«начальным этапом в формировании сакральной реальности... Владимира Мартынова можно считать момент установления важнейшей причины духовного кризиса, которую он видит в маргинальности современного сознания, сужающей духовный кругозор... Поясним, что под “новым сакральным пространством” композитор подразумевает духовную картину мира, выступающую в его понимании как интерпретация концепта единого христианского пространства» [3, 34]. Таким образом, по мысли В. Мартынова, искусство, служащее воплощению Абсолюта, должно противостоять маргинальному миру, в художественных произведениях оно должно стремиться к молчаливому созерцанию Абсолюта, поэтому молчание для Мартынова — «это не какое-то пассивное состояние человека. Это, наоборот, может быть высшая активность человека... Молчание — это как бы зерно сакрального пространства» [9]. Миссия искусства, и в том числе музыки, для В. Мартынова состоит в том, чтобы раскрывать сущность Абсолюта, служить его постижению и воплощению, в этом композитор видит задачу подлинного искусства. Противопоставляя свои произведения тем музыкальным сочинениям, в которых нет мысли об Абсолюте, В. Мартынов говорит следующее: «Моя музыка — это искусство. В принципе это искусство, которое, я надеюсь, намекает на то, что нечто вот это есть (Абсолют). Она намекает на этот момент молчания (благоговения перед Абсолютом). Всегда. Это сознательно сделано» [Там же].

Музыка трудноуловима в «Тихих песнях», она не перекрывает поэзию, она кажется простой и не теряет своей простоты, даже при вслушивании, открывая свою многогранность. «Настоянная на сокровенности тишина заставляет в себя вслушиваться — не сразу, конечно (потому композитору и потребовалось почти два часа). Постепенно нарастает чуткость восприятия. Под покровом вариантных повторений “одной песни” обнаруживается множество деталей, оттенков, смысловых наклонений» [11].

Как замечают многие исследователи, концепция тишины Сильвестрова, сакральный смысл которой передается через божественную гармонию, близка к пониманию тишины Григория Паламы, который, комментируя высказывание Дионисия Ареопагита об исихии, о том, что единение с Богом возможно только через молчание и отказ от всякой зависимой жизни, что ум только через молчание взлетает выше «всего сотворенного», говорит, что «весь исступив так из самого себя и весь принадлежа Богу, он видит Божью славу и созерцает Божий свет, совершенно недоступный чувственному восприятию как таковому, — благодатный и святой дар незапятнанных душ и умов, без которого ум, хоть он обладает умным чувством, не смог бы видеть Бога и соединиться с тем, что выше его, как телесный глаз ничего не видел бы без чувственного света» [7, 79]. Композитор использует прием намеренного упрощения для передачи и открытия новых смыслов. «В списке произведений Валентина Сильвестрова много “старого”, “тихого” и “простого”. Простое подразумевается “Детской музыкой № 1” и “Детской музыкой № 2” — циклами фортепианных пьес 1973 года... Тихое заявляет о себе и прямо, и косвенно. Иногда — упоминанием неактуально мягкосердечного жанра (фортепианная “Элегия”, 1967); иногда — указанием на спокойную сосредоточенность (симфоническая “Медитация”, 1972); иногда — возведением в имя собственное основного

тона исполнения (“Тихие песни”, 1974–1977)» [11]. «Тихие песни» не содержат характерной композиторской техники, они шокируют слушателей своей простотой, мотивами бытовых городских романсов, протяженностью (2 часа) и некоторой монотонностью. Из указания композитора исполнителям: «Петь как бы вслушиваясь в себя. Все песни должны петься очень тихо, легким, прозрачным и светлым звуком, сдержанно по экспрессии, без психологизма, строго. Цикл желательно исполнять полностью (без перерыва) как одну песню» [Там же].

К. Б. Сигов сказал о музыке Валентина Сильвестрова: «Структура неслышимого сквозит в его (Сильвестрова) интонации: бережно, без малейшего нажима своеволия, он артикулирует не звуки, а прозрачную ткань “тишины”, ее экзистенциал — ожидание» [7, 9]. По мысли Сигова ожидание выступает сущностью тишины, то есть остановка, пауза, направленность в будущее или прошлое, время и движение — вот что определяет тишину у Сильвестрова.

Т. В. Чередниченко называет творчество Сильвестрова «послесловием»: «От музыки остался отзвук... Мгновения, когда звук исчерпывается, но продолжается в шелесте снимаемого со струн смычка, в остаточной вибрации аккорда рояля, в немом до-выдохе исполнителей на духовых и т. д., композитор превратил в самостоятельные звуковые краски... Послезвучание — не просто новое качество звуковой материи, а еще и концепция творчества» [11]. К тому, что Чередниченко называет «послесловием», относится произведение «Пятая симфония», которую сам Сильвестров называл «постсимфонией»: «В ней все — кода. Главные темы откликаются на романсовую череду “Тихих песен”, на романтические образы “Китч-музыки”. Фоном им служат найденные в “Лесной музыке” (1977–1978) звучания природы: широкое пространство рисуют открытые зовы медных и гулы ударных; околосурдинное звучание струнных, беззвучные выдохи духовых заполняют простор шелестами листьев, дыханием ветра. Форма — тоже отклик, но не прежним опусам, а самой себе» [Там же].

«Послесловие» заключается в отзвуках, в паузе, в остановках и возвращениях, характеризуется расплывчатыми чертами, смазанностью, гулом, шелестом. В симфонии для баритона и оркестра «Ehexi monumentum» воплощена свобода звука, не скованного никакими рамками, как бы направленная на исполнение на природе, а не в концертном зале. «Музыкальная ткань в симфонии Сильвестрова так сочинена, что звуки живут, пока не затихнут сами по себе... В звуковом пространстве веет свобода, но не та, что выражает себя в человеческих деяниях, а та, что прирождена струению ручья или порывам ветра. По сути дела, звук ведет себя у Сильвестрова так, как если бы он был паузой. Ведь только паузы не бьются о стены концертного зала, только их нельзя заглушить демпферами. Как бы они ни были кратки, они длятся словно сами по себе — столько, сколько им отведено природой молчания. Паузы свободны, даже когда наиточнейшим образом вычислены (и тем самым ограничены) композитором» [Там же]. То есть свобода выступает как бы синонимом тишины, но в то же время как природный шум, который подчеркивает тишину.

Как и многие композиторы, которые в своем творчестве обращаются к экзистенциалам тишины и молчания, В. Сильвестров опирается на достижения

композиторов Новой венской школы — Шенберга, Берга, Веберна. Обращаясь к нововенцам, Сильвестров обращает внимание на интонацию и ценность каждого звука, но избегает традиционного построения формы произведения в пользу новой формы, подчиненной принципам мелодии и вокальной логики.

Говоря о тишине в музыке В. Сильвестрова, Чередниченко вспоминает о А. Веберне: «Пространство молчания в его музыке уравнивает предельную концентрированность структурных сил, которым достаточно единственного изолированного звука, чтобы продемонстрировать свою мощь... Веберновские паузы оставались мало замеченными и осмысленными. Сильвестров высветил их смысл. Можно сказать, что натурально-свободный звук Сильвестрова — это облаченные в акустическую плоть веберновские паузы» [11]. В отличие от других композиторов, которые использовали не целый, а частичный звук — музыку Веберна, разложенную на части, Сильвестров обратил внимание на паузы и детали, которые несут особое значение.

Беседуя с музыковедом Мариной Нестьевой, Геннадий Айги, к стихам которого часто обращался Сильвестров, рассказывая о нем, говорит о комбинаторном подходе, свойственном многим композиторам после достижений Веберна, Берга, Шенберга, после накопления множества средств выразительности, то есть о вариациях уже прошлых достижений. Это не путь к новаторству, а повтор уже бывшего. А В. Сильвестров сопротивлялся этому явлению: «И вот путь Сильвестрова — пробиваться через растущую мелодичность, мелодику, мелос — это и есть путь возрождения истинной музыки, путь поющей души человека. Когда музыка механизмуется, подход, выбранный Сильвестровым, сулит большие возможности для будущего» [5, 13]. А также Г. Айги называет Сильвестрова «структуралистом», исходя из того, что он «вырисовывает структуру того или иного произведения перед зрителем-слушателем» [Там же, 14].

Г. Айги высказывается и о «Тихих песнях» В. Сильвестрова. С точки зрения поэзии в данном цикле содержатся самые сложные и значительные стихи русской классики. Сильвестров считает, что любой крупный композитор обладает своей собственной интонацией, а Г. Айги подчеркивает, что ритм «представляет собой обогащение метрического ритма разнообразием интонации каждого отдельно взятого поэта» [Там же, 15]. Особенно Г. Айги выделяет песни на стихи С. Есенина, а именно «Несказанное, синее, нежное», которую находит написанную в исключительном стиле, который не свойствен произведениям, написанным на стихи Есенина, а именно тонкость музыки [Там же, 16].

Четыре части «Тихих песен» разделены по смысловому принципу. Первая часть состоит из пяти песен, которые объединены общим смыслом — состоянием потери. Для этого композитор выбрал стихи не только русских классиков. В данном разделе представлены стихи Пушкина, Баратынского, а также Шевченко, Китса. Во второй части представлены песни на стихи Шелли, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Мандельштама, чтобы передать человеческие переживания, тонкие грани между грустью и верой. Третья часть состоит из трех песен на стихи Лермонтова — «Горные вершины», «Выхожу один я на дорогу», «Когда волнуется желтеющая нива». Эти стихотворения объединены темой

созерцания природы, связи с природой человека. Любовь к природе также роднит Сильвестрова с Тютчевым.

Последняя часть содержит пять песен на стихи Жуковского, Мандельштама, Пушкина, Тютчева. «Символический настрой песен, их концентрированная духовность декларируется даже в названиях (в отличие от прежнего принципа, когда название номеру давалось от первых строк стиха, теперь мы видим “Медитацию”, “Оду”, “Элегию” и т. п.). Как всякий финал, этот тоже несет обобщающую функцию претворения в сжатом виде не только идей, скажем, наиболее философичного по содержанию первого микроцикла, но и проблематику всего сочинения; вместе с тем тут композитор достигает нового стилистического качества, в частности, в интонационном отношении» [5, 45].

В «Тихих песнях» Сильвестров как бы полемизирует с поэтами и композиторами прошлого, в них угадываются черты романтизма, венской школы, народных мелодий, старинных мелодий и т. д.

Музыка В. Сильвестрова сочетает философское осмысление бытия и обращение к этическим проблемам. Для того чтобы каждый слушатель смог воспринять смысл, Сильвестров в «Тихих песнях» выбирает наиболее известные стихи поэтов, которые используются в цикле. Использование известных стихов сопряжено с некоторыми трудностями: «...на первый взгляд, чудится, что он (Сильвестров. — Т. С.) словно прячется за доступность проверенного временем языка: в одних песнях улавливается стилистика миниатюр Глинки и Даргомыжского, в других прослушивается голос Чайковского — Рахманинова, в шевченковской “Прощай світе...” — напев украинских лирников, а в песне “La belle Dame sans merci” Джона Китса — старинной английской баллады. Но когда вслушаешься в музыку, уже не отвлекают столь явные ассоциации» [Там же, 43].

Объединяет цикл несколько принципов, «и действуют они не только последовательно от начала к концу, и не только между микроциклами и внутри них. Они возникают “на расстоянии” с помощью разного рода арок, общности мотивов смысловых и собственно музыкальных, а также жанровых аналогий» [Там же, 51]. Имеется в виду разнообразие песенных жанров, использованных композитором. Свойственная музыке В. Сильвестрова песенность наиболее ярко воплощается в данном музыкальном цикле.

Таким образом, проанализировав природу и способы воплощения экзистенциала тишины в музыкальном творчестве В. Сильвестрова, мы выявили, что в экзистенциале тишины в произведениях этого композитора экзистенциально-онтологические процессы и состояния воплощаются на разных уровнях: это напряжение бытия между тишиной и молчанием, это экзистенциальное напряжение между бытием природы и бытием человека, напряжение движения между стремлением к развитию, жизни и стремлением к покою, остановке, смерти, это напряжение времени между интенцией к будущему и стремлением вернуться в прошлое, остановиться, застыть на месте, замереть. Рождая музыку из пустоты, из Ничто, В. Сильвестров пытается выразить то, что невозможно высказать при помощи звука. Для раскрытия многогранности Абсолюта и воплощения экзистенциала тишины композитору необходимо было прибегнуть к помощи русской

классической поэзии, которая разделяет стремление композитора к сакральному в экзистенциале тишины, к молчаливому присутствию Абсолюта. Поэтому музыкально-поэтическое воплощение экзистенциала тишины у Сильвестрова носит сакральный характер, проявляющийся в процессе самопознания. Расширение границ музыки посредством таких приемов воплощения тишины и молчания, как постепенность проявления звука, натурально-свободный звук, приглушенное слово — *sotto voce*, послезвучие, обращение к жанрам элегии и медитации, дает композитору уникальную возможность запечатлеть экзистенциальную сущность бытия.

1. Бибихин В. В. Язык философии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
2. Бондаренко И. А., Крутеlevич А. В. Экзистенциалы как указатели, а не понятия // Norwegian Journal of development of the International Science. 2018. № 16. С. 64–65.
3. Бродова И. А. О сакральном смысле тишины в «Тихих песнях» Валентина Сильвестрова // Музыкальная культура и образование: инновационные пути развития : материалы II Международ. науч.-практ. конф., 20–21 апр. Ярославль, 2017. С. 34–37.
4. Бурханов Р. А., Никулина О. В. Концепция экзистенциалов в трактате М. Хайдеггера «Бытие и время» // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6(50). С. 11–15.
5. Валентин Сильвестров. Музыка — это пение мира о самом себе... Сокровенны разговоры и взгляды со стороны: беседы, статьи, письма / сост. М. Нестьева. Киев, 2004.
6. Гагарин А. С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. № 12(62) : в 4 ч. Ч. 2. 2015. С. 70–73.
7. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих / пер., послесл. и коммент. В. Вениаминова. М., 1995.
8. Логинова М. В. Эстетический аспект молчания в культуре: С. Л. Франк и М. Хайдеггер // Международный журн. гуманитар. и естеств. наук. 2017. № 2.
9. Мартынов В. От иконосферы к иконе гламура. В поисках нового сакрального пространства : стеногр. международ. науч.-методол. семинара: «Пространственные иконы. Текстуальное и Перформативное» под руководством А. М. Лидова [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fsynergiaisa> (дата обращения: 10.03.2019).
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
11. Чердниченко Т. В. Музыкальный запас, 70-е: Проблемы. Портреты. Случаи // Новое музыкальное обозрение. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru/gum.html> (дата обращения: 13.03.2019).
12. Этштейн М. Слово и молчание в русской культуре. Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М., 2015. С. 247–281.

Рукопись поступила в редакцию 27 марта 2019 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.4 + 124 + 140.8(470)

Н. А. Шестовских

КОНЦЕПЦИЯ «ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА» В РАБОТАХ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

В статье представлен анализ трудов русских религиозных философов конца XIX – начала XX в., рассматривавших концепцию «христианского социализма» – религиозного истолкования актуальных социальных проблем на основе христианской теологии, философии, этики и социологии. Подробно анализируются работы В. Ф. Эрн и С. Н. Булгакова, посвященные проблеме устройства общества, исходя из христианского идеала, выявлены общие черты и кардинальные отличия в концепциях русских философов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, христианский социализм, собственность, русская религиозная философия.

В России проблема общественного идеала всегда находилась в центре внимания русской философской мысли. Практически каждый крупный философ конца XIX – начала XX в. так или иначе обращался к социальной проблематике (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Ф. А. Степун и др.).

В начале XX в. русский философ Владимир Францевич Эрн, один из основателей «Христианского братства борьбы», в своей статье «Христианское отношение к собственности» изложил идею создания специфического русского христианского социализма, основанного на православных догматах. Основной задачей новой политической партии, по его мнению, являлось создание христианской общественности, которая должна стать на место государства. Осуществление этой задачи возможно, по мнению русского мыслителя, только при упразднении частной собственности.

В. Ф. Эрн не отрицает значения собственности, он признает, что собственность есть «...крупнейший факт человеческой жизни и имеет значительное влияние на формирование и структуру всех человеческих отношений вообще и общественных

и политических в особенности» [8, 194]. Но главным вопросом для человека, по его мнению, является не вопрос о том, *что* такое собственность, а вопрос о том, чем собственность *должна быть* и каково должно быть отношение к ней со стороны человека.

Опираясь на анализ библейских текстов, В. Ф. Эрн доказывает, что принятие христианской веры связано с отречением «от всего»: истинный христианин должен порвать все связи с землей, все человеческое и природное должно быть им отвергнуто. Если любовь к отцу или к матери влечет меня к измене Христу, если око мое или рука моя соблазняет меня отступить от Него, я должен «возненавидеть» своих родителей, отнять члены моего тела и бросить их от себя (Лк. 16, 26; Мф. 18, 8:9). Высказав эти мысли, В. Ф. Эрн делает вывод: «Но если нужно отречение от всего, то, значит, и от личной собственности» [Там же, 201]. Любые внешние условия, безусловно необходимые действия и предметы (необходимые для научных исследований книги, используемые для ремесленного производства инструменты и т. д.), не являются основанием оправдания частной собственности, для этого достаточно владения и пользования.

По мнению В. Ф. Эрна, служение Богу несовместимо со стремлением к личному обогащению. Все, что соблазняет человека, должно быть удалено, так как «никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и Мамоне» (Мф. 6, 24).

В качестве доказательства того, что Евангелие требует от каждого верующего освободиться от всякой собственности, В. Ф. Эрн приводит также знаменитую притчу о юноше, спросившем Иисуса Христа, что он может сделать, чтобы иметь жизнь вечную, на что Спаситель ответил: «Если хочешь стать совершенным, пойди и продай имение твое и раздай нищим» (Мф. 19, 21).

Из всего вышесказанного В. Ф. Эрн делает вывод, что личной собственности у верующего быть не должно. «Кто не отрешается от личной собственности, тот не христианин, а язычник» [Там же, 201].

Подобное толкование евангельского текста подверглось критике со стороны православных современников В. Ф. Эрна. В частности, доцент Казанской духовной академии К. Г. Григорьев в своем открытом письме к Эрну «К вопросу о христианском отношении к собственности» отмечает, что Евангелие не отрицает частной собственности как таковой, а показывает, каким образом христианин должен пользоваться собственностью, т. е. «учит пользоваться ею во имя Бога на пользу ближним» [4, 130]. Если собственность «мощно соблазняет тебя пользоваться ею для себя самого, то удались от соблазна, отрекись от имущества своего, чтобы не служить двум господам» [Там же]. Чтобы осуществлять свободное господство над собственностью, нужно иметь ее и управлять ею.

На мой взгляд, особого внимания в этом вопросе заслуживает обращение К. Г. Григорьева к текстам Евангелия, в которых человеку заповедуется в течение всей жизни помогать нуждающимся, давать милостыню и заниматься благотворительностью. Для того чтобы помогать страждущим, нужно иметь имущество, нужно приобретать имущество и нужно трудиться. Таким образом, по мнению

К. Г. Григорьева, с которым сложно не согласиться, в Евангелии нет мысли об обязательном и безусловном «освобождении христианина от имущества», а есть лишь указание на обязанность раздавать имущество нуждающимся, то есть делиться.

В. Ф. Эрн в своей статье подчеркивает, что владение имуществом является идолослужением, то есть приданием религиозного, абсолютного значения относительной вещи. Каждая вещь божественна, но именно как часть целого. Когда мы отрываем ее от всего и берем в отдельности и обособленности, она становится идолом. Владение имуществом и материальными средствами оправданы, только если они являются общим достоянием, когда же они вырваны из общей связи и прикреплены к отдельному лицу в виде частной собственности, по мнению Эрна, они становятся «не только не божественными, но и прямо демоническими, и признание их, как таковых, является идолослужением» [8, 203].

Необходимо отметить оригинальную мысль В. Ф. Эрна о существовании другой крайности отношения к собственности, которую философ называет атеизмом. Если идолослужение связано с интенсивно переживаемым желанием закреплять имущество непременно за собой, то атеизм характеризуется отсутствием каких-либо переживаний в отношении собственности вообще, то есть «непризнанием никаких богов, непризнанием даже себя за идола, т. е., попросту говоря, нигилизмом» [Там же]. Такого рода «собственники» относятся к собственности как к чему-то чужому, лежащему вне их сознания, внутренне с ними не связанному. При полнейшем отсутствии осознания обязанностей по отношению к собственности их права на нее обращаются в абсолютно пустые притязания и носят чисто отрицательный характер. Они «как бы стараются изъять свою собственность из общего запаса средств мироздания» [Там же], но при этом уничтожают ее в своем нигилизме, превращая в какую-то пустоту и совершенное ничто. Такой нигилизм является полным отрицанием того, что собственность их принадлежит Богу и Бог, создавая ее, создавал для чего-нибудь определенного и с каким-либо намерением.

На наш взгляд, идеи В. Ф. Эрна об атеистическом отношении к собственности, отсутствии осознания обязанностей по отношению к ней являются особенно актуальными в наши дни. Собственность обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей. При попытке определить, что такое собственность, необходимо учитывать, что настоящим собственником является только тот, кто способен «осуществить» ее. «Юридический владелец без о-своения владения “пустой господин”, *leerer Herr*, а настоящий собственник по праву свободы собственности тот, кто делает из нее верное употребление» [1, 384].

В. Ф. Эрн допускает, что два этих противоположных полюса отношения к собственности в чистом виде не встречаются, чаще всего имеются «смеси» в различных пропорциях этих постоянных элементов: если присутствует немного атеизма, то много идолослужения или, наоборот, немного идолослужения и много нигилизма. По мнению В. Ф. Эрна, наилучшим вариантом является тот, при котором атеизм и идолослужение все-таки уравниваются «истинно христианским отношением к собственности» [8, 204], то есть таким отношением, при котором не только отсутствует привязанность к имуществу, но и существует готовность всегда поделиться им с нуждающимся.

Русский философ полагает, что истинное отношение к собственности не может быть установлено исходя из индивидуальной морали. Индивидуальная мораль определяет отношение к чувству собственности, но не отношение к самой собственности, она предписывает каждому быть внутренне свободным и не связанным ничем внешним, но «быть не связанным еще не значит не быть обязанным» [8, 204]. Тот факт, что собственность не должна воздействовать на человека и держать его в рабстве, еще не значит, что человек не должен сам воздействовать на собственность и подчинять ее высшим идеям. «Отрешаясь от собственности, человек освобождается только от рабства, но не становится еще господином» [Там же, 205]. Исходя из этого, В. Ф. Эрн делает вывод: для победы над собственностью мало силы отдельного лица, нужны коллективные силы и условия жизни общины.

Ссылаясь на опыт Иерусалимской общины в ранний период христианства и на послания мужей апостольских, русский философ приходит к выводу, что общение имуществ является не только нормальным и желательным, но, более того, заповедуемым апостолами требованием. На вопрос, каким должно быть отношение к собственности в среде верующих, В. Ф. Эрн отвечает: «...верующие, отрешившись от частной собственности, должны перейти к полному общению имуществ. Между ними все должно быть общее, и всем, что имеют, они должны делиться братски и любовно» [Там же, 208].

Философ также полагает, что именно община сможет решить современную проблему «атомизированности» человека, духовной и душевной разобщенности в обществе. Новый век, век преодоления «психического пространства», должен быть веком открытий и изобретений, по внутреннему своему смыслу превосходящий ранее открытое и изобретенное; нам предстоит новое Возрождение, но уже не то прежнее, внешнее, а «другое — внутреннее, путем действительного воскрешения в себе всего прошлого и принятия в свою душу всей жизни человечества» [Там же, 208].

Но первым условием существования «психического пространства», под которым русский философ подразумевает душевную отчужденность, является личная собственность. Именно собственность, по мнению В. Ф. Эрна, разъединяет людей и является главным препятствием для общения, поэтому она подлежит преодолению и уничтожению. В новых общинах, которые будут создаваться, собственность должна быть безусловно побеждена и преобразована в новую форму. «В теперешней жизни преобладает эмпирическая личность и ею определяется владение собственностью, — тогда в общинах станет возможным высвобождение и реальная жизнь — личности идеальной (внутреннего человека, сотворенного по образу Божию) и владение собственностью должно претвориться в новое и определяться уже условиями жизни реализованного внутреннего человека» [Там же].

Имущество и материальные средства из загоронок должны стать мостами и путями сообщения и общения и образовать корреляты тем духовным связям и тому внутреннему единению, которые устанавливаются между всеми верующими, живущими в общине. Общение имуществ, как одна из сторон общинной жизни, должно быть проникнуто стихиями любви и стихиями безусловной свободы.

В. Ф. Эрн четко разделяет понятия общинных и общественных отношений. По его мнению, в общине все свои, а в обществе есть свои, но и еще больше чужих. Как следствие, общественные отношения для христианского сознания всегда будут чуждой внешней стихией, потому что действовать в них только изнутри нельзя, нужно еще и извне, внешним принуждением. Но внешнее принуждение, хотя и может быть терпимо христианским сознанием, осуждается им с точки зрения безусловного идеала и подлежит устранению.

Исходя из разделения общинного и общественного, Эрн ставит нравственный вопрос: как же должно относиться христианство к этой чуждой внешней и темной стихии? Нужно ли ко всем людям, верующим или неверующим, входящим в общину и стоящим вне ее, относиться одинаково, по-христиански? Если я могу помочь двум или трем страждущим, но при этом прекрасно знаю, что есть сотни и тысячи других людей, не имеющих возможности кормиться и жить своим трудом, обреченных на нужду и голод в результате малоземелья или «капиталистического сладострастия», то, «если я хоть сколько-нибудь добросовестный человек, случайная и недостаточная помощь моя двум или трем не может заслонить передо мною горе и слезы сотен и тысяч» [8, 210]. Если «известной тактикой, в которую необходимо входит и некоторого рода насилие» [Там же, 211], можно добиться, чтобы земли, принадлежащие собственникам-капиталистам, перешли в руки крестьян, которые перестанут умирать с голоду, или чтобы рабочие, ставшие участниками предприятия, получили возможность подумать и о хлебе духовном, то как к этой тактике должен относиться истинный христианин?

По мнению В. Ф. Эрна, до настоящего времени «сколько-нибудь действенных форм положительного религиозного воздействия на буйную стихию общественных отношений не выработано: их еще нет» [Там же]. Мы верим в то, что они будут выработаны, но пока их нет. Что же делать? Отказаться от всякого воздействия или все-таки пойти путем, включающим насилие, но «по-новому осветить его и наполнить новым духом?» [Там же]. Таким образом, В. Ф. Эрн задает вопрос: возможно ли оправдать насилие?

Русский философ полагает, что все последующие века после апостолов историческое христианство было занято только индивидуальным спасением, личным самосовершенствованием, и совершенно забыло об идеале святости тела всего человечества и идеале спасения общественного. С односторонней резкостью это произошло только в последние столетия, до этого было только лишь «бессознательным уклоном», но в результате акцента только на идеал индивидуальной святости историческое христианство не выработало «христианских форм деятельности общественно» [Там же, 213]. Эрн считает, что те «полуфарисейские, полубуддийские рассуждения об общественном и политическом «непротивлении», которые твердятся некоторыми представителями духовенства» [Там же], можно не слушать. Следовательно, необходимо «с Евангелием в руках» [Там же] попытаться найти ответ на этот весьма непростой вопрос.

Человек связан физиологической потребностью питаться и одеваться с общим механизмом социально-экономического строя. По мнению Эрна, «мы все так или иначе ходим по чужим ранам, обезображиваем детские лица, вырываем из семей

девушек для публичных домов» [8, 215], то есть мы все, «один больше, другой меньше, участвуем и живем в преступлении». Для верующего человека эта проблема осложняется тем, что для него не может существовать отдельных людей как самодовлеющих атомов, — все принадлежат «к единому телу человечества, понимаемого как единое существо, как становящаяся Церковь» [Там же]. Участвуя в социально-экономической неправде, «мы участвуем в продолжающемся и теперь распинании Христа» [Там же, 216].

Таким образом, чувство вины перед всеми и грехи перед всеми, раскрытые и пережитые по-христиански, делают для христианина субъективно необходимым и религиозно-должным общественное служение, то есть христианскую общественную и политическую деятельность в том обществе и государстве, в котором он живет.

Чувство вины открывает нам, что мы все связаны с другими, нас нет как чего-то отдельного, мы все существуем как часть всех. Следовательно, обязанности по отношению к телу индивидуальному, к телу отдельного человека сохраняют всю свою силу и все свое значение и по отношению к телу коллективному, к телу всего человечества.

Продолжая идеи В. С. Соловьева о Богочеловечестве, В. Ф. Эрн указывает на то, что для «постановления универсального Богочеловечества нужны не только одна воля и любовь Божия, но и свободная самодеятельность человечества». В этой положительной деятельности он усматривает три стороны. Первая — личная работа во всех ее видах; вторая — создание общинной жизни, в которой, «оплодотворяясь религиозным общением, личные силы превращаются в новый вид религиозной энергии, качественно отличный от энергии личной и превосходящий ее количественно по интенсивности» [Там же, 221]; третья — создание «великого и таинственного искусства», к которому призывал в своих работах В. С. Соловьев.

Но эта положительная религиозная деятельность не может быть действенной, если не будет подавляться и устраняться то, что «пассивно мешает и активно препятствует становлению человечества Богочеловечеством» [Там же, 222]. В. Ф. Эрн выделяет в теле человечества три похоти: экономическую, социальную, вырастающую на извращенных социальных отношениях, и политическую, если эти извращенные отношения юридически закрепляются политическими нормами. С этими тремя видами похоти необходимо бороться. По мнению Эрна, бороться с экономической похотью с помощью убеждения, пропаганды или личного примера бесполезно, необходимо «перестать быть толстовцами и буддистами и стать христианами» [Там же, 223]. По всем странам, указывает философ, самой жизнью выработаны определенные формы борьбы с экономической похотью и «неправдою экономических отношений: стачки, забастовки и устройство союзов» [Там же]. Эрн считает, что необходимо принять эти старые формы, наполнить их новым духом и сделать их христианскими средствами.

Таким образом, основываясь на христианских положениях и на толковании Священного Писания, В. Ф. Эрн приходит к выводу, что каждый верующий человек должен отречься для Христа от всего, в том числе и от собственности,

поскольку существенным признаком собственности является внутреннее установление предела, границы и препятствия для другого, что несовместимо с христианскими заповедями. На мой взгляд, данный вывод является спорным, так как в Евангелии существует не запрет на обладание частной собственностью, а заповедь быть внутренне свободным от богатства и указание истинному христианину на необходимость занятия благотворительностью.

Владение собственностью рассматривается В. Ф. Эрном, с одной стороны, как идолопоклонничество, то есть придание религиозного, абсолютного значения относительной вещи, а с другой стороны — как атеизм и нигилизм, как полное отсутствие любого переживания в отношении собственности, в том числе и ответственности, превращения Божьего в ничто. Оба этих противоположных полюса несовместимы с истинным христианством.

Ссылаясь на Евангелие и опыт первой Иерусалимской общины, В. Ф. Эрн приходит к выводу, что верующие обязаны отказаться от частной собственности и перейти к полному «общению имуществ». По моему мнению, при обращении к опыту первоначальных христианских общин нельзя не учитывать общепризнанный исторический факт, что практика обобществления имуществ была введена только в Иерусалимской общине, в других же общинах имущество не было общим. Общность потребления в Иерусалиме, на наш взгляд, не могла быть прочной, так как необходимо должен был наступить момент, когда все имущество оказалось проданным и потребленным. Такой способ существования привлекал к общине неимущих со всех сторон и подрывал сам себя. Это «общение имуществ», в большей степени являясь результатом эсхатологических настроений, просуществовало очень недолго, и иерусалимские христиане скоро были вынуждены обратиться за помощью к другим церквям.

Нельзя не согласиться с В. Ф. Эрном в том, что существовавшая на тот момент форма экономических отношений, основанная на эксплуатации одних людей другими, не соответствовала христианскому идеалу. Несмотря на то что русский философ совершенно справедливо указывал на необходимость выработать новые христианские средства борьбы с экономической неправдой, на мой взгляд, весьма спорной представляется его попытка нравственного оправдания насилия при установлении справедливого общественного порядка.

В начале XX в. концепция «христианского социализма» также была представлена в работах русского мыслителя и богослова Сергея Николаевича Булгакова, который рассматривал вопросы социального, христиански ориентированного устройства общества. Как отмечает профессор Б. В. Емельянов, именно первый период творчества С. Н. Булгакова отмечен «постоянным обращением к проблемам хозяйственной жизни, общественного прогресса и идеала, все возрастающим стремлением распространить влияние религиозной формы общественного сознания на все стороны жизни общества» [6, 49]. Необходимо отметить, что активное обращение к социальной проблематике, характерное для раннего периода творчества С. Н. Булгакова, со временем сменилось более умеренной позицией.

С. Н. Булгаков пытается доказать, что между христианством и социализмом может и должно существовать положительное соотношение, более того, лишь

на религиозной основе можно найти надлежащее разрешение социальных вопросов.

В своей работе «Христианство и социализм» С. Н. Булгаков отмечает, что в наши дни человечество, как никогда раньше, стоит перед важнейшим выбором: какой путь выбрать в деле спасения мира — хозяйственный или религиозный? Христианство дает однозначный ответ на этот вопрос: человек живет не одним хлебом, а словом Божиим, в противном случае мы фактически подчинились бы *этому* миру, замаскировавшись хозяйственным овладением. Человечество, достигнув небывалого экономического подъема, то есть «приобретя некоторое частичное умение превращать камни в хлебы» [2, 8], ошибочно поверило в это превращение как в свой единственный путь.

С. Н. Булгаков, ссылаясь на текст Евангелия, делает вывод, что «христианство указывает путь совершенной свободы от хозяйственной заботы: Христос учит не заботиться о завтрашнем дне, жить, как птицы, и цвести, как полевые лилии, предоставляя себя заботе Отца Небесного» [Там же, 10]. Каждый христианин должен охранять свою духовную свободу от хозяйства, не отдавать себя всего и до конца хозяйственной работе, не признавать «хозяйственной стихии первой и определяющей человеческую жизнь и свободу» [Там же, 11]. По мнению С. Н. Булгакова, никакие хозяйственные реформы не дадут человеку этой внутренней свободы от хозяйства, победу над ее соблазном может дать себе только сам человек.

С другой стороны, христианство серьезно и строго относится к хозяйственным обязанностям человека, оно не снимает с человека всеобщей повинности труда. Труд имеет незаменимое значение для человека как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, как возможность служения ближним. «Христианство оздоровило и укрепило хозяйственную жизнь Европы, внося в нее новую и огромную силу — моральный авторитет труда» [Там же].

Русский философ считает, что «религиозный соблазн социализма» [Там же] заключается в предположении, что все порочные наклонности человека происходят от бедности и побеждаются вместе с нею, потому что человек всецело зависит от хозяйства — «есть то, что он ест». Этот догмат экономического мировоззрения, со всей решительностью выраженный в марксизме, присущ в большей или меньшей степени всем социалистическим учениям.

По мнению русского философа, социализм, как разновидность гуманизма, ошибочно имеет в своей основе веру в беспредельную способность человеческой природы к самосовершенствованию. В отличие от гуманизма христианство учит, что все многообразные области человеческой деятельности подлежат суду и контролю религиозной совести, причем контроль этот должен быть не внешний, а внутренний. Для христианина возможно признать и допустить не самодовлеющую культуру, а только аскетически контролируруемую. Аскетизм, в свою очередь, опирается на известное недоверие к человеческой природе, вернее, к ее данному состоянию, так как человеческое естество поражено грехом, природа человека больна. В гуманизме и в социализме, как в одном из практических приложений гуманизма, напротив, провозглашается полное доверие к человеческой природе:

человек не нуждается в сверхъестественной помощи, так как имеет в своей природе всё. Человеку, конечно, нужно еще много достигнуть на историческом пути, но он это сделает своими силами, не нуждаясь в божественной благодати. Человек сам есть бог, только становящийся. В прогрессе будут устранены все противоречия жизни и дисгармония. Прогресс и является настоящим божеством для религии человекобожия.

С. Н. Булгаков обращает внимание на противоречивость социализма: с одной стороны, социализм поддерживает общегуманистическую веру в человека, на которую опирается и вера в прогресс, и в его радужные дали, с другой — в социализме совершенно упраздняется человеческая личность, которую так умело ценить раннее, творческое Возрождение, вместо нее в центр ставится социальная среда. «Согласно учению социологизма обществом правит железная необходимость, и она руководит и человеческими желаниями и поступками» [2, 28]. В соответствии с практической моделью социализма личность своим усилием должна стремиться к тому, чтобы прорвать эту цепь силой своей личной мощи, своей свободы.

Русский философ совершенно справедливо указывает на мещанство («буржуазность») социализма: социализм духовно пропитан мещанством: он отравлен духом тех самых «буржуев», которым он завидует и которых он ненавидит. Еще для Герцена весь европейский мир разделился на два лагеря — буржуа имущих и боящихся за свое достояние и буржуа неимущих, но завидующих чужому достоянию. С. Н. Булгаков противопоставляет мещанству социализма религиозное мироощущение, для которого руководящими являются не личные и не здешние, а потусторонние ценности из царства не от мира сего, между тем как для мещанства все исчерпывается интересами и успехами этого мира. Русский социализм, это «социал-буржуйство», по мнению С. Н. Булгакова, сам с ног до головы пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он является «капитализмом навыворот». Вот почему социализм обычно враждебен религии, как и всякому духовному, не мещанскому подъему, враждебен искусству, вообще истинной культуре.

Несмотря на недостатки социализма, С. Н. Булгаков подвергает острой критике и капитализм с его организованным эгоизмом. «Никогда еще в истории не проповедовалось в жизни такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне, и хотя мир не видал еще такой хозяйственной мощи, но к чему же она теперь привела? К мировому пожару, к капиталистической войне всех против всех! ...История капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии» [Там же, 33]. По мнению С. Н. Булгакова, капиталистическое хозяйство ради общего блага должно быть преобразованным в направлении растущего общественного контроля или в направлении социализма. «Социализм прав в своей критике капитализма, и в этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма...» [Там же].

Но, признавая правду социализма «как неправду капитализма», С. Н. Булгаков отмечает их общие черты: и социализм, и капитализм строятся только на экономическом интересе. Социализм разделяет с капитализмом его неверие в духовную

природу человека. Для социализма общественное преобразование исчерпывается внешней, прежде всего экономической, реформой. «Социализм интересуется человеком одновременно и слишком много, и слишком мало, сулит ему земной рай и однако его не уважает, не признавая в нем нравственную личность» [2, 35]. В качестве примера С. Н. Булгаков приводит «Утопию» Томаса Мора, написанную в самый ранний период социализма, в которой выражено убеждение, сделавшееся общим для всего социализма, что достаточно отмены частной собственности для полной победы над порочными наклонностями в человеке. И чем дальше, тем эта мысль звучит настойчивее. «Для социализма человек есть денежный мешок, пустой или наполненный, так же, как и для капитализма» [Там же].

В противоположность ограниченности социализма и эгоистичности капитализма С. Н. Булгаков приводит «христианский социализм», основная мысль которого состоит в том, что между христианством и социализмом может и должно существовать положительное соотношение. «Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни» [Там же, 37]. Русский философ полагает, что в самом социализме, рассматриваемом как совокупность мер социальной политики, нет ничего, что бы не соответствовало христианской морали. Таким образом, сама мысль о «христианском социализме» не имеет в себе ничего противоречивого, так как лишь на религиозной основе можно находить надлежащее разрешение социальных вопросов. Христианству не только нет никаких причин бояться социализма, но есть и все основания принимать его в качестве благодетельной общественной реформы, направленной на борьбу с общественным злом.

Но христианство совершенно отвергает все самообольщение социализма, так как он бессилён внести действительно существенное преобразование жизни. «Социализм есть только паллиатив... он есть благотворительность, одна из ее форм». Торжество социализма не внесло бы ничего существенного. Надо так слепо верить во всемогущество экономической среды над человеком, как социалисты, чтобы допускать, что с изменением ее изменится и человеческая природа. «Человек вовсе не есть такая кукла или механизм, заводимый хозяйственной средой» [Там же, 41]. «Социализм обидно думает о человеке в этом своем оптимизме» [Там же]. Христианство не только не верит в то, что страдание в человеке может быть побеждено социализмом, но и не видит в том ничего желательного. Напротив, это было бы духовным падением для человека, понижением его существа. Человек не для счастья рожден, и не к счастью должен он стремиться, но к духовному росту, который совершается лишь ценою борьбы, страданий, испытаний. «Не счастье, но блаженство, духовная радость, не сонное благополучие, но горение и парение духа способны насытить душу человека» [Там же, 43]. Современный гуманизм считает злом всякое страдание и хочет освободить от него человека: задача столь же неисполнимая, сколь и неверная. «Мещанское счастье», благополучие, которое сулит вместе со здоровым пищеварением социализм, привело бы к тому, что «человечество задохнулось бы от пошлости этого самодовольного благополучия,

мир постигла бы своеобразная социалистическая варваризация. Но никогда не наступит это мечтаемое благополучие, ибо не к гармонии и спокойствию, но к последним потрясениям движется мир» [2, 45].

Таким образом, несмотря на критику капитализма, С. Н. Булгаков подвергает острой критике и реальный, материалистический социализм, в котором «находят свое выражение низменные, животные инстинкты». Организуя массы на борьбу за свои экономические интересы, подавляя все религиозные, духовные потребности, марксистский реализм унижает человека духовно. Решение социальных вопросов общества, по мнению С. Н. Булгакова, возможно только на религиозной основе. Предлагаемая им концепция «христианского социализма» происходит, в отличие от социализма и капитализма, из иного источника. Русский философ руководствуется идеей соборности Церкви.

По мнению исследователя К. Н. Костюка, христианский социализм у Булгакова являлся «выражением верховенства духовных интересов над экономическими и с самого начала совместим с понятиями прав человека, свободы совести, конституционализмом и парламентаризмом. Христианская экономика одухотворяется у него задачей “умножения благ”, содействия труду божественного творения» [9, 307].

В отличие от В. Ф. Эрна, С. Н. Булгаков не предлагал обобществление собственности, но считал, что христианство призывает «не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам» [8, 231]. По мнению философа, христианство проповедует свободу от собственности и «попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею» [2, 231].

Подводя итог, необходимо отметить, что к общим чертам у В. Ф. Эрна и С. Н. Булгакова в концепции «христианского социализма» можно отнести уверенность в том, что только на религиозной основе можно найти надлежащее разрешение социальных вопросов. У рассмотренных философов можно найти призыв к активному христианскому действию для создания совершенного идеала общества, утверждение о том, что капитализм должен быть преобразован в направлении общественного контроля или в направлении социализма.

Кардинальным отличием в концепции «христианского социализма» у русских философов является отношение к собственности. Если позиция С. Н. Булгакова включает в себя лишь осуждение экономического интереса при обязательности труда, первостепенность потусторонних ценностей, эсхатологическую направленность мысли, предположение о том, что достижение всеобщего благополучия было бы духовным падением для человека, то позиция В. Ф. Эрна заключается в однозначной ликвидации частной собственности и обобществлении имущества. По мнению С. Н. Булгакова, христианство проповедует свободу от собственности и позволяет ее существование лишь при условии этического ее регулирования.

На мой взгляд, христианский идеал отношения к собственности, провозглашенный В. Ф. Эрном, является недостижимым. Уничтожение частной собственности, по мнению В. Ф. Эрна, ведет к христианской любви и справедливости, но,

как показывает исторический опыт, уничтожение частной собственности приводит к еще большей социальной несправедливости. Концепция «христианского социализма», представленная В. Ф. Эрном, является утопичной по причине того, что для ее осуществления русский философ изначально закладывает возможность и необходимость использования насильственных мер, что в корне противоречит христианскому идеалу.

1. Бибихин В. В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012. С. 384.
2. Булгаков С. Н. Христианство и социализм. Типография товарищества Рябушинских, 1917.
3. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990.
4. В. Ф. Эрн: pro et contra / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Ермичева. СПб., 2006. С. 130.
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Париж, 1948. С. 145.
6. Емельянов Б. В. Персонология русской мысли : слов. Нижневартовск, 2014. С. 49.
7. Емельянов Б. В. Три века русской философии: Русская философия XX века : учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.
8. Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 194.
9. Костюк К. Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. СПб., 2016. С. 307.
10. Коваль Т. Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство. М., 2014.

Рукопись поступила в редакцию 30 января 2019 г.

УДК 141.32 + 141.4 + 929 Шестов

А. В. Шуталева
Е. А. Путилова

ПРОБЛЕМА АБСУРДА В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

В статье представлено исследование взглядов Л. Шестова на проблему абсурда веры как квинтэссенции внутренней жизни индивида. Категория абсурда применяется Л. Шестовым для познания Бога, живого человека и мира. Анализ деятельности такого концептуального персонажа в работах Л. Шестова, как Иов, позволяет показать абсурд в качестве условия опыта подлинного существования. Абсурд рассматривается как возобновление опыта собственного начала личности, где вера обрекает человека на познание неизвестного и на «пребывание в неизвестности».

Ключевые слова: абсурд, философия абсурда, свобода, вера, Лев Шестов, религиозная философия.

Актуальность обращения к проблеме абсурда связана с особенностями экзистенциального кризиса, переживание которого характерно для современного человека [11, 13–16], а также с разработками многопланового анализа внутренней

взаимообусловленности теолого-философских концептов в религиозно-философской картине мира [7, 8, 24, 25]. Л. Шестов — один из мыслителей, для которых проблема абсурда является ключевой в раскрытии личностно-экзистенциальных смыслов религиозной веры. Посредством развития идеи абсурда он высказывает невысказываемое и показывает путь осмысления философом веры как «мост» к становлению, ибо «философское “Я” есть своего рода мост, один конец которого примыкает к “логическому” как форме всего, что “может быть сказано”, другой же — к невысказываемому “есть” мира, которое может только “именоваться” или “показываться”» [3, 30].

Идеи Л. Шестова об абсурде как квинтэссенции внутренней жизни индивида основаны на представлении о необходимости преодоления присущего человеку состояния утраты смысла собственного существования. «Абсурд» среди категорий философской системы Л. Шестова имеет ключевое значение в его понимании сущности человека, поскольку Л. Шестов утверждает «безграничную власть» абсурда. А. Камю, обращаясь к творчеству Л. Шестова, соглашается с ним в споре с рационализмом и развивает представление об абсурде веры как готовности к «прыжку веры» [9]. Для Л. Шестова абсурд — это характеристика познания, применимая к постижению как Бога, так и мира и человека, живущего в нем.

Тема абсурда становится основной для вопроса богоискательства и самоопределения человека в мире [4, 12]. Абсурд — доминирующая познавательная установка человека в эпоху экзистенциального кризиса [16]. Абсурдность мира отражается в «смещении взгляда» относительно общих истин как владеющих судьбами людей, а абсурдность познания — в сомнении, что у познания могут быть основания, гарантирующие успешность поиска истины, что познание — это путь, наделенный координатами и направлениями. Проявление абсурда в области веры требует дерзновения в признании чуда, невозможного с позиции рационально мыслящего человека.

Преобладание рационального мировоззрения в обществе приводит к тому, что основанием мироощущения человека становится эмоциональная тревога: «Само философствование начинается для Шестова с сознательной постановки себя на место человека переживающего, проходящего через определенные эмоциональные состояния. Речь здесь, конечно, идет о негативных эмоциональных состояниях, отмеченных экзистенциальной тревогой. Для Шестова категорически неприемлем тот способ снятия этой тревоги, который поставляется человеку рефлексией» [18, 82]. Л. Шестов развивает идею абсурда как «спасающего» человека, и в этом понимании его понимание абсурда отличается от «деструктивного абсурда А. Камю, в основе которого — бунт и самоубийство человека» [10, 73].

Л. Шестов считает, что одной из главных характеристик человека является то, что он «сотворен свободным». Свобода является характеристикой личности как экзистенциального центра, взгляд которой конституирует мир, обладающий человеческим изменением, а значит, это неизбежно ценностно-окрашенный мир [17, 22, 40]. Л. Шестов рассматривает свободу как выбор между добром и злом, определяя их как «обман», борясь с ними как с идолами, которые требуют служения себе.

Л. Шестов связывает свободу с мистическим видением мира. Он пишет, что источником свободы является Вера Священного Писания. Великим даром знать Истину и слышать «весть Бога» человек наделен с рождения, что имеет онтологическое значение для человека. Л. Шестов указывает на то, что в мире разума человек «отторгается» от Истины как причины возникновения экзистенциального кризиса, преодоление которого делает необходимым воплощение человеком абсурда в жизнь. Выбирая жизнь, человек должен вступить в борьбу с «равнодушной мощью Ничто» для того, чтобы рациональное спокойствие заменилось сначала страхом, тоской, а затем — предчувствием «великой неожиданности». Л. Шестов описывает экзистенциальную свободу человека как реализующуюся в процессе «превращения бывшего в небывшее», что является невозможным с точки зрения рационального разума.

Л. Шестов следует апостолу Павлу и выдвигает тезис: «Все, что не от веры, есть грех» [19, 315]. Вера является единственным условием спасения человека, поскольку именно вера позволяет преодолеть владычество рационализма над «умами и сердцами» и постичь неопределенность и абсурдность, которые для Л. Шестова «реальнее самой реальности». Главной характеристикой реальности абсурда является то, что это не «твердая почва», это «почва», которая постоянно «уходит из-под ног», и в этих условиях жизнь человека превращается в жизнь в мире неизвестности [26, 27]. Л. Шестов пишет о «прекрасной нелепице», которая является «резервуаром» живительной неопределенности.

Л. Шестов, разделяя людей по природе на способных и не способных к абсурду веры, реализовывал метод скептического вопрошания. В поздний период своего творчества Л. Шестов изменяет свою точку зрения: метафизик способен «прорваться сквозь щели бытия», способен спастись истинной верой. Л. Шестов возвел «философию абсурда» в принцип мировоззрения. Отметим, что абсурд противоположен «бессмыслице», констатирующей факт «отсутствия смысла». Абсурд у Л. Шестова является «пограничным» понятием, указывающим на границу между «привычным», интеллигибельным порядком значений и средой, где они «теряют свою значимость».

Власть разума над волей человека не абсолютна, человек способен на «свободное бесстрашие», подобное Аврааму. «Дерзновение» и «философия абсурда» алогичны и не подчиняются критериям разума, ибо это бытие в возможности. Справедливым в данном ключе представляется мнение Е. В. Бакеевой, что «возможность-бытие... то, что всегда предшествует противопоставлению “того, что есть” и “того, что может быть” в конечном человеческом мышлении» [2, 93].

Мышление человека конечно, поскольку «фиксирует некое “что”, противопоставляя его “иному”. Именно так мыслит конечный разум все существующее, включая себя самого. Однако именно в этом (противопоставляющем и разделяющем) мышлении и обнаруживается, так сказать, неполнота, ущербность той действительности, которая утверждается конечным разумом: любое “что”, устанавливаемое в качестве существующего, может быть чем-то “иным”. Эта потенциальная инаковость неразрывно связана с вторичностью любого выделенного сущего, которое выделяется на фоне начала — как такового» [Там же].

Л. Шестов в произведении «На весах Иова», как и в других своих работах, неоднократно цитирует слова одного из Отцов Церкви: «...верую, ибо абсурдно» [20, 15–16], приводя слова Тертуллиана: «никто не услышал, он сам даже не услышал себя» [Там же, 16]. Кризис веры Л. Шестов связывает с распространением эллинистических представлений о всесовершеннейшем существе, что привело к изменению представлений о Боге в европейской культуре. Философ с сожалением пишет о том обстоятельстве, что Богу пришлось «изменить свою природу» [20, 16]. Причиной изменения представлений о Боге в эллинистический период является появление «рационалистической метафизики», которую Л. Шестов определял как «убийцу Бога», что коррелирует с представлениями Ф. Ницше, считавшего, что мораль является прародителем рациональной метафизики, развитие которой приводит к подобному «убийству». Образ библейского Бога, по Л. Шестову, был изменен в связи с необходимостью включения в размышления о Нем «предиката бытия».

Л. Шестов пишет о необходимости возвращения к образу «истинного» ветхозаветного Бога, что приводит его к попыткам осмыслить точку зрения Ф. Ницше по этому вопросу. Л. Шестов не раз отмечал, что для Ф. Ницше утверждение о «смерти Бога» является одним из принципов моралистической метафизики [6]. Так же как и Ф. Ницше, который наедине со страшной болезнью искал Бога, Л. Шестов посвятил всего себя поиску Бога, а значит, и постижению вечных, неразрешимых вопросов человеческой жизни, таких, как тайна веры, ужас смерти и надежда на спасение. Л. Шестов дает свою оценку деятельности раннего Ф. Ницше, которая заключается в видении Ф. Ницше как человека, ищущего «убежище», в самом процессе поиска которого возникают идея и тема «добра». В дальнейшем тема поиска «убежища» была испытана в теории Ф. Ницше о «смерти Бога» и размышлениях, находящихся «по ту сторону добра» [21, 71].

Понятие «философия абсурда» в работах Л. Шестова становится универсальным и соотносится с опытом «подлинного существования», ибо в нем для человека возобновляется «опыт своего собственного начала» и «прыжок веры» становится делом всей жизни. У Л. Шестова понятие абсурда очерчивает мысль в состоянии «преодоления непреодолимого». Несмотря на то что шестовские представления об абсолютной свободе близки к идее «свободы безумия», тем не менее одной из любимых цитат Л. Шестова являются евангельские слова: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Но это для Л. Шестова и есть «дерзновение», в которой мудрость достигается верой, которая выше разума.

Для Л. Шестова вера без разума основана лишь на произволе Бога. Более того, если обратиться к Священному Писанию, то оно само является бесконечной неопределенностью: «Бесконечная неопределенность Писания позволяет каждому обнаруживать свои собственные смыслы, ибо встреча с текстом при его прочтении создает со-в-местность, пространство, которое понимается особым образом: оно не абстрактно и не однородно, но индивидуально и качественно разнородно [23, 203]. Библейские тексты наполнены пропусками, разрывами. Однако в текстах опыта Моисея, Иоанна умолчания свидетельствуют о совершающемся со-бытии,

«ибо мистическое путешествие — это путешествие “на одном месте”. В этом “пустом пространстве” и заключается смысл» [23, 203].

Л. Шестов обращается к библейскому примеру жизни и деятельности Иова, который стал в творчестве отечественного экзистенциалиста основным концептуальным персонажем. Иов у Л. Шестова — человек, жизнь которого демонстрирует, что логика этого мира может быть преодолена. Шаг навстречу свободе, который сделал Иов, по Л. Шестову вписан в «смысл земли». Но такое положение недоступно пониманию большинства людей. По мнению Л. Шестова, Иов выбрав путь неизвестности, он «идет вперед не оглядываясь, ни о чем не загадывая, не спрашивая, куда он идет» [19, 625]. В интерпретации Л. Шестова Иов преодолевает состояние «послушного раба», его «поиск живого Бога» является активным и имеющим особый смысл, в котором находит воплощение откровение как высшее состояние живого человека [10, 70]. Бог испытывает силу веры Иова, в данном процессе Иов посредством глубинного отречения от доводов разума сумел вырваться из мира, где властвует необходимость, и тем самым стал ближе к Богу, ибо Бог может быть «доступным» только «разбуженному человеку веры» [Там же]. В процессе обретения Бога Иов смиренно принимает все несчастья, которые выпадают на его долю, он кричит, плачет, проклинает, но не Бога, а день своего рождения.

Проблема Иова у Л. Шестова связана с «ценностными канонами»: «Вопрос о ценностях есть вопрос о людях, утверждающих их своей жизнью» [5, 171]. Вера Иова была настолько сильна, что он готов был пожертвовать жизнью во имя нее. Л. Шестов видит присутствие Бога во всем, однако его Бог, как и Бог Иова, всегда скрыт [1, 409]. Бог творит человека, предоставив ему свободу, Бог сам свободен, поэтому свобода — сущностная черта человека, которая воплощается в свободе не только выбора, но и творчества. И в этом смысле Иов символизирует диалектику бытия человечества. Как отмечает В. Курабцев, Иов, находясь в рамках «всемства», испытывает ужасные страдания, и ужасные беды приходят в его жизнь, однако только знание о подлинной свободе «человека рая» позволяет Иову преодолеть страх и прийти к дерзновению: являясь «наилучшим человеком “всемства”, Иов “не удушил в себе... пафос свободы”, что способствовало достижению им состояния “живого человека”» [10, 70].

Л. Шестов описывает состояние свободы как состояние «дерзновения» живого человека, преодолевающего необходимость, например, бунтующего «подпольного человека» против общеобязательной морали. «Он не “думает”, он отчаянно мечется, стучится куда попало, бьется обо все... стены. <...> Он уже не направляет себя, им владеет сила бесконечно более могучая, чем он сам» [20, 61] — так Л. Шестов описывает «подпольного человека», однако данные слова можно отнести и к фигуре Иова, для которого собственное «безумие» вписано в мудрость мира. Л. Шестов подчеркивает такую сущностную черту Иова, как особое переживание им чувства веры, которое не нуждается в логических доказательствах, ибо «вера... живет “по ту сторону” доказательств» [19, 628]. Л. Шестов описывает путь Иова как путь в бездну, путь, отсутствие ориентиров в котором требует огромных усилий духа, ибо «труднее всего человеку, который осужден идти сам не зная куда» [20, 246], а Иов, не задумываясь о будущих перспективах, руководствовался

«только верую». Иов вступил на путь, где испытываются логика Сердца и логика Разума. Для мира Иова знаковым является то, что «возможность» управляет им, а не необходимость. Вера явилась условием достижения Иовым «Откровения, высшего состояния “живого человека”» [10, 70].

Л. Шестов описывает жизнь Иова как «вариант симфонии жизни человека, проходящего время покоя, большого горя, душевного бунта и спасения» [Там же]. Иов активен в акте утверждения собственной веры, в утверждении того, что для Бога «нет ничего невозможного». Пассивный созерцающий индивид не способен на «абсурд веры».

Несмотря на то что абсурд порождает тревожное беспокойство, разрушает обыденность, Л. Шестов отказывается от доминанты разума в пользу абсурда веры, считая необходимым «выбить почву из-под ног» разума. Рационализм преодолевается абсурдом веры, что приносит беспокойство и отчаяние, но только так человек достигает «соответствия с самим собой». Л. Шестову недостаточно констатации «реальности иррационального», он учит человека жить в неизвестности, призывая философию охватывать неизвестное как таковое.

-
1. Ахутин А. Примечания и комментарии // Шестов Л. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 406–410.
 2. Бакеева Е. В. Действительность возможности // Эпистемы : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2012. С. 87–96.
 3. Бакеева Е. В. Философия как деятельность: условия возможности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 12(62) : в 4 ч. Ч. 4. С. 29–33.
 4. Бонеецкая Н. Лев Шестов. Богословие абсурда // Страницы: богословие, культура, образование. 2015. № 4(19). С. 535–558.
 5. Гусейнов А. Философия как этика (Опыт интерпретации Ницше) // Ф. Ницше и философия в России. СПб., 1999. С. 159–178.
 6. Жильцова Е. А. Трансформация идей Ф. Ницше в религиозном экзистенциализме Л. Шестова : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ин-т философии и права. Екатеринбург, 2008.
 7. Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
 8. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль: проблемы нормы // Культура русской речи (Гротовские чтения): V Международ. науч. конф. 2017. С. 45.
 9. Камю А. Миф о Сизифе. СПб., 2005.
 10. Курабцев В. Иерусалим Льва Шестова // Вестн. МГУ. Сер. 7 : Философия. 1991. № 5. С. 56–75.
 11. Лазутина Т. В., Стожко Д. К. Духовный потенциал русского народа // Экономическая наука России в годы Великой Отечественной войны : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. за вып. К. П. Стожко, Н. Н. Целищев. 2015. С. 132–149.
 12. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996.
 13. Матвеева А. И. Национальные особенности русского самосознания личности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 61–67.
 14. Матвеева А. И., Ветошкин А. П. «Духовное делание» как основа совершенствования личности // Политика и общество. 2011. № 8(80). С. 67–76.
 15. Меньшиков А. С., Якимова О. А. Поиски альтернативы конфессиональному религиозному образованию в Европе: критическая рефлексия опыта // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 168, № 23(4). С. 165–180.

16. *Серебрякова Ю. В.* О понятии «экзистенциальный кризис» в современной философии // *Личность. Культура. Общество.* 2016. Т. 18, № 3–4(91–92). С. 88–95.
17. *Харунжева М. А.* Феномен видения в теории познания // *Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та.* 2011. № 4–4. С. 29–33.
18. *Хохлов А. М.* Тяжба об иррациональном: Лев Шестов и Альбер Камю // *Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение.* 2013. № 11(112). С. 81–89.
19. *Шестов Л.* Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Власть ключей. М., 1993.
20. *Шестов Л.* Сочинения : в 2 т. Т. 2 : На весах Иова (Странствие по душам). М., 1993.
21. *Шестов Л.* Философия трагедии. М., 2001.
22. *Шуталева А. В.* Трансценденция как онтологическая возможность сознания // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та.* 2009. № 8(42). С. 38–42.
23. *Шуталева А. В., Путилова Е. А.* Со-бытие чтения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики.* 2014. № 12–3(50). С. 202–204.
24. *Alexeeva E. V.* Religious conversation as a way to overcome loneliness // *Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018).* 2019. P. 334–339. DOI: <https://doi.org/10.2991/csis-18.2019.68>
25. *Kosolapov R. A., Kuybar, V. I.* Concept and Structure of a Phenomenon of Spirituality in Modern Religious Studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2015. Vol. 8(9). P. 1973–1978.
26. *Ogden M. G.* Facing the absurd: On Lev Shestov's angel of death [Faire face à l'absurde: à propos de l'Ange de la Mort de Lev Shestov] // *European Journal of Psychotherapy and Counselling.* 2019. Vol. 21(1). P. 5–21.
27. *Dulebová I., Duleba M.* Lev Shestov's philosophical prose: Poetological components of "Apotheosis of Groundlessness" in relation to the philosophy of subjectivism // *World Literature Studies.* 2018. Vol. 10(2). P. 41–50.

Рукопись поступила в редакцию 13 февраля 2019 г.

УДК 327.7 + 342.843 + 328.1 + 341.17

Б. П. Гуселетов

ЕВРОПЕЙСКИЕ ВЫБОРЫ 2019: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В мае этого года в Евросоюзе пройдут очередные выборы депутатов Европарламента. На результаты этих выборов серьезное влияние окажут финансово-экономический и миграционный кризисы, Брекзит, поляризация между различными регионами Евросоюза, рост популярности евроскептических и популистских партий. Автор анализирует влияние данных факторов и делает прогноз результатов указанных выборов для ведущих общеевропейских партий, в том числе в региональном плане.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Евросоюз, европейские выборы, Европарламент, евроскептические партии, регионализм.

В мае 2019 г. в странах Европейского союза пройдут выборы депутатов Европейского парламента (ДЕП). Они вызывают интерес по ряду причин. Во-первых, в соответствии с Лиссабонским договором права Европарламента (ЕП) расширяются [3]. Во-вторых, в большинстве стран ЕС усилилась популярность евроскептических партий, которые представлены в нынешнем составе ЕП. В новом составе ЕП их представительство будет больше [1]. В-третьих, в ЕС прошла поляризация между различными регионами. С одной стороны, бывшие члены социалистического лагеря (Болгария, Венгрия, Польша, Чехия) пытаются все более активно противостоять старым членам ЕС (ФРГ, Франции и др.) в вопросах миграционной политики, отношений с США и НАТО и т. д. С другой стороны, среди старожилев ЕС наметились серьезные разногласия, которые нашли свое выражение в решении Великобритании выйти из ЕС, критике руководства Венгрии и Польши за их негативное отношение к миграционной политике Евросоюза, особой позиции нового руководства Италии и Греции, касающейся дальнейших перспектив развития Евросоюза, в том числе в отношении с РФ, и т. д.

Сегодня в ЕП действуют шесть фракций, аффилированных с общеевропейскими партиями. В табл. 1 представлены итоги выборов депутатов Европейского парламента 2014 г.

Таблица 1

Итоги выборов депутатов Европарламента 2014 г. [2]

Фракция	Партия	Количество ДЕП, % от общего числа	Ведущие страны ЕС по числу ДЕП во фракции
Европейская народная партия	Европейская народная партия (ЕНП) (Проевропейская, ПЕ)	217 (28,89 %)	ФРГ – 34 Польша – 22 Франция – 20
Альянс социалистов и демократов (ПАСД)	Партия евросоциалистов (ПЕС) (ПЕС)	190 (25,29 %)	Италия – 31 ФРГ – 27 Англия – 20
Евроконсерваторы и реформисты	Евроконсерваторы и реформисты (ЕКР) (Мягкие евроскептики, МЕС)	74 (9,85 %)	Англия – 19 Польша – 16 ФРГ – 6
Альянс либералов и демократов за Европу	Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ) (ПЕ)	70 (9,32 %)	Бельгия – 12 Испания – 8 Голландия – 7
Европейские левые – Зеленые севера (ЕЛ)	Партия европейских левых (ПЕЛ) (МЕС)	52 (6,92 %)	Испания – 11 ФРГ – 8 Греция – 6
Зеленые – Европейский свободный альянс (ЗСА)	Европейская партия зеленых (ЕПЗ) (ПЕ)	50 (6,66 %)	ФРГ – 13 Англия и Франция – по 6
Европа свободы и прямой демократии (ЕСПД)	Альянс за прямую демократию в Европе (АПД) (МЕС)	45 (5,99 %)	Англия – 16 Италия – 14 Франция – 6
Европа наций и свобод (ЕНС)	Европа наций и свобод (ЕНС) (Жесткие евроскептики)	39 (5,19 %)	Франция – 15 Италия – 6 Голландия – 4
Независимые		14 (1,86 %)	

В нынешнем ЕП доминируют проевропейские партии ЕНП, ПЕС и АЛДЕ, имеющие 479 депутатских мест из 751. Основные позиции в них занимают депутаты из ФРГ (65 ДЕП), Франции (39 ДЕП), Испании (39 ДЕП) и Италии (36 ДЕП). В евроскептических партиях (ЕКР, ПЕЛ, АПД, ЕНС) ключевые роли играют ДЕП от Англии, Италии, Польши, Франции и ФРГ. Доминирование в ЕП представителей старых европейцев наблюдается многие годы, что вызывает недовольство новых членов ЕС – Венгрии, Польши, Чехии. На последних выборах депутатов Европарламента, которые состоялись в 2014 г., в ЕП впервые была сформирована группа жестких евроскептиков ЕНС.

Компания POLITICO опубликовала прогноз депутатов Европарламента-2019 [4], согласно которому композиция нового ЕП (705 ДЕП) может выглядеть как в табл. 2.

Таблица 2

Возможная композиция нового состава ЕП

Фракция	Количество ДЕП, % от общего числа	Ведущие страны ЕС по числу депутатов в группе
ЕНП	183 (25,95 %)	ФРГ – 29, Польша – 20, Испания – 14
ПАСД	134 (19 %)	Италия – 15, Испания – 15, ФРГ – 14
АЛДЕ	66 (9,36 %)	Испания – 11, ФРГ – 9, Чехия – 8
ЕНС	58 (8,22 %)	Италия – 27, Франция – 20, Австрия – 5
ЕКР	53 (7,51 %)	Польша – 25, Бельгия, Италия – по 4
ЕЛ-ЗС	52 (7,37 %)	ФРГ, Испания, Франция – по 9
Новые партии	45 (6,38 %)	Испания – 10, Румыния – 8, Голландия – 5
З-ЕСА	44 (6,24 %)	ФРГ – 19, Франция – 7, Чехия – 4
ЕСПД	41 (5,81 %)	Италия – 22, ФРГ – 12 Франция – 6
Республика на марше	22 (3,12 %)	Франция – 22
Независимые	7 (1 %)	

Как видно из табл. 2, ведущие проевропейские партии ЕНП, ПЕ и АЛДЕ хотя и сохранят относительное большинство в новом составе Европарламента (383 из 705), но значительно сократят свое представительство даже с учетом того, что к ним присоединятся ДЕП от партии президента Франции Э. Макрона «Республика на марше». Заметно усилит свои позиции жесткая евроскептическая партия «Европа наций и свобод», в основном за счет представителей партии «Лига» из Италии.

В целом все евроскептические партии (ЕНС, ЕКР, ПЕЛ, АПД) будут контролировать примерно 30 % депутатских мест в Европарламенте, что позволит им претендовать на занятие ведущих позиций в этом органе – руководителей комитетов и комиссий.

Усилят свои позиции и представители новых стран-членов ЕС: Польши, Венгрии, Чехии и др., а они, как известно, тоже настроены весьма скептически к нынешнему состоянию дел внутри ЕС и, несомненно, будут настаивать на его существенной трансформации в интересах этих стран.

1. Гуселетов Б. Евроскептики в канун очередных выборов в Европейский парламент // Доклады Института Европы РАН. № 357. М., 2018. С. 29–36. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/357.pdf> (дата обращения: 02.02.2019).

2. Гуселетов Б. П. Подготовка к выборам в Европейский парламент и их результаты // Выборы в Европейский парламент 2014: итоги и перспективы : сб. ст. / [ред. кол.: В. Я. Швейцер, Б. П. Гуселетов, Н. С. Плевако]. М., 2014. С. 25–37.

3. Кавешников Н. Ю. Лиссабонский договор: как меняется Европейский союз // Сайт «Перспектива» сетевого издания Центра исследования и аналитики Фонда историческая перспектива. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/lissabonskij_dogovor_kak_menajetsa_jevropejskij_sojuz_2009-12-22.htm (дата обращения: 02.02.2019).

4. Сайт POLITICO. URL: <https://www.politico.eu/2019-european-elections/> (дата обращения: 02.02.2019).

АВТОРЫ НОМЕРА

АБЗАЛБЕКОВ Бауржан Сундетбаевич — аспирант кафедры политологии исторического факультета Омского государственного университета, главный эксперт Управления анализа и методологии Центра Болонского процесса и академической мобильности (Казахстан). E-mail: Babzalbekov@list.ru

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: n-tata@mail.ru

АХМЕТШИНА Рамиля Рифкатовна — магистрант кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: muhomedayrova.ramilya@gmail.com

БАКОВ Антон Алексеевич — соискатель кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат технических наук. E-mail: a-bakov@yandex.ru

БАХРИЕВ Бахри Хуршедович — аспирант кафедры мировых политических процессов факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

БАХТУРИДЗЕ Зейнаб Зелимхановна — профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор политических наук. E-mail: zeinabb1000@mail.ru

БИРЮКОВ Евгений Сергеевич — проректор по учебной работе, начальник Ресурсного учебно-методического центра по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья Челябинского государственного университета, кандидат экономических наук. E-mail: gumc@csu.ru

БОРИСОВ Денис Алексеевич — заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат исторических наук. E-mail: denisborisov@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Наталия Алексеевна — профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор философских наук. E-mail: n52basil@gmail.com

ГАЙНУЛЛИНА Лилиана Файбергзовна — доцент кафедры истории и философии Института строительных технологий и инженерно-экологических систем Казанского

государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук. E-mail: lianagai@ya.ru

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович — ведущий научный сотрудник отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН (Москва), доцент, доктор политических наук. E-mail: bguseletov@mail.ru

ДРОНИШИНЕЦ Николай Павлович — заведующий кафедрой философии Новоуральского технологического института Национального исследовательского ядерного университета-МИФИ, профессор, доктор философских наук. E-mail: dronishinets1@yandex.ru

ИВАННИКОВ Никита Сергеевич — старший преподаватель кафедры международных отношений гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, аспирант этой же кафедры. E-mail: ivannikov.n78@gmail.com

КЕРИМОВ Александр Алиевич — доцент кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: kerimov68@mail.ru

КОЗЛОВ Вадим Николаевич — профессор кафедры социальной работы и социологии экономического факультета Челябинского государственного университета, кандидат экономических наук. E-mail: kozlovvn@list.ru

МЕЛЬНИК Александр Викторович — доцент кафедры философии и культурологии инженерно-экономического факультета Уральского государственного горного университета, кандидат философских наук. E-mail: melnikalex@list.ru,

МЕНЬШИКОВ Андрей Сергеевич — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: asmenshikov@urfu.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич — профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор исторических наук. E-mail: pogodin56@mail.ru

РОМАНЕНКОВА Дарья Феликсовна — заместитель начальника Ресурсного учебно-методического центра по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья Челябинского государственного университета, кандидат педагогических наук. E-mail: droman@csu.ru

САЛГАНОВА Елена Ивановна — исполняющая обязанности заведующего кафедрой социальной работы и социологии экономического факультета Челябинского государственного университета, кандидат социологических наук. E-mail: salganova@yandex.ru

САФИНА Айнур Маратовна — доцент кафедры истории и философии Института строительных технологий и инженерно-экологических систем Казанского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук. E-mail: ainur.safina@mail.ru

СЕЙДУМАНОВА Анель Сериковна — второй секретарь Министерства иностранных дел Республики Казахстан, аспирант Дипломатической академии МИД РФ. E-mail: seidumanova@gmail.com

СМИРНОВА Татьяна Николаевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии

Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: Tatianavonnoble@yandex.ru

УСТЮГОВА Елена Николаевна — профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. E-mail: Elena.ust@gmail.com

ХАФИЗОВА Виктория Рауфовна — аспирант кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: vikakhaf@mail.ru

ЧЕШНОКОВА Леся Владимировна — специалист научной библиотеки Омского государственного университета путей сообщения, кандидат философских наук. E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

ШЕМОНАЕВ Тимур Игоревич — доцент кафедры философии и культурологии инженерно-экономического факультета Уральского государственного горного университета, кандидат философских наук. E-mail: tishemyr@mail.ru

ШЕСТОВСКИХ Наталия Александровна — ассистент кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), соискатель кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: natshe@mail.ru

ШУТАЛЕВА Анна Владимировна — доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: ashutaleva@yandex.ru

ЯКИМОВА Ольга Александровна — доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: o.a.iakimova@urfu.ru

SUMMARY

ONTOLOGY

Melnik A. V., Shemonaev T. I. Discourse picture of the world: ontological analysis5

In the article, the phenomenon of a discursive picture of the world is analyzed in an ontological perspective, and the authors also examine its correlation with the social order. The authors use the phenomenological-hermeneutic method, which allows them to clarify the specifics of being a discursive picture of the world in relation to language and social reality. Discourse as a statement exists as a current event. The discursive picture of the world is an open dynamic system of concepts, which, on the one hand, is formed under the influence of discursive practices, on the other hand, influences their intentionality. From an ontological point of view, this system is located between language and reality, influencing both language and reality.

Key words: discourse, discursive picture of the world, language, consciousness, reality, communication, discursive practice, phenomenology, hermeneutics, event, state of affairs, quantum system.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Ahmetshina R. R. Stereotypical Perception of Orphans in Russia14

The article deals with the problem of how orphans are perceived by Russians. The author comes to the conclusion that negative stereotypes prevail in modern Russia. The population considers these children mainly as lonely, poor, unhappy, sad, ill-bred, embittered etc. The negative range of connotations stems from the lack of information among the majority of the population about such children and their negative representation in the mass media and in the Internet. Negative stereotypes become an obstacle to the successful adaptation of orphans in society. But the study has also shown that the effective use of information channels, the active involvement of communities in the life of an orphanage can create a more reliable picture of orphans. The author concludes that in modern Russia there has been a new trend of the volunteer movement among the population who are helping children in orphanages and the rising number of respondents who are ready to do so.

Key words: orphans, orphanage, negative stereotype, Russians, media, the Internet.

Biryukov E. S., Kozlov V. N., Romanenkova D. F., Salganova E. I. Educational Needs of Disabled Prospective Students as a Factor of Their Adaptation in a Transforming Society21

The educational needs of students with disabilities were analyzed by the authors from the standpoint of the functional approach. Within the framework of this approach, educational needs, on the one hand, are distinguished by multi-level functional diversity, on the other hand, it is an adaptation factor in a transforming society. The purpose of the research is to study the needs of graduates, to identify the factors involved in how they choose a profession, university, convenient forms and requirements for the conditions of education. The empirical base of the research was collected by the authors in 2017 – 2018 in general education and special (correctional) schools in the Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan regions. The methods used in the study combine a quantitative and qualitative strategy. The research documented the legality and social significance of inclusive education. The factors that influence the formation and development of the educational needs of prospective students in the region are determined. In addition, problems and main preferences of students with disabilities were identified.

Key words: adaptation of persons with disabilities, choice of profession, accessibility of education, disabled, inclusive education.

Antonova N. L., Khafizova V. R. Journalism Students: Their Professional Motivation and Value Orientations in a Mediatized Society39

The article analyzes the professional motivation and value orientations of journalism students in the context of the mediatization of society. In 2018, we carried out a survey of students of the Faculty of Journalism of the Ural Federal University ($n = 162$) and the Faculty of Television and Radio Journalism of the University for the Humanities ($n = 40$). We also conducted interviews with faculty deans ($n = 2$). The research materials showed that the leading motives for choosing a journalism are interest in journalistic activities and the opportunity to exercise their literary abilities. A journalist, according to the students, is involved in the creation of unique content. Students associate their future professional activities with convergent journalism, with accuracy, fact checking and honesty being the value preferences.

Key words: mediaization, value orientations, professional intentions, students, journalists.

Iakimova O. A., Menshikov A. S. The Dynamics of Attitudes towards Immigrants in Russia in Comparison with European Countries46

Mass labor migration presents a formidable challenge to the host countries who have to find efficient policies of integrating new social groups while retaining the political support of their own population. This article aims at exploring the changes in attitudes towards immigrants in Russia. It is based on the findings of the European Social Survey, which included five waves of polling in Russia between 2006 and 2016. We calculated the indicators of the attitudes towards immigrants of same race/ethnic group, immigrants of different race/ethnic group, and immigrants from poorer countries outside Europe and compared their dynamics in the last ten years. We also calculated the dynamics of average values of our indicators with regard to threat perception: whether economic or cultural threat of immigration was perceived as paramount by the population in Germany, Sweden, Spain, Poland, and the UK. We conclude that the trends of attitude change in Russia and the European countries go in the opposite directions. If in Russia the number of people who are wary of or reject immigrants grows incrementally, in the European countries it decreases. Much more often than the Europeans, Russian people are inclined to believe that immigration undermines national economy, corrupts national culture, and overall makes Russia a worse place for living. Correlational analysis is used to reveal the difference between majorants of intolerant attitude towards immigrants of different race/ethnic group: in the European countries, immigrants are mostly regarded as a cultural threat whereas in Russia they are perceived as both cultural and economic threat.

Key words: attitude to immigration, xenophobia in Russia, xenophobia in Europe, economic factors of xenophobia, cultural factors of xenophobia, European Social Survey

Grunt E. V. Third Wave Russian-speaking Immigrants' Life Style in Modern Greece: Regional Aspect...62

The article analyses the third wave Russian-speaking immigrants' life style in one of the Greek's region. The research has identified three groups of Russian-speaking immigrants living in Greece. The first one consists of repatriates from former Soviet Republics (Georgia, Moldova, Kazakhstan, and Uzbekistan). The second group includes immigrants who have come to Greece in order to find a job. Some of them have stayed for good, others keep trying to do so. The third group of immigrants are those people who have come to Greece due to a marriage. The research has shown that the majority of the immigrants can be considered as former "Russians" thanks to their life style. They keep the life style that has been formed in the exodus country. The minority of the immigrants have transitional style of their life. They are more integrated in the Greek culture than the first ones. The survey has determined the new trend in immigrants' environment: the immigrants attempt to decide their issues with the help of fellows who live in exodus countries. They communicate to each other through social networks. The study has elucidated that receiving culture affects Russian-speaking immigrants' life style as well as the immigrants' life style changes sociocultural environment of modern Greece.

Key words: Russian-speaking immigrants, Greece, life style, three groups of immigrants, third wave.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Abzalbekov B. S. Normative and Value Orientations of Modern Political Parties of Russia74

Ideological features of parliamentary political parties of the Russian Federation at the present stage are considered. The processes of formation of conservatism as the official ideology of the United Russia party are touched upon. Attention is paid to the phenomenon and values of the concept of "Russian conservatism". In addition, we consider the conservative attitudes and elements contained in the ideologies of the political parties of the Communist

party, “Just Russia”, the LDPR. The study was conducted in the framework of partology, through historical and descriptive methods, as well as the method of analysis and study of documents.

Key words: political party, ideology, conservatism, Russian conservatism, socialism, social democracy, liberal democracy, patriotism.

Seidumanova A. S. Features of Forming Ethno-Political Models in the Post-Soviet Space.....85

The formation of a national (ethnic) identities continues, and the search for the optimal ethnopolitical models is conducted in the post-Soviet space. The purpose of this article is to analyze the positive and negative experience of nation-building gained by the new independent states. The general principles of policy in relation to national, ethno-cultural, linguistic, and religious minorities, outlined in the fundamental international documents, are enshrined in the laws of all the republics of the former USSR. However, in their real ethnic policy, the political elites of these states adhere to different approaches and models. These include some controversial models such as “ethnic democracy” that legitimizes direct and indirect discrimination on a linguistic and ethnic basis. The Kazakhstan model of interethnic unity and harmony is deservedly regarded by the world community as one of the most successful and democratic forms of ethnic policy, responding to the principles and provisions of international and European law in the regulation of interethnic relations. At the same time, at the present stage of development of Kazakhstani society, the task of transition to new models, methods, technologies of ethno-political management arises.

Key words: ethnic policy, Russia, Kazakhstan, post-Soviet republics, ethno-cultural and civic identity, national self-determination, ethnic minorities.

INTERNATIONAL RELATIONS

Ivannikov N. S. Institutional Solutions to the Problem of Food Security94

Nowadays, dealing with hunger is one of the most important tasks for humanity. However, there are plenty of local and some global problems that impede the effective provision of food security. Since provision of food security is in charge of the states, it is their task to ensure that the impediments to food security are liquidated and solutions are found on the institutional level. In this article, some of the global impediments are highlighted, as well as the analysis of activities of certain countries and such organizations as the UN is conducted. It allows to estimate the efficiency of the decisions in providing food security. According to the results of the research, some of the actions are counterproductive.

Key words: UN, food, food security, biofuel, dietary structure, desertisation.

Kerimov A. A., Bakov A. A. International Activity of Regions: Main Directions and Tools of Paradiplomatic Activity.....102

The purpose of this article is to identify and analyze trends and instruments of the regions’ international activity of paradiplomacy. The authors identify two groups of factors that determine this process, as well as the goals that regions pursue in their international activities. As the main directions of the paradiplomacy, the authors identify activities in the field of politics, economy and culture, and among the tools to achieve these goals, it is proposed to consider the practice of participation of regions in the conclusion of international treaties.

Key words: paradiplomacy, international activity of regions, region, globalization, decentralization, integration.

Bakhturidze Z. Z., Vasilyeva N. A., Pogodin S. N. The Role of the “16 + 1” Cooperation Platform in the EU — PRC Strategic Relationship.....108

The PRC is actively pursuing its foreign policy in Central and Eastern Europe with 11 EU member states and 5 candidate countries to the EU being involved in the “16+1” cooperation platform. At the seventh (2018) annual summit, China and the CEE countries increased their trade by 1.5 times. The “Chinese factor” can strengthen centrifugal sentiment in the CEE countries against the background of their unequal positions in the EU. EU candidate countries can use partnerships with the PRC to lobby for EU membership. The research methodology was based on a comparative approach, analysis of sources and statistical data. For the article, EU, PRC documents, statements on the results of the “16+1” summits, and expert assessments were used. In conclusion, it is noted that in Brussels there is no unequivocal assessment of the growth of the influence of the PRC on the “periphery”

of the EU. It seems that China is not interested in splitting the EU, since the chances of implementing the strategic project “One Belt - One Way” will decrease.

Key words: European Union, the “16+1” cooperation platform; the “Chinese factor”; cooperation; inter-regional relations, strategic relationships.

Dronishinets N. P. Cooperation between the EU and Japan in Global and Regional Security..... 117

The modern global world is determined by the growing influence of China and the weakening of the US role. The uncertainty created by the administration of D. Trump, encourages Japan and the EU to strengthen their cooperation on an unprecedented level. The article analyzes two major Agreements between the EU and Japan: on Strategic Partnership and on Economic Partnership, which were signed in 2018 and are in force since 2019. As a methodology, the author uses the ontological constructivism with the heuristic capabilities of the concept global governance, which allows to consider the evolution, the factors of forming a strategic partnership in the field of global and regional security between the EU and Japan.

Key words: cooperation, security, European Union, Japan.

Borisov D. A. Uzbekistan’s Foreign Policy under Sh. Mirziyoyev: Strategy and Practice 130

The article analyzes the changes in the foreign policy of Uzbekistan after President Sh. Mirziyoyev was elected. The author analyzes the adopted strategic documents and the first diplomatic steps of the new President. It is noted that Uzbekistan managed to take a profitable diplomatic position in a short period as a transmission actor in the development of Chinese transport and logistics projects through the Eurasian space. The author emphasizes that the foreign policy tasks of Uzbekistan is closely tied to the needs of socio-economic development. The active economic diplomacy of the PRC is forcing Tashkent to look for proportionate economic balances in cooperation with other countries of the region. Additionally, the author identifies a change in the quality of interstate relations of Uzbekistan with neighboring countries, which largely occurs under pressure from the cross-border imperative of the Chinese project.

Key words: Uzbekistan, foreign policy, Central Asia, socio-economic development, regional cooperation, national interests.

Bahriev B. K. Central Asian Vector of Non-State Actors’ Socio-Humanitarian Activities: The Case of Aga Khan Development Network 140

The article examines the socio-humanitarian activities of non-state actors (NSAs) in post-Soviet Central Asia focusing on the Aga Khan Development Network activities (AKDN). It is argued that despite increasing role of non-state actors in the socio-humanitarian dimension of world politics, their work is not always perceived positively. In this context, Central Asia also presents challenges for the work of the NSAs, although dealing with social and economic problems of the region’s states generates significant demand for the involvement of international non-state actors. Based on the evaluation of the results of the activities (in the sphere of humanitarian assistance, education, culture and health) of AKDN, it is demonstrated that the public-private partnership in solving the pressing social and humanitarian problems of Central Asian states has positive influence.

Key words: non-state actors, neoliberalism, Aga Khan Development Network, Central Asia, socio-humanitarian activity.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Gaynullina L. F., Safina A. M. Trolling as a Form of Irony Manifestation on the Internet: Philosophical and Cultural-Anthropological Aspects 153

The article is devoted to irony as a philosophical category indicating a specific attitude to the world, the essence of which lies in its implicit rejection of reality, with its explicit acceptance and approval. The purpose of the study is to show how irony in its philosophical understanding is realized in the process of online communication. Based on the historical-logical and hermeneutic approaches, the authors explore the specific features of irony on the Internet, one of the dominant forms of manifestation of which is trolling. It is emphasized that trolling reveals the antinomic character of Internet communication and makes one doubt the claim of the online sphere to be a space of full-fledged social interactions, considering it as a parody of itself. Thus, trolling performs axiological discredit and metaphysical denial of online activism.

Key words: irony, internet, communication, online communication, trolling, Poe’s law.

Tchesnokova L. V. Privacy, boredom and gender relations in the modern era 164

The article discusses the changes that took place in the bourgeois family in the modern era. As a result of industrialization, there emerged a separation of public and private space, male and female activities, based on ideas about the different nature of the sexes. An active, rational man is engaged in professional activities, and a weak and emotional woman by nature is meant for family and motherhood. A bourgeois woman does not have the opportunity to work outside the home, and her home activities lose the character of useful work, perceived as meaningless and monotonous, giving rise to a feeling of boredom - a state of endless, lifeless time. Although the possibility of not working was present only for a small percentage of women, the ideology of separate spheres was understood as the ideal of the family for all segments of society. This influential mental construct continues to exist in our time.

Key words: Privacy, boredom and gender relations in the modern era.

Ustiugova E. N. Russian Avant-Guard of the 1920s: Two Ways of Converging the Life and the Art..... 177

This article examines the fate of innovative artistic ideas and aesthetical projects of the 1920s. It studies experience of avant-garde artists in their theoretical search for harmony of being, spirit, sense and creativeness. Two radically new aesthetical concepts could serve this goal: metaphysical and practical. Their similarity and ideal-methodological difference are reviewed, the reason behind the latter is interpreting “life”, both in cosmic and social worlds. Metaphysical subjectless aesthetics followed a path of creative transformation of human being through the development of a new conscience. Practical aesthetics implied an active inclusion of human being into practice-functional interaction with new ways of material form-creation. The article uncovers characteristics of utopianism in the idea of art having a decisive role in achieving the ideal perfection of the world and human, interpreting “position” as the highest stage of internal integration of human being and achieving wholeness of humanity. Position of B.Groys is criticized, which relies on connection between avante-garde and totalitarianism projects.

Key words: Avant-guard, aesthetics, art, Kandinsky, Malevich, constructivism, life, the form, creativity, beauty, perfection, Grojs.

Smirnova T. N. Existential Silence in the Work of V. Silvestrov 185

The search for new meanings and methods of embodiment in the artistic work of existential foundations leads composers to silence. The article deals with the embodiment of the existential of silence in the works of the composer Valentin Silvestrov. The existential silence is revealed as an ontological phenomenon associated with Nothing and truth. In the works of the composer it is embodied in the process of self-knowledge — “listening to himself”. V. Silvestrov attaches to existential silence a sacral meaning, his music originates from Nothing. Particular attention is given to the vocal cycle “Silent Songs”, in which the existential of silence is embodied most clearly.

Key words: Silence and quietness, existential, “Silent Songs”, sacral, being, time, V. Silvestrov, Nothing.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Shestovskikh N. A. Concept of «Christian Socialism» in the Works of Russian Religious Philosophers (end of the 19 – the beginning of the 20 century) 193

The article analyses the works of Russian religious philosophers of the late 19th and early 20th centuries. It considers the concept of «Christian socialism» — a religious interpretation of current social problems based on Christian theology, philosophy, ethics and sociology. The works of V. F. Ern and S. N. Bulgakov, devoted to the problem of the organization of society on the basis of the Christian ideal, are analyzed in detail, and the general features and cardinal differences in the concepts of Russian philosophers are revealed.

Key words: Bulgakov S. N., Ern V. F., Christian socialism, property, Russian religious philosophy.

Shutaleva A. V., Putilova E. A. The Problem of Absurdity in Religious Philosophy of Lev Shestov..... 204

The article presents a study of the views of Lev Shestov on the problem of the absurdity of faith as the quintessence of the inner life of the individual. L. Shestov applies the category of absurdity to the knowledge of God, the living person and the world. The article analyzes the work of Job as a conceptual character in the works of L. Shestov. This analysis allows us to show the absurd as a condition for the experience of a genuine existence.

Absurdity appears as a renewal of the experience of the individual's own beginning, where faith destines a person to the knowledge of the unknown and to "staying in the unknown".

Key words: absurdity, philosophy of absurdity, freedom, faith, Lev Shestov, religious philosophy.

SHORT NOTICES

Guseletov B. P. European Elections 2019: Regional Aspect.....211

In May of 2019, regular elections for the European Parliament will be held in the European Union. The results of these elections will be seriously affected by the financial, economic and migration crises, the Brexit, the polarization between different regions of the European Union, the growing popularity of Euroskeptical and populist parties. The author analyzes the influence of these factors and makes a forecast of the results of these elections for the leading pan-European parties, including the regional context.

Key words: European Union, European elections, European Parliament, Eurosceptic parties, regionalism.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3
Общественные науки

2019. Т. 14

№ 2 (188)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 25.06.2019. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 18,15. Усл. печ. л. 18,36. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 203.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г. ;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 22 июня 2018 г. с присвоением международного стандартного номера электронного издания журнала ISSN 2619-0613;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);

- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/russia/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводятся в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru